780
О-110
БР

Концерты М.Е. Пятницкаго съ крестьянами.

780
О-110

Изданіе „Робертъ Кенцъ"
Москва, Мясницкая домъ №5.

780
-110

О БЫЛИНАХЪ И ПѢСНЯХЪ ВЕЛИКОЙ РУСИ.

78496 бф
49 г
780
0-110

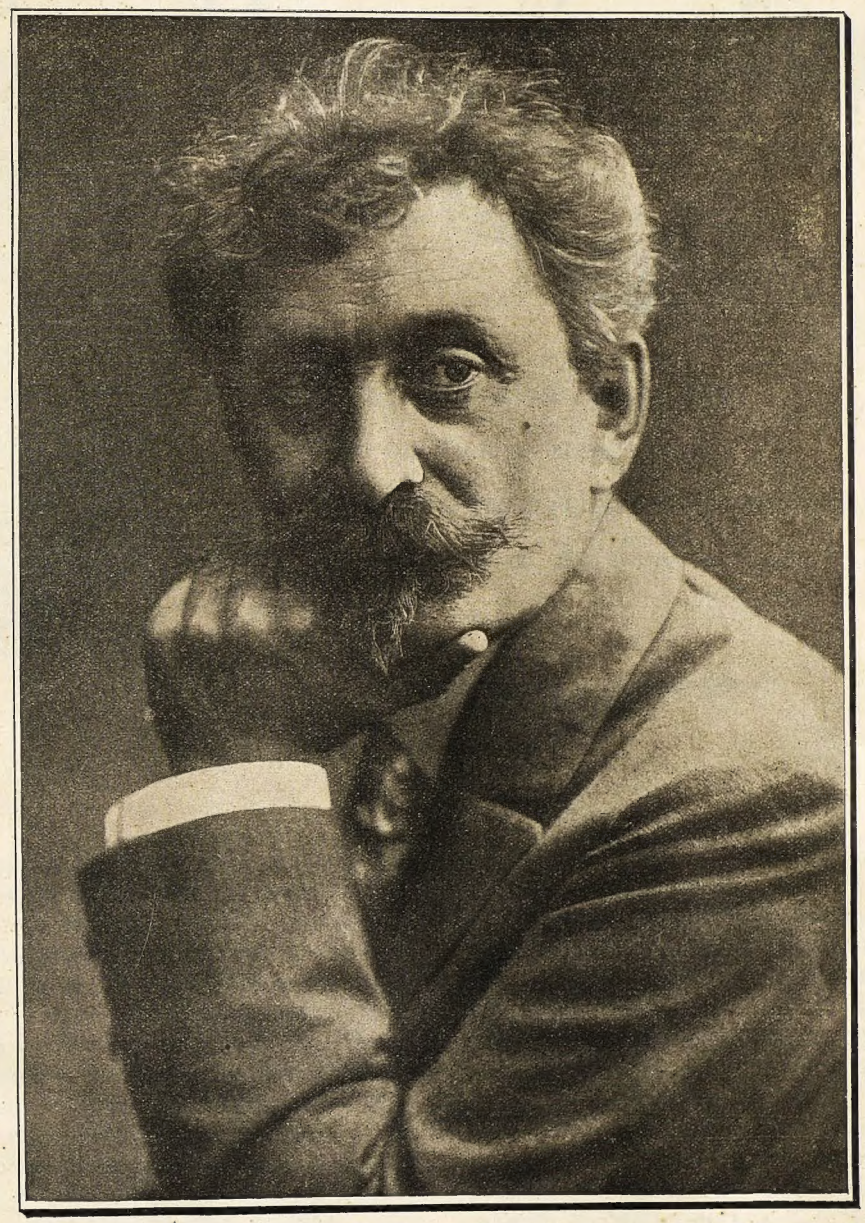
1 л. портр.

20% съ каждаго проданнаго экземпляра поступаетъ въ пользу Всероссійскаго Земскаго Союза помощи больнымъ и раненымъ воинамъ.

[1914]

ЦѢНА 2 РУБ.

Типо-Литографія Ж. ШЕЙБЕЛЬ. Москва, Мясницкая, Фуркасовскій пер., домъ № 5.



М. Е. Пятницкій,

собиратель народныхъ пѣсенъ, Членъ Музыкально-этнографической Комиссіи при Московскомъ ИМПЕРАТОРСКОМЪ Обществѣ Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Старинная Русская Пѣсня

Охъ, ты воспой же,
Ты только воспой,
Охъ, воспой, жавороночекъ,
Весной на проталинкѣ!

Въ настоящее время, какъ извѣстно, быстро исчезаетъ изъ народной среды старинное русское искусство во всѣхъ его видахъ, замѣняясь новыми посторонними вѣяніями, доходящими до простого народа изъ „культурныхъ“ слоевъ. Такъ, напр., живописные прежніе русскіе простонародные костюмы по деревнямъ все больше и больше замѣняются каррикатурнымъ подражаніемъ тѣмъ модамъ въ одеждѣ, которыя господствуютъ въ городахъ. То же происходитъ и въ области музыки и пѣнія. Чудные древніе русскіе напѣвы духовныхъ стиховъ, былинъ, историческихъ, бытовыхъ, обрядовыхъ, хороводныхъ и друг. пѣсенъ до такой степени быстро забываются и замѣняются различными заимствованными изъ городовъ мотивами, до кафе-шантанныхъ куплетовъ включительно,—что теперь старинные русскіе народные напѣвы можно услыхать только въ самой глухой деревнѣ и при томъ только отъ самыхъ старыхъ крестьянъ.

Цѣнители русской народной музыки, поэтому стали послѣднее время съ особеннымъ усердіемъ собирать эти старинные напѣвы для того, чтобы спасти ихъ отъ полнаго забвенія, которое, несомнѣнно, должно наступить очень скоро, если не будутъ приняты мѣры къ предотвращенію этого.

Однимъ изъ дѣятельныхъ, въ настоящее время, собирателей и воспроизводителей русскихъ народныхъ пѣсенъ является, какъ пишетъ въ своемъ письмѣ В. Г. Чертковъ,—г. Пятницкій, посвятившій этому дѣлу десять лѣтъ упорнаго труда во время своего досуга отъ обязательныхъ занятій по службѣ. Цѣль его не ограничивается однимъ только собираніемъ напѣвовъ ради „коллекціонерства“. Онъ горитъ желаніемъ подѣлиться съ русскимъ обществомъ этими сокровищами

древне-русскаго творчества. Онъ убѣжденъ въ томъ, что, если русское культурное общество ознакомится съ самобытными русскими пѣснями, то онѣ не смогутъ не полюбиться ему больше тѣхъ вводимыхъ въ Россію, главнымъ образомъ, изъ заграницы, пошленькихъ мотивовъ, которые въ настоящее время такъ широко распространяются въ городахъ и волною идутъ въ деревню, развращая всеобщій вкусъ къ истинному народному искусству. Г. Пятницкаго поддерживаетъ надежда въ томъ, что взятыя имъ у народа пѣсни, сдѣлавшись популярными среди образованнаго населенія, будутъ перениматься обратно той самой народной средой, которая ихъ въ минувшіе вѣка создала и что, такимъ образомъ, „твоя отъ твоихъ" вернется къ простому русскому народу въ область музыкальнаго творчества то, что онъ самъ создалъ и что по своему истинному художественному достоинству гораздо выше того, чѣмъ онъ въ настоящее время такъ быстро извнѣ заражается и развращается.

Г. Пятницкій не довольствуется ознакомленіемъ общества съ народной русской пѣсней, но расширяетъ свою задачу, стараясь, вмѣстѣ съ пѣніемъ, выставить и ту бытовую обстановку, при которой поются тѣ или другіе напѣвы. Онъ показываетъ народные обряды, даетъ соотвѣтствующіе напѣвамъ костюмы и декораціи. Самая же главная и цѣнная особенность концертовъ Пятницкаго та, что народныя пѣсни исполняются большею частью не наряженными въ мужицкіе костюмы артистами профессіоналами, перенявшими пѣсни у народа, а настоящими живыми носителями этихъ напѣвовъ. Такимъ исполнителямъ нѣтъ надобности ни одѣвать чужой одежды, ни поддѣлываться подъ „русскихъ мужиковъ". Они сами — русскіе мужики, и поютъ они „какъ умѣютъ", какъ поютъ у себя гдѣ нибудь „на завалинкѣ", на „посидкахъ", въ хороводахъ, на дѣвичникахъ или свадьбахъ.

Вся музыкальная Москва приходила слушать концерты г. Пятницкаго съ крестьянами. Музыкальные критики помѣщали на столбцахъ московскихъ газетъ восторженные отзывы: „пѣсни исполняемыя крестьянами очень интересны и по словамъ, и по напѣвамъ; среди нихъ есть прямо жемчужины, но особенную окраску и значеніе они получаютъ въ народномъ исполненіи" — (Русскія Вѣдомости); „громадная заслуга М. Е. Пятницкаго именно въ томъ, что онъ привезъ поющую деревню изъ медвѣжьихъ угловъ сюда, въ сердце Россіи, оторванное отъ этихъ угловъ. Пѣсни поются удивительно стройно и хорошо, такъ поютъ именно для себя, въ силу накопившейся въ груди потребности—пѣть" (Русское Слово); „и эти никому невѣдомыя Аринушки, Николаи Иванычи, Прасковьи Ѳедоровны — зачастую такъ владѣютъ своимъ искусствомъ въ его цѣломъ (мелодія, гармонія, контрапунктъ, музыкальная экспрессія), что трудно понять, какъ, занимаясь этимъ искусствомъ между дѣлами, можно такъ артистично передавать его слушателямъ, при томъ въ совершенно необычной для исполнителей обстановкѣ",—(Музыка); „концерты крестьянъ явились цѣлымъ событіемъ въ музыкальной жизни не только Москвы, но и Россіи" (Музыка и Жизнь); „искатели новыхъ формъ музыкальнаго творчества забрели въ тупикъ, запутались въ хитрыхъ комбинаціяхъ хроматическихъ модуляцій, энгармоническихъ замѣнъ, гармоніи на тоновой гаммѣ и проч. Но они слѣпо не видятъ, что есть новая оригинальная область, открывающая огромныя перспективы — русская пѣсня. Здѣсь могутъ быть найдены новые законы гармоніи, дано новое направленіе искусству, здѣсь—новый источникъ вдохновеній"... (Новь).

Публика, впервые услыхавшая старинную русскую пѣсню въ исполненіи пѣвцовъ-крестьянъ, была поражена красотою мелодіи, вышедшей изъ горнила русскаго народнаго творчества минувшихъ вѣковъ,— горячо и восторженно привѣтствовала деревенскихъ пѣвцовъ и выразила все это поднесеніемъ адреса. Такой успѣхъ концертовъ, помимо ихъ общаго художественнаго интереса, по словамъ В. Г. Черткова, объясняется еще и тѣмъ, что самъ г. Пятницкій, обладая музыкальнымъ дарованіемъ, учившись пѣнію у лучшихъ

представителей этого искусства (маэстро Эверарди) — вполнѣ располагалъ необходимыми данными для того, что бы выдѣлить изъ народнаго пѣнія то, что есть въ немъ дѣйствительно замѣчательнаго и воспроизвести это на своихъ концертахъ въ самой типичной формѣ и изящной отдѣлкѣ. Благодаря знанію метода правильной „постановки“ голоса, г. Пятницкій выбиралъ для участія въ концертахъ пѣвцовъ—крестьянъ, у которыхъ отъ природы, болѣе или менѣе, правильно звучатъ голоса. „Дай намъ на голосъ попасть!“ — говорятъ иногда крестьяне. Сначала г. Пятницкій думалъ, что это крестьяне — пѣвцы просто хотятъ пѣть пѣсню тономъ выше или ниже. Дается тонъ. А крестьяне отвѣчаютъ: „не то.... ты понимаешь, на „голосъ“ не попадешь, на „легкоту“, что-бы онъ, голосъ-то шелъ, какъ „по маслу“.... Одинъ крестьянинъ на заданный ему вопросъ — „чѣмъ и какъ ты поешь?“ — подумалъ сначала и потомъ глубокомысленно отвѣтилъ: „животомъ“ (другими словами — діафрагмой).

Изрѣдка устраиваетъ г. Пятницкій такіе концерты въ Москвѣ, но до постоянной, хорошо организованной постановки дѣла къ сожалѣнію, еще далеко.

При болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, которыя дали бы возможность г. Пятницкому развернуть шире свою дѣятельность по распространенію и ознакомленію широкой русской публики съ родными пѣснями, — эти концерты устраивались бы не только въ Москвѣ, но и во всѣхъ городахъ нашей необъятной Руси.

Крестьяне Воронежской губерніи.

Митрофанъ Ефимовичъ!

Сегодня въ Москвѣ, среди тревогъ и суеты большого города, разливалась, звенѣла, смѣялась и плакала старая русская пѣсня.

Въ глухихъ, заброшенныхъ деревняхъ, хранящихъ до сихъ поръ живыя преданія далекой старины, Вы отыскали и соединили настоящихъ художниковъ этой пѣсни, проникнутыхъ ея образами и не отдѣляющихъ глубокаго чувства отъ исполненія.

Въ спѣтыхъ ими былинахъ они напомнили намъ, что русская земля рождала великихъ правителей и могучихъ богатырей, воплотителей народнаго разума, духовной и тѣлесной мощи.

Въ духовныхъ стихахъ, внушенныхъ глубокою вѣрою и прирожденнымъ нравственнымъ чувствомъ, выразилась сила, поднимающая и укрѣпляющая человѣка.

Въ бытовыхъ пѣсняхъ звучали радость и горе, любовь и страданіе, веселье и тоска, и широкое, великое чувство къ природѣ.

И какъ все это искренно, какъ далеко отъ искусственности!

Слово со звукомъ сливались, какъ члены одного тѣла, въ одно цѣлое, въ одну прекрасную форму.

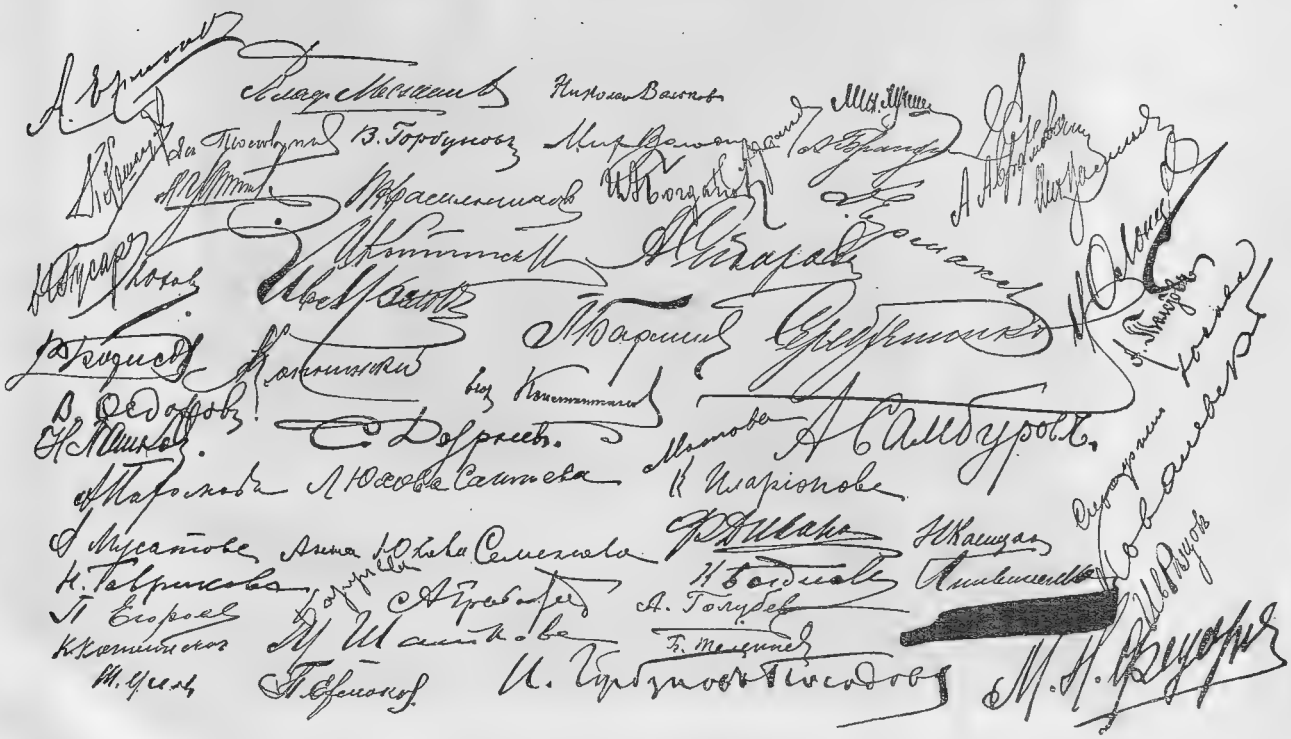
Тотъ, кто любитъ шумъ нашихъ лѣсовъ, родное приволье луговъ и полей, ясную гладь нашихъ рѣкъ и тебя, русскій народъ, —тотъ никогда не исторгнетъ изъ души своей тебя, старая русская пѣсня, и будетъ цѣнить тебя, какъ чистое золото творчества, чувства и невидимой и вѣчной власти надъ душою.

Глубокоуважаемый Митрофанъ Ефимовичъ! Вы много силъ и трудовъ положили на пользу родного искусства. Въ Васъ счастливо сочетались: умѣнье сблизиться съ народомъ, выдающаяся энергія и вкусъ настоящаго музыканта. Вы розыскали и представили намъ сегодня перлы русской пѣсни въ томъ самомъ видѣ, какъ поетъ ее самъ творецъ — народъ.

И то, что мы услышали, повѣяло на насъ неизмѣримо роднымъ и близкимъ.

Полные къ Вамъ глубокой признательности, мы рѣшаемъ выразить это настоящимъ адресомъ.

Москва, 1913 года Апрѣля 2-го, день Крестьянскаго концерта.



М. Е. Пятницкій, записывающій народныя пѣсни крестьянъ.

Вяч. Пасхаловъ.

ОБЗОРЪ

музыкальной конструкціи записанныхъ М. Е. Пятницкимъ Воронежскихъ пѣсенъ въ связи съ характерными особенностями Великорусскаго пѣсеннаго склада.

ОБЗОРЪ

музыкальной конструкціи записанныхъ М. Е. Пятницкимъ, Воронежскихъ пѣсенъ въ связи съ характерными особенностями Великорусскаго пѣсеннаго склада.

Пѣсни, которыя мы печатаемъ ниже, извлечены изъ обширной пѣсенной коллекціи, собранной при помощи фонографа г. Пятницкимъ во время его неоднократныхъ лѣтнихъ поѣздокъ въ Воронежскую губернію.

Количество и качество мелодій, вошедшихъ въ это собраніе, служитъ документальнымъ доказательствомъ того, что названная губернія еще сравнительно недавно представляла изъ себя богатый рудникъ старинной народной музыки.

Въ репертуаръ крестьянки Арины Колобаевой, которая вмѣстѣ со своими дочерьми была главнымъ поставщикомъ художественнаго матеріала, добытаго г. Пятницкимъ въ своемъ родномъ Бобровскомъ уѣздѣ, вошла, выражаясь языкомъ старинныхъ учебниковъ, вся народная словесность, всѣ тѣ разнообразныя по содержанію и настроенію пѣсни, которымъ кабинетные люди присвоили несуществующія въ народѣ названія: „былины“, „историческія пѣсни“, пѣсни „обрядовыя“, „лирическія“ и другія.

При обзорѣ всего этого матеріала мы не будемъ касаться вопросовъ, связанныхъ съ пѣсенными текстами; насъ интересуетъ въ данномъ случаѣ чисто музыкальная сфера.

Очень трудно словами описывать чисто музыкальныя явленія; даже нотные примѣры, приводимые изслѣдователемъ для иллюстраціи своихъ мыслей, не для всѣхъ являются убѣдительными. Кромѣ того, при помощи словесныхъ или нотныхъ объясненій, совершенно уже невозможно дать понятіе о характерѣ исполненія данной пѣсни и о тембрѣ хоровыхъ голосовъ и народныхъ музыкальныхъ инструментовъ.

Однако, при помощи фонографа, который въ девяностыхъ годахъ прошлаго столѣтія сталъ уже и въ Россіи съ успѣхомъ примѣняться[1]) при записи народныхъ пѣсенъ, и невозможное становится возможнымъ. И въ данномъ случаѣ фонограммы (пластинки), воспроизводящія во всей точности разсматриваемыя нами пѣсни и сохраняющія ихъ подлинную звуковую окраску, послужатъ прекрасной, живой иллюстраціей къ нашимъ объясненіямъ.

Эти послѣднія приходится начать нѣсколько издалека и прежде всего отмѣтить, что, несмотря на то, что запись русскихъ

[1]) По почину собирательницы народныхъ пѣсенъ Е. Э. Линевой.

пѣсенъ началась у насъ уже въ концѣ XVIII вѣка, русская музыкальная этнографія далеко не стала еще на вполнѣ прочную почву.

Произошло это потому, что первыми нашими этнографами явились преимущественно словесники, филологи, не имѣвшіе вовсе или имѣвшіе мало понятія о музыкѣ. Въ результатѣ явились цѣлые томы со всевозможными описаніями народныхъ обычаевъ съ многочисленными собраніями текстовъ народныхъ пѣсенъ, но при этомъ игнорировалась музыкальная часть, и только изрѣдка, въ видѣ особой роскоши, прилагался какой-нибудь случайный напѣвъ или наигрышъ.

Нотные сборники, вышедшіе въ свѣтъ въ періодѣ между тридцатыми годами XVIII столѣтія и шестидесятыми — XIX (Кирши Данилова, Трутовскаго, Прача и др.), не имѣютъ существеннаго значенія въ отношеніи научномъ или художественномъ [1]).

Въ эту эпоху записи мелодій, сдѣланныя на слухъ, были болѣе, чѣмъ неточны, а самыя мелодіи намѣренно искажались въ угоду фортепіанному аккомпанименту, состряпанному по большей части въ шаблонно-европейскомъ вкусѣ и находящемуся въ полномъ противорѣчіи съ народнымъ стилемъ и съ народной гармоніей.

У всѣхъ авторовъ подобныхъ сборниковъ было кромѣ того, явившееся результатомъ или ненаблюдательности, или же просто плохого музыкальнаго развитія, убѣжденіе, что русскія пѣсни поются въ унисонъ, на одинъ голосъ и что въ смыслѣ музыки онѣ вельми не исправны. Такъ Василій Федоровичъ Трутовскій, священникъ и игрокъ на гусляхъ при дворѣ Екатерины II, пишетъ въ „предувѣдомленіи“ къ своему сборнику слѣдующее: „Я напослѣдокъ вознамѣрился издать въ печать сіи собранныя мною русскія пѣсни въ одинъ голосъ, *какъ онѣ обыкновенно поются*“, и прибавляетъ, что такъ какъ любители желаютъ исполнять пѣсни въ музыкальныхъ правилахъ [2]), то онъ рѣшилъ, собравъ пѣсни, „привести ихъ въ порядокъ и подложить басовыя ноты“.

Цѣлая плеяда подобныхъ подкладывателей, вродѣ Алябьева, Вильбоа и др., конечно, не могла сдвинуть съ мѣста дѣло серьезнаго изученія народной музыки.

Первая точная запись, т.-е. запись ея верхней доминирующей мелодіи, сдѣлана однимъ изъ корифеевъ русской національной музыки, Миліемъ Алексѣевичемъ Балакиревымъ [1]).

Эпохой въ русской музыкальной этнографіи является трудъ Мельгунова: „Русскія народныя пѣсни, непосредственно съ голосовъ написанныя и съ объясненіемъ изданныя“ (1879 г.). Впервые изъ устъ этого талантливаго изслѣдователя русской народной музыки любители послѣдней услышали аксіому, которая въ наше время очевидна для каждаго начинающаго свою дѣятельность музыканта-этнографа.

Аксіома эта состоитъ въ томъ, что на всемъ пространствѣ необъятной Руси, среди великоруссовъ бытуетъ пѣсня многоголосная, что каждый отдѣльный голосъ представляетъ изъ себя самостоятельную, законченную и въ музыкальномъ отношеніи интересную мелодію.

„Ознакомившись съ строемъ русской музыки и съ характеромъ ея исполненія въ народѣ“,—пишетъ, между прочимъ, Мельгуновъ,—„мы приходимъ къ заключенію, что стиль народныхъ напѣвовъ полифоническій. Только никогда не слыхавшій стройнаго русскаго народнаго хора можетъ утверждать, что въ хороводахъ поютъ въ унисонъ“.

Какъ же отнеслись петроградскіе музыканты къ этому открытію Мельгунова?

А вотъ какъ.—Въ одномъ изъ засѣданій петроградской комиссіи Педагогическаго Музея, присутствующіе *спеціалисты* [2]) музыкальнаго искусства о теоріи Мельгунова отозвались такъ: „Фактъ полифоническаго народнаго пѣнія, сообщенный г. Мельгуновымъ, представляется недостаточно доказаннымъ, тѣмъ болѣе, что г. Мельгуновъ удостовѣряетъ это явленіе, основываясь на

---

[1]) Въ концѣ же XIX вѣка появилось не мало сборниковъ, арранжированныхъ для одного голоса съ аккомпаниментомъ фортепіано. Лучшіе изъ нихъ Балакирева, Римскаго-Корсакова, Лядова.

[2]) Т.-е. съ гармонизаціей западно-европейскаго характера.

[1]) „Сборникъ народныхъ пѣсенъ“, Петроградъ, 1866 г.

[2]) Курсивъ „Правительственнаго Вѣстника“.

пѣніи одной лишь мѣстности (Калужской губерніи, деревня Тишинино)".

Этотъ приговоръ мы извлекли изъ краткаго отчета объ упомянутомъ засѣданіи, напечатаннаго въ № 115 „Правительственнаго Вѣстника" за 1883 г. Подробнаго протокола объ этомъ засѣданіи у насъ подъ руками не было, но изъ дальнѣйшей фразы: „При этомъ г. Римскій-Корсаковъ [1]) сказалъ..." [2]), можно заключить, что на знаменитомъ засѣданіи среди спеціалистовъ музыкантовъ былъ великій авторъ „Снѣгурочки" и „Садко", и что, слѣдовательно, и онъ, знакомившійся съ народнымъ пѣніемъ по сборникамъ Т. Филиппова, сомнѣвался въ томъ, что полифоничность является для великорусской пѣсни закономъ, вполнѣ дѣйствительнымъ на всемъ пространствѣ великой Руси.

Выводъ изъ всего сказаннаго, полагаемъ, напрашивается самъ собой. Если для такихъ музыкантовъ, какъ Римскій-Корсаковъ, законы русской народной пѣсни являлись неясными, то что же требовать отъ рядовыхъ слушателей, неумѣющихъ разобраться въ своеобразныхъ сложныхъ продуктахъ народнаго музыкальнаго творчества?

Терминъ „сложность" для многихъ покажется несовмѣстимымъ съ народной пѣсней, въ силу распространеннаго заблужденія считающейся чѣмъ-то примитивнымъ и безмѣрно далекимъ отъ истиннаго искусства.

А между тѣмъ, благодаря чисто технической сложности, старинная русская пѣсня такъ мало доступна для интеллигентнаго уха средней чуткости.

Вѣковое разобщеніе образованныхъ классовъ съ народомъ сказалось достаточно ярко и въ музыкальномъ отношеніи. Привыкнувъ всѣ продукты искусства получать въ готовомъ, упрощенномъ, разжеванномъ видѣ, воспитавъ свой слухъ на темперованной гаммѣ [3]) и, преимущественно, на гомофоническомъ стилѣ [4]), ограничивъ свой музыкальный кругозоръ исключительно мажоромъ и миноромъ, шаблонными каденціями [1]) и модуляціями [2]), находясь во власти мало разнообразной ритмики и квадратныхъ музыкальныхъ формъ [3]), образованный любитель музыки, естественно не можетъ достаточно реагировать на своеобразную красоту народной музыки, создававшейся совсѣмъ на другихъ началахъ.

Хотя характерныя черты русской народной пѣсни трудно установить окончательно, тѣмъ не менѣе подмѣчены слѣдующія особенности.

Мелодія построена большей частью на натуральныхъ гаммахъ [4]), а также на такъ называемыхъ церковныхъ ладахъ [5]). Въ болѣе древнихъ пѣсняхъ мелодія вращается въ предѣлахъ пятиступенной гаммы [6]). Въ мелодіи преобладаетъ діатонизмъ [7]). Нерѣдки перемѣщенія тоники (модуляціи). Движеніе по ступенямъ, если оно захватываетъ значительную часть гаммы, происходитъ большей частью въ нисходящемъ порядкѣ. Скачки больше, чѣмъ на квинту рѣдки. Кромѣ тоники пѣсня заканчивается нерѣдко доминантной отъ тоники. Вводный шагъ на полутонъ въ великорусской пѣснѣ не употребителенъ.

Гармонія строится контрапунктически изъ основного напѣва и его варіантовъ — подголосковъ, при чемъ многоголосныя комбинаціи чередуются съ унисонами (октавами) особенно часто при разграниченіи отдѣловъ [8]) пѣсни и почти обязательными

---

[1]) Написавшій въ то время „Псковитянку", „Майскую ночь", „Снѣгурочку", „Младу" (1883 г.).

[2]) Слѣдуетъ мнѣніе Римскаго-Корсакова по вопросу о популярныхъ сборникахъ народныхъ пѣсенъ.

[3]) Гамма, состоящая изъ 24-хъ равныхъ частей (полутоновъ).

[4]) Гармонія, гдѣ только одинъ верхній голосъ имѣетъ самостоятельное значеніе.

[1]) Разграниченія музыкальной мысли, имѣющія смыслъ знаковъ препинанія.

[2]) Переходъ изъ одной тональности въ другую.

[3]) Форма музыкальнаго сочиненія, гдѣ отдѣльныя части равны по количеству тактовъ.

[4]) Безъ искусственнаго повышенія седьмой ступени.

[5]) Звукорядъ изъ двухъ равныхъ частей по четыре звука въ каждой. Начальной нотой является любая ступень мажорной гаммы, напримѣръ:

1 тонъ 1 т. 1/2 т. 1 тонъ 1 т. 1/2 т.
(до, ре, ми, фа) + (соль, ля, си, до)

или

1/2 т. 1 т. 1 т. 1/2 т. 1 т. 1 т.
(ми, фа, соль ля) + (си, до, ре, ми)

[6]) Мажорная гамма безъ кварты и септимы или минорная безъ секунды и сексты.

[7]) Мелодія, которую можно сыграть на бѣлыхъ клавишахъ фортепіано.

[8]) Каденціи.

при ея заключеніи. Кромѣ унисона и октавы, особенно часто встрѣчающихся въ концѣ пѣсни, излюбленныя созвучія — квинты, терціи, иногда — кварты. Полные аккорды получаются лишь случайно при контрапунктическомъ движеніи голосовъ.

Ритмъ напѣва неразрывно связанъ съ текстомъ; въ виду чего пѣсня не всегда поддается дѣленію на такты; задача облегчается введеніемъ смѣшанныхъ размѣровъ[1]), но и это не всегда устраняетъ затрудненія. Впрочемъ, плясовымъ пѣснямъ свойственъ однородный размѣръ и притомъ — двухдольный.

Главной причиной перемѣны размѣра является не мелодія, а текстъ: не желая скомкать красивый оборотъ рѣчи въ стихѣ, пѣвецъ ради этого измѣняетъ ритмическую часть узора. Но эти ритмическія свойства русской пѣсни нельзя подводить подъ опредѣленіе „причудливости, странности, неправильности". Здѣсь есть вполнѣ опредѣленная эстетическая закономѣрность.

Исполняются русскія пѣсни по $\frac{1}{3}$ способу, вырабатывавшемуся вѣками: запѣвало ведетъ главную мелодію; по окончаніи запѣва къ нему присоединяется хоръ или артель. Каждый членъ хора разрабатываетъ ту же мелодію, сообразно своему воображенію, то отдѣляясь отъ запѣвалы, то снова сливаясь съ нимъ.

Всѣ указанныя особенности русскаго пѣсеннаго склада присущи, разумѣется, и пѣснямъ Воронежской губерніи, записаннымъ г. Пятницкимъ.

Перелистывая печатаемый ниже сборникъ, мы почти на каждой страницѣ встрѣтимъ и смѣшанные размѣры, и унисонныя созвучія и плавное, недопускающее большихъ скачковъ, голосоведеніе, и форму, вполнѣ удовлетворяющую эстетическому требованію, и контрапунктическую работу подголосковъ.

[1]) Размѣръ, состоящій изъ соединенія двухъ размѣровъ: четнаго и нечетнаго, напримѣръ: $^5/_4$ (2+3 или 3+2), $^7/_4$ (4+3 или 3+4).

Лучшими въ музыкальномъ отношеніи пѣсни на нашъ взглядъ являются: Туманушки, Полоса, Каролинка, духовные стихи о Дѣвѣ Маріи и Разставаніе души съ тѣломъ, Соловей и Горы Воробьевскія. Музыкальное содержаніе этихъ пѣсенъ имѣетъ самодовлѣющее значеніе даже безъ связи съ текстомъ.

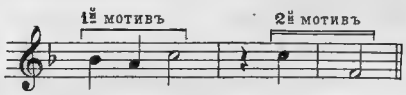
Музыкальное зданіе пѣсни **Туманушки** по своей стройности и орнаментикѣ ничуть не уступаетъ художественнымъ миніатюрамъ культурной музыки.

Вся постройка зиждется на одной музыкальной мысли (изъ двухъ мотивовъ), которая подвергается и въ цѣломъ, и въ частяхъ, (словно въ Баховской фугѣ) тематической разработкѣ.

Расчлененіе главной темы ведетъ далѣе къ образованію небольшихъ, равныхъ по музыкальному содержанію [1]) ячеекъ, отъ симметричной группировки которыхъ и зависитъ законченность формы этой интересной пѣсни.

Основная тема пѣсни такова:

Въ началѣ и въ концѣ ея ясно слышатся слѣдующіе мотивы:

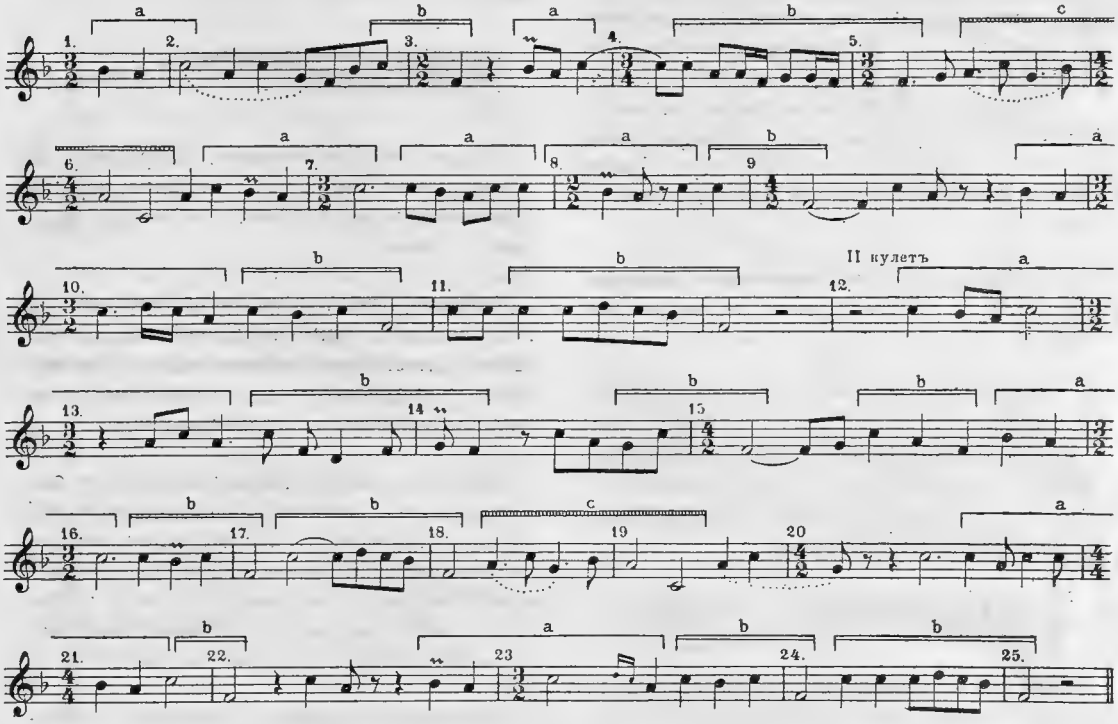


Разсматривая 1-ый куплетъ пѣсни, оканчивающійся словами: „туманы, братцы, стоятъ", не трудно замѣтить, что музыка его состоитъ изъ трехъ построеній. 1-ое построеніе (предложеніе) состоитъ изъ двухъ фразъ, при чемъ каждая фраза образуется изъ соединенія приведенныхъ выше мотивовъ, $(a+b)$. 2-ое предложеніе, обозначаемое нами большой буквой C, играетъ роль

[1]) Не по количеству нотъ или тактовъ.

средней части и представляетъ новую музыку, особенно въ ритмическомъ отношеніи. 3-е предложеніе имѣетъ такую же конструкцію и такое же музыкальное содержаніе, что и первое, разнясь отъ него лишь нѣкоторыми мелодическими штрихами.

Для наглядности приводимъ схему обоихъ куплетовъ пѣсни „Туманушки“.



Изъ приведенной схемы видно, что и первый, и второй куплетъ пѣсни „Туманушки“ имѣютъ трехколѣнную форму, т. е.

$$\underbrace{\underbrace{(a+b)}_{\text{1-я фраза.}}+\underbrace{(a+b)}_{\text{2-я фраза.}}}_{\text{I колѣно.}}+\underbrace{C}_{\text{II.}}+\underbrace{\underbrace{(a+b)}_{\text{1-я фраза.}}+\underbrace{(a+b)}_{\text{2-я фраза.}}}_{\text{III.}}$$

Обратимъ вниманіе, что въ главной темѣ между двумя мелодическими элементами *a* и *b* есть еще элементъ, обозначенный пунктиромъ. Онъ не варьируется въ дальнѣйшемъ, но не остается неиспользованнымъ, войдя въ составъ средней части *(C)* [1]). Въ тактѣ 13 въ мотивъ *b* вкрапленъ неповторяющійся эпизодъ, (см. № 5 слѣдующей таблицы) имѣющій характеръ модуляціоннаго отклоненія и оживляющій музыку пѣсни.

При взглядѣ на способъ варьированія мотивовъ *a* и *b* видно, что въ мелодическомъ, а въ особенности ритмическомъ отношеніи, подвергся измѣненіямъ, главнымъ образомъ, второй мотивъ (см. напр. такты 4, 13, 14).

Мелодическія измѣненія мотива *a* видны между прочимъ, въ тактахъ 10 и 23.

Ритмика пѣсни „Туманушки“ очень богата. Для примѣра выпишемъ нѣсколько фигуръ.

[1]) Слышится онъ и въ подголоскѣ 25-го такта.

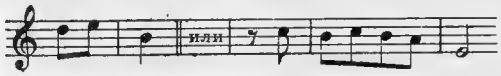
Гармоническую основу разсматриваемой пѣсни составляетъ квинта *fa—do*.

Частое возвращеніе мелодіи къ этимъ двумъ нотамъ не вызываетъ скуки, благодаря разнообразію мелодическаго рисунка главной темы и подголоска. Рельефны въ контрапунктическомъ отношеніи 5 и 6 такты.

Любопытно отмѣтить варіацію мотива *b* въ тактѣ 9 и 22 въ видѣ несовершенной каденціи, служащей для связи двухъ фразъ и для отдаленія могущей надоѣсть тоники *(fa)*.

Полóсушка. Этотъ маленькій шедевръ состоитъ всего изъ одного музыкальнаго предложенія.

Почему пѣсенка эта исполняемая тремя женскими голосами, такъ чарующе дѣйствуетъ на слушателя? Тайна заключается, конечно, прежде всего въ красивой, съ прелестными, я бы сказалъ, женственными оборотами мелодіи, вродѣ:



Мелодія эта проста, выразительна, вполнѣ соотвѣтствуетъ содержанію текста, и не надоѣдаетъ при повтореніи. Вторую причину очарованія слѣдуетъ искать въ сочности контрапунктически образовавшейся гармоніи.

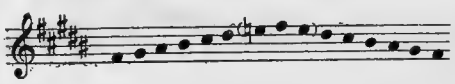
Подумать только что такіе звучные аккорды съ задержаніемъ верхняго голоса

созданы непреднамѣренно неграмотными людьми, не имѣющими понятія о теоріи музыки!

Благодаря смѣшаннымъ размѣрамъ, пѣсня и въ ритмическомъ отношеніи не производитъ однообразнаго впечатлѣнія.

Карóлинка въ музыкальномъ отношеніи не уступаетъ пѣснѣ „Туманушки“.

По формѣ она представляетъ правильный періодъ, нотой *fa* (въ 10 тактѣ) разграниченный на два предложенія. Опираясь на эту ноту, мелодія перваго предложенія очерчиваетъ часть такъ называемаго миксолидійскаго лада отъ пятой ступени *si* мажора, т.-е.:



Второе же предложеніе построенно на натуральномъ минорѣ *do* , особенно хорошо очерченномъ въ 32 тактѣ (*si* вмѣсто вводнаго *si diez*ъ).

Мелодія пѣсни Карóлинка вмѣстѣ съ подголосками при исполненіи a capella звучитъ настолько гармонично, что не вызываетъ потребности въ какомъ бы то ни было музыкальномъ сопровожденіи.

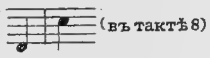
Цѣльность впечатлѣнія зависитъ и отъ музыкальной спаянности отдѣльныхъ частей пѣсни. Спайка эта достигается при помощи весьма художественнаго пріема. Подголосокъ конца перваго предложенія (4 и 8 такта) имитируется въ кварту первымъ голосомъ въ началѣ второго предложенія (тактъ 12-ый).

Законченная форма и довольно выдержанный трехдольный размѣръ, думается, указываетъ на вліяніе западной музыки.

Такое вліяніе объяснимо, если мы вспомнимъ, что среди малороссовъ всегда можно найти слѣды польской культуры. А малороссы, какъ извѣстно, составляютъ болѣе половины всего населенія Воронежской губерніи, и отъ нихъ, между прочимъ, записанъ г. Пятницкимъ духовный стихъ о Дѣвѣ Маріи. Текстъ пѣсни о Карóлинкѣ, (польское имя Karol, Карлъ) ушедшемъ на войну и оставившемъ дома свою молодую жену, также, по всей вѣроятности, западнаго происхожденія.

Духовный стихъ о Дѣвѣ Маріи такъ же, какъ и „Карóлинка“ представляетъ правильный періодъ. Въ пятомъ тактѣ онъ разграничивается нотою *соль* на двѣ части. Мелодія стиха красиво расширяется въ 8 тактѣ и приближаясь къ чисто великорус-

ской заключительной каденціи, дѣлаетъ оборотъ, несвойственный русской народной пѣснѣ, именно ходъ на малую септиму.



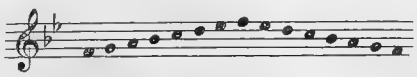
Если бы не фонограмма, можно было бы даже заподозрѣть подлинность музыки этого стиха о Дѣвѣ Маріи. Его мелодія открываетъ большой просторъ для музыкальной обработки. Въ мелодіи этой мы склонны слышать отголоски церковнаго пѣнія польскихъ костеловъ.

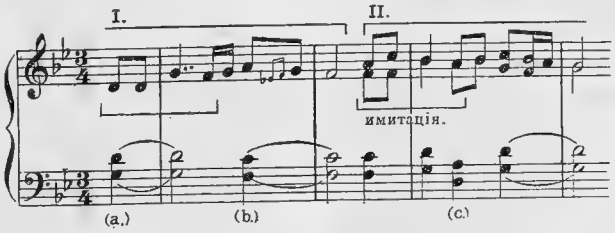
Арина Колобаева пѣла, между прочимъ, варіантъ этого стиха, гдѣ жиды, обращаясь къ Божьей Матери, говорятъ: „не мы, *дѣвушка*, не мы Христа распяли". Ни у малороссовъ и ни у одного славянскаго народа не принятъ этоть эпитетъ по отношенію къ Богородицѣ, только одни поляки, съ ихъ чисто католическимъ культомъ Дѣвы Маріи, называютъ её Swięta Dzieweczka (Святая Дѣвушка).

За то духовный стихъ **„Разставаніе души съ тѣломъ"** уже не носитъ характера лирической пѣсни. Музыка его эпически величава, какъ старинное церковное („Обиходное") пѣніе. Онъ состоитъ всего изъ двухъ коротенькихъ фразъ, по $2^1/_2$ такта каждая, и тѣмъ не менѣе производитъ впечатлѣніе чего то значительнаго въ музыкальномъ отношеніи. Происходитъ это во первыхъ благодаря хорошей „лирной" [1]) гармоніи, а во вторыхъ благодаря тому, что хоровой подголосокъ, вступая, имитируетъ терціей ниже мелодію запѣва.

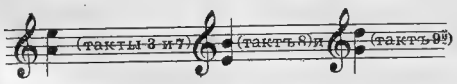
Изъ нижеслѣдующей таблицы видно, какія именно квинты *(a, b, c)* составляютъ гармоническую основу духовнаго стиха „Разставаніе души съ тѣломъ". Гармонизація только этими интервалами оставляетъ впечатлѣніе аккордовой полнозвучности.

На нашъ слухъ первая фраза стиха, опираясь на ноту *фа*, указываетъ на часть миксолидійскаго звукоряда отъ *si бемоль* мажора, въ особенности если мы обратимъ вниманіе на прикрашивающую ноту *mi бемоль*, а вторая построена на натуральномъ минорѣ *соль*. Возможны, конечно, и иныя толкованія.





Хоровая часть пѣсни **„Соловей"** носитъ нѣсколько церковный оттѣнокъ. Хорошо звучатъ паралельныя квиты на словѣ „ой" въ 6 и 7 тактахъ. Симметричное расположеніе частей, въ видѣ періода изъ двухъ предложеній, придаетъ пѣснѣ округленную форму, при чемъ запѣвъ имѣетъ расширеніе въ 4 и 5 тактахъ, а хоръ въ 10 и 11.



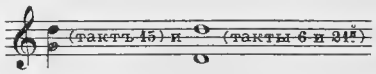
Гармонической основой пѣсни являются 3 квинты. Третья квинта производитъ впечатлѣніе модуляціоннаго хода. Главная тональность натуральный *ми миноръ*.

Горы Воробьевскія носятъ инструментальный характеръ. Очень хорошо эта пѣсня могла бы прозвучать въ исполненіи рожечниковъ, а въ особенности ритмически богатый запѣвъ съ его группетто (тактъ 12), и нотами разной длительности (половинными, четвертями, четвертями съ точкой, восьмыми, шестнадцатыми). Плавное движеніе подголосковъ также удобно для рожковъ и жалеекъ.

Въ разсматриваемой пѣснѣ есть своеобразная особенность, именно прелюдія

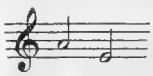
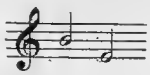
[1]) Стихъ поютъ обыкновенно слѣпцы подъ аккомпаниментъ лиры, инструмента каликъ перехожихъ. При помощи колеса, трущагося о струны, играющій извлекаетъ чистую, непрерывно звучащую квинту.

(оканчивающаяся на 10 тактѣ), въ сжатомъ видѣ излагающая дальнѣйшее построеніе, повторяемое много разъ. Основная тональность пѣсни, натуральный *ми миноръ*, оживляется отклоненіями въ мажорно звучащія созвучія



Расширеніе формы, не разъ отмѣчаемые нами въ другихъ пѣсняхъ, встрѣчается и здѣсь. Именно, передъ концомъ мелодія удлиняется на 2 такта (см. такты 6, 20 и 21). Остановка на *re* имѣетъ характеръ прерванной каденціи [1]).

Пѣсня „Горы Воробьевскія", благодаря прелюдіи, имѣетъ два запѣва, причемъ начало перваго запѣва (тактъ 1-ый) имѣетъ нѣсколько иную гармоническую схему, чѣмъ начало 2-го (тактъ 11).

Въ первомъ запѣвѣ натуральный *ми миноръ* обрисованъ опорными нотами  а во второмъ (ритмически варьированномъ) нотами 

О ходѣ на малую септиму въ 6 тактѣ замѣтимъ, что интервалъ этотъ не что иное, какъ большая секунда, взятая октавой выше. Септима такого происхожденія — явленіе нерѣдкое въ русскихъ пѣсняхъ.

Пѣсни, разсмотрѣнныя нами, имѣютъ, какъ уже мы говорили, самодовлѣющее музыкальное значеніе.

Обратимся теперь къ остальнымъ пѣснямъ сборника, пѣснямъ, которыя внѣ связи со словами или дѣйствомъ, (обрядовыя) теряютъ часть своего музыкальнаго вѣса.

Пѣсни эти слѣдующія: Былина про Илью Муромца, Историческая пѣсня про Петра I-го, Бродяга, Будя намъ крушиться, Жавороночекъ, Кукушка, Вёснушка, Калина (хороводная), плясовыя: Комарь, Ольга въ лѣсѣ была, Хорошенькій, молоденькій.

Среди перечисленныхъ пѣсенъ имѣется, какъ видимъ одна былина и одна историческая пѣсня. Этотъ видъ народнаго творчества почти уже не встрѣчается въ средней полосѣ Россіи. Былинная традиція сохранилась еще на нашемъ крайнемъ Сѣверѣ.

Но былинныя мелодіи, находимыя нашими изслѣдователями въ странѣ семги и оленей, поются большей частью на одинъ голосъ, отличаются бѣдностью звукоряда, вращаясь въ предѣлахъ пятиступенной гаммы. Воронежская же губернія, какъ и всякая губернія средней полосы, знаетъ только одинъ складъ пѣсни — хоровой и поетъ про Илью Муромца или про Петра I-го въ такомъ же лирическомъ духѣ, какъ и про веснушку или жавороночка.

Напѣвъ былины объ **Ильѣ Муровичѣ** носитъ чисто пѣсенный характеръ и изобилуетъ мелодическими украшеніями въ верхнемъ голосѣ. Гармонія ея зиждется на натуральныхъ гаммахъ, мажорной *ля* и минорной *ми*. Первая гамма со своимъ неповышеннымъ *соль* слышится до 13 такта включительно. Переходъ (модуляція) въ *ми миноръ* рельефно обозначенъ нотою *до бекаръ* въ концѣ 13 такта.

Гармонической основой пѣсни **про Петра I** является натуральный миноръ *ля*, особенно ясно выраженный въ предпослѣдующемъ тактѣ (*соль* простое). Основной напѣвъ съ подголоскомъ самостоятельны и въ мелодическомъ, и въ ритмическомъ отношеніи (см. напр. отрывокъ между 7 и 12 тактами). Двухчетвертной размѣръ выдержанъ до конца пѣсни.

Посылала Ваню мать. Особенность этой пѣсни составляетъ ея драматическая подкладка, стремленіе выразить извѣстное дѣйство. Первая часть пѣсни (такты 1—15) излагаетъ партію матери, вторая (19—32 такты), варьирующая музыку первой, изображаетъ настроеніе Вани. Между обѣими частями находится вставка — повтореніе послѣдней фразы первой части. Каждая часть состоитъ изъ двухъ повторенныхъ фразъ съ прибавкой новой фразы, отдѣляющейся отъ двухъ первыхъ (см. тактъ 11) паузой,

[1]) Гармоническій поворотъ, отдаляющій появленіе окончательнаго заключенія.

которая въ первой части замѣняетъ (сообразно съ текстомъ) музыкальное двоеточіе, а во второй — многоточіе (тактъ 28).

Форму пѣсни, поэтому, можно изобразить такъ:

$$[a+a+b]+C\ (\text{вставка})+[a+a+b].$$

Построеніе, обозначенное пунктиромъ, много разъ повторяется.

Въ тактахъ 21 и 22 любопытно выдержанное въ верхнемъ голосѣ акцентированное *ре,* изображающее плетущагося и спотыкающагося Ваню.

Прослушавъ фонограмму, мы можемъ еще отмѣтить въ нашей пѣснѣ смѣну темповъ [1]), сообразно драматическому смыслу текста.

Хоровая часть пѣсни **Жавороночекъ** изобилуетъ квартами, между которыми есть и параллельныя (тактъ 9 и 10).

Вёснушка. Мелодія этой пѣсни чрезвычайно гармонируетъ со словами. Звенящая прозрачность звуковыхъ сочетаній дѣйствуетъ на слухъ, какъ пѣніе жаворонка весной. Особенно нѣжно звучитъ фраза: „да ты весна пришла“ (въ концѣ запѣва), даетъ настроеніе и частое возвращеніе къ нотѣ *ми.*

Натуральный *соль мажоръ* (безъ повышеннаго *фа*) составляетъ гармоническую основу пѣсни.

Пѣсня **Кукушка** звучитъ, словно причитаніе, благодаря возвращенію напѣва къ одной нотѣ (*ми*) и украшеніямъ верхняго голоса, напоминающимъ рыданіе. *Соль простое* (въ 21 тактѣ) обрисовываетъ натуральную гамму *ля минора.* Оригинальна заключительная каденція пѣсни на *терціи* этой гаммы.

Опорной гармонической точкой пѣсни **Бродяга** является созвучіе *соль-ре.* Нота *fis* на мѣстѣ ожидаемаго *la* (въ тактѣ 39 ясно обрисовывающая секстаккордъ пятой ступени обычнаго *соль мажора,* гармонію, чуждую русской пѣснѣ, нарушаетъ народный стиль. Несмотря на медленный темпъ, въ „Бродягѣ“ выдержанъ до конца начальный размѣръ, чего также почти никогда не бываетъ въ пѣсняхъ протяжныхъ. Лучшимъ мѣстомъ является переходъ между запѣвомъ и хоромъ (см. такты 23—26).

Очень стильна хороводная **Калина.** Красивая мелодія запѣва, опирающаяся на мажорно звучащую квинту *соль-ре,* смѣняется хоромъ, построенномъ на чисто минорной квинтѣ *ми-си.* Оборотъ мелодіи 3-го такта является примѣромъ мелодической фигураціи, не простирающейся въ русскихъ пѣсняхъ (какъ и въ данномъ случаѣ) дальше квинты.

Гармонія и мелодія пѣсни **Будя намъ крушиться** зиждется, повидимому, на миксолидійскомъ ходѣ отъ *si бемоль* мажора. (См. разборъ духовнаго стиха: „Разставаніе души съ тѣломъ“). Только въ предпослѣднемъ тактѣ, посредствомъ ноты *ми бекаръ* пѣсня довольно внезапно модулируетъ въ натуральный *ре миноръ.*

Между запѣвомъ и хоромъ на слогѣ „э“ (такты 7, 8 и 9) находится вставка съ фермато на *соль* (нѣчто вродѣ прерванной каденціи), очень оживляющая музыку всей пѣсни.

Намъ осталось разсмотрѣть плясовыя пѣсни: **Комарь, Ольга въ лѣсѣ была,** и **Хорошенькій, молоденькій.** Въ первой пѣснѣ слѣдуетъ обратить вниманіе на перенесеніе мелодіи запѣва въ партію нижняго подголоска въ тактахъ 5, 6, а также 18, 19 и 20.

Очень оживляетъ пѣсню отклоненіе (въ тактахъ 12, 13, 14 и 15) въ натуральный миноръ *ре* и быстрое возвращеніе въ первоначальный миноръ *соль.*

Вторая пѣсня имѣетъ правильную двухколѣнную форму, при чемъ второе колѣно варьируется и нѣсколько разъ повторяется. 18-й тактъ является образцомъ *гармонической варіаціи* (мотивъ 9 и 10 тактовъ) съ красивыми контрапунктически образовавшимися квартовыми сочетаніями.

---

[1]) Явленіе не частое въ русскихъ пѣсняхъ.

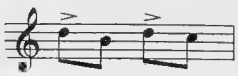
Любопытное явленіе представляетъ намѣренное удареніе на короткихъ слогахъ („съ палтинушкою“, „съ малинушкою“), достигнутое при помощи стяженія двухъ сосѣднихъ осьмушекъ (синкопы).

Благодаря такой выходкѣ, пѣсня къ концу пріобрѣтаетъ все болѣе шутливый и разухабистый характеръ, а плясовой ритмъ пріобрѣтаетъ нѣкоторое разнообразіе. Въ цѣляхъ разнообразія запѣвало культурно не повторяетъ въ пятомъ тактѣ ноту *ля*, а беретъ ее вмѣстѣ со вспомогательной *si*, превращая четверть въ двѣ восьмыя, т.-е. вмѣсто

Отмѣтимъ еще очень рельефный образецъ имитаціи [1]) въ тактѣ 36 и 37.

Третья пѣсня состоитъ изъ двухъ предложеній, при чемъ при повтореніи первое предложеніе варьируется. Въ варіаціонномъ смыслѣ очень интересны изложенные трехголосно такты 27 и 28, гдѣ мелодія запѣва проводится въ среднемъ голосѣ.

Къ концу пѣсня пріобрѣтаетъ все болѣе оживленный характеръ. Особенно залихватски звучатъ такты 52 и 53, гдѣ на словахъ „пойду въ зелены сады“ повторяется два раза акцентированная нота *ре*.



Необходимо теперь сказать нѣсколько словъ о внѣшнемъ исполненіи русскихъ пѣсенъ. Не только крестьяне Воронежской губерніи, но и все русское крестьянство относится къ пѣнію, какъ къ дѣлу серьезному. Даже плясовыя пѣсни пріурочены къ обряду, дѣйству.

Свадебныя и похоронныя причитанія женщинъ сопровождаются обыкновенно настоящими слезами. Арина Колобаева, во время пѣнія со своими дочерьми, взглядомъ гипнотизировала послѣднихъ, заражая ихъ своимъ настроеніемъ.

[1]) Подражаніе одного голоса другому.

Пѣсня — правда, говоритъ народъ. Онъ любитъ свою пѣсню, умиляется передъ ней.[1]) Поэтому и народное исполненіе всегда классически просто, серьезно, безъ заранѣе придуманныхъ, какъ въ культурной музыкѣ, детальныхъ оттѣнковъ. „Водя голосомъ“, мужики съ бабами соблюдаютъ мѣру, не злоупотребляютъ силой звука и никогда не измѣняютъ темпа безъ серьезнаго основанія. Одинъ изъ примѣровъ такой, не часто встрѣчающейся перемѣны темпа, мы видѣли въ пѣснѣ „Посылала Ваню мать“.

Фонограмма не даетъ возможности вполнѣ почувствовать проникновенный характеръ народнаго исполненія и видѣть серьезное выраженіе лицъ у пѣвцовъ; зато, слушая фонограмму, можно ясно представить себѣ, что народныя мелодіи не распѣваются на 24-хъ полутонахъ темперированной фортепіанной гаммы. Голоса берутъ гораздо болѣе мелкія части тона натуральнаго строя. Благодаря такой интонаціи, попытка аккомпанировать крестьянскому хору на фортепіано привела бы къ большой какофоніи.

Ясно также, что при помощи обычной нотаціи безъ соотвѣтствующихъ оговорокъ нельзя вполнѣ точно записать народную мелодію.

Слушая хоровое пѣніе крестьянъ, легко убѣдиться и въ томъ, что въ народномъ пѣніи отсутствуютъ присущіе интелигентскимъ хорамъ недостатки.

Для дѣтей городской культуры пѣніе à capella безъ дирижера и репетицій является невыполнимой задачей. А для народныхъ пѣвцовъ только такое пѣніе и представляетъ родную стихію.

И въ деревнѣ, и на эстрадѣ они поютъ безъ предварительной подготовки, безъ регента и безъ камертона. Тонкій слухъ поющихъ спасаетъ ихъ отъ фальши, пониженія въ концахъ; запѣвало, неукоснительно придерживаясь опредѣленнаго строя, дисциплинируетъ артель. Стоитъ послушать любую пѣсню, хотя бы въ фонограммѣ, напр. пѣсню: „Горы Воробьевскія“, чтобы составить понятіе о методичности крестьянскаго исполненія.

[1]) Великорусскія пѣсни, собранныя Линевой. Выпускъ 1-й, стр. XXV.

234449

Кромѣ того, несмотря на варьированіе мелодій, на исполненіе каждаго куплета пѣсни тратится одно и тоже количество времени. При повтореніи, даже для фермать не отпускается лишнихъ мгновеній.

Такова ритмическая стойкость народныхъ пѣвцовъ вообще и воронежскихъ крестьянъ въ частности.

Музыкальный складъ пѣсенъ Воронежской губерніи не отличается отъ общерусскаго стариннаго пѣсеннаго склада; поэтому, на основаніи нашего подробнаго разбора, мы можемъ сдѣлать еще нѣсколько обобщеній, касающихся свойствъ старинной русской пѣсни.

Идея о простотѣ, примитивности и несложности русской пѣсни является, какъ видимъ, чистѣйшей фикціей. Если не дѣлать обычныхъ сопоставленій между колоссальными завоеваніями музыки культурной и гораздо болѣе скромными достиженіями русской народной музыки, то будетъ ясно, что послѣдняя, какъ и всякое настоящее искусство, выработала въ теченіе вѣковъ рядъ художественныхъ цѣнностей не только относительныхъ, но и абсолютныхъ.

Главная абсолютная цѣнность русскихъ пѣсенъ состоитъ въ яркомъ, своеобразномъ стилѣ, создавшемся, благодаря излюбленнымъ пріемамъ, указаннымъ нами выше.

Огромное общемузыкальное значеніе имѣетъ свойство народной пѣсни при разнообразіи и пестротѣ ритмической ткани, при постоянно практикующихся смѣшанныхъ размѣрахъ, достигать законченности въ смыслѣ формы. Въ этомъ отношеніи культурная музыка даетъ и болѣе рѣдкіе, и менѣе удовлетворительные примѣры.

Что касается формы русской пѣсни, то она отличается гораздо большимъ разнообразіемъ, чѣмъ можетъ показаться на первый взглядъ. Мнѣніе, что форма русской пѣсни опредѣляется словами, вѣрно лишь отчасти. Мы отмѣтили въ циклѣ протяжныхъ, не связанныхъ съ пляской пѣсенъ, рядъ такихъ, которыя и безъ словъ производятъ удовлетворительное впечатлѣніе въ смыслѣ формы. Кромѣ двух- и трехколѣннаго склада въ томъ смыслѣ, какъ это понимаетъ культурная музыка, русская народная пѣсня, вродѣ „Туманушки“, даетъ примѣръ и другихъ симметрій, гдѣ количество тактовъ не играетъ никакой роли, и гдѣ „трехчастность“ достигается иными, чѣмъ въ культурной музыкѣ, путями.

Вообще, нельзя не удивляться, что въ старину неграмотные русскіе крестьяне говорили музыкальнымъ языкомъ, близкимъ къ языку творцовъ фугъ и сонатъ, и что русскій народъ безъ помощи учителей и книгъ добылъ цѣлый рядъ тѣхъ же музыкальныхъ средствъ, которыми пользуются наиболѣе серьезные и образованные композиторы.

Ни у однаго народа нѣтъ такихъ богатыхъ въ гармоническомъ и контрапунктическомъ отношеніи пѣсенъ, какъ пѣсни русскія. Обстоятельство это является общепризнаннымъ фактомъ [1]).

„Воронежскій Сборникъ“ г. Пятницкаго выясняетъ далѣе, что культурные техническіе пріемы русской народной пѣсни, не получивъ всесторонняго развитія, не возведены и не могли быть возведены въ систему, но незнакомый съ теоріей музыки народъ нашъ остался чуждъ всякой схоластикѣ и, переплетая голоса, создавая гармоническія комбинаціи, трансформируя тему, переходя въ разные строи, дѣлая ритмическія измѣненія, дѣлаетъ все это непринужденно, какъ бы шутя, въ то же время не внося въ свою работу того элемента безпомощности и несовершенства, отъ которыхъ такъ трудно избавиться даже спеціалисту-музыканту въ началѣ своего музыкальнаго образованія.

Благодаря опредѣленному стилю, для русской пѣсни не страшны разныя культурныя запрещенности, вродѣ параллельныхъ квинтъ. (Эти послѣднія въ русской пѣснѣ почти всегда красиво звучатъ).

---

[1]) По мнѣнію профессора Вестфаля, русская народная пѣсня по своему богатству, безспорно, должна занимать первое мѣсто между пѣснями всѣхъ народовъ земного шара („Русскій Вѣстникъ“, 1879 г. № 9).

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы никогда не сможемъ уличить сермяжнаго творца русской народной пѣсни въ диллетантскомъ голосоведеніи, въ отсутствіи чувства формы, въ гармонической безвкусицѣ, ритмической неподвижности, недостаткѣ музыкальнаго слуха.

Напротивъ, въ сферѣ музыкальной нашъ крестьянинъ является зрѣлымъ артистомъ. Лучшія крестьянскія пѣсни звучатъ сочно и даже въ медленномъ темпѣ не производятъ скучнаго впечатлѣнія, благодаря умѣнію пѣвцовъ варьировать мелодію и благодаря присутствію логики и симметріи въ музыкальныхъ построеніяхъ.

Перечисленныя особенности также слѣдуетъ отнести къ раз-ряду абсолютныхъ цѣнностей.

Необходимо затѣмъ обратить вниманіе на одно недоразумѣніе, укоренившееся въ обществѣ, благодаря сентенціямъ музыкально неосвѣдомленныхъ этнографовъ. Послѣдніе, при записяхъ пѣсенныхъ текстовъ безъ музыки, отбрасывали чрезвычайно важныя въ музыкальномъ отношеніи междометія, вродѣ: „охъ“, „охы“, „эхъ“, „э“, „эхъ-да“, „ой“ и т. п., и также растяженія слоговъ, какъ, наприм.: „положилы“ (ъ), „серпокы“ (ъ), „наши“ (ъ), и проч.

Къ эхамъ, да ахамъ наши филологи относились всегда пренебрежительно, смотрѣли на нихъ, какъ на лишній балластъ для текста, какъ извѣстнаго рода вульгаризмъ, вполнѣ естественный для неграмотнаго мужика.

Извѣстный собиратель пѣсенъ Петръ Васильевичъ Кирѣевскій не просто записывалъ пѣсни, а „обрабатывалъ“ ихъ, стихъ не разъ повторявшійся въ пѣсняхъ выправлялся имъ по одному шаблону, изъ одного стиха путемъ повторенія отдѣльнаго выраженія дѣлалось два стиха, по ритмическимъ соображеніямъ собирателя приставлялась частица „то“ и т. д. [1])

[1]) См. пѣсни, собранныя П. В. Кирѣевскимъ. Изд. Общества Любителей Россійской словесности. Вып. I, стр. LVII, Москва, 1911. Предисловіе М. Н. Сперанскаго, ставящаго Кирѣевскому въ заслугу его реконструкціи.

Благодаря этому, многіе думаютъ, что и при пѣніи всѣ эти *охи* имѣютъ характеръ мелизмовъ, мелодическихъ украшеній, безъ которыхъ можно свободно обойтись, и что цѣль послѣднихъ—скрасить мало содержательную музыку.

Въ культурной музыкѣ, въ старинныхъ итальянскихъ операхъ, всевозможныя рулады на букву *а*, фіоритуры, гаммы и проч. дѣйствительно представляютъ изъ себя матерьялъ искуственный и въ музыкальномъ смыслѣ дешевый и лишній.

Въ русской же народной пѣснѣ—междометія *а*, *охъ*, и т. п. иллюстрируются не мелизмами, а музыкальными фразами, составляющими, иногда, одну изъ главныхъ частей данной пѣсни и такимъ образомъ не являются лишнимъ балластомъ, а составляютъ существеннѣйшую и необходимѣйшую часть всего цѣлаго.

По народной пословицѣ: „изъ пѣсни слова не выкинешь“, на всѣ „ахи“ и „охи“ народъ, въ противоположность ученымъ людямъ, смотритъ какъ на выразительное слово, а не какъ на пустой звукъ.

Воронежскія пѣсни изъ коллекціи г. Пятницкаго особенно богаты всѣми этими вставками. Насколько онѣ важны въ музыкальномъ отношеніи, можно видѣть, напримѣръ, изъ мелодіи на словѣ „ахъ“ въ 12 и 13-мъ тактахъ пѣсни „Туманушки“. Цѣлая музыкальная фраза въ 4-мъ тактѣ, интересная въ смыслѣ голосоведенія и гармоніи въ пѣснѣ: „Ольга въ лѣсѣ была“, построена на слогѣ „э“. (См. такты 19—22 и также 34—37). Примѣровъ, подобнымъ вышеуказаннымъ, очень много въ воронежскихъ и другихъ великорусскихъ пѣсняхъ.

Мелизмы въ русскихъ пѣсняхъ также встрѣчаются на каждомъ шагу. Укажемъ для примѣра на богатую форшлагами былину про Илью Муровича; на 8-й тактъ пѣсни „Туманушки“ (мордентъ) на 11-ый тактъ пѣсни: Горы Воробьевскія (группетто). Но, украшая мелодію пѣсни, русскій народъ не впадаетъ въ банальность, не злоупотребляетъ этими украшеніями. „Вертикулы то

свои брось, прямѣ пѣсню сказывай" или: „Ну, этотъ плохъ, больно голосомъ виляетъ" [1]). Такія выраженія народныхъ пѣвцовъ показываютъ, что народъ инстинктивно понимаетъ, что музыка хоровой русской пѣсни, богатая гармонически, не нуждается въ мишурномъ нарядѣ.

Благодаря полифоническому складу, въ великорусской пѣснѣ не встрѣчается гармоническая фигурація (ноты „разбитаго" аккорда). Она практикуется рѣдко и то лишь въ зачаточномъ видѣ, какъ это мы видѣли въ пѣснѣ „Калина".

Есть еще особенность, встрѣчающаяся исключительно въ великорусскихъ пѣсняхъ — остановка мелодіи на полусловѣ. Такую остановку на первомъ слогѣ слова „братцы" можно видѣть въ 3-мъ тактѣ пѣсни „Туманушки".

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ одинъ голосъ поетъ слово цѣликомъ, а второй — только первую его половину, совершенно бросая вторую. Напримѣръ: въ 17-мъ тактѣ той же пѣсни второй голосъ вмѣсто „Туманы" поетъ только „*Тума*"... а *ны* опускаетъ совсѣмъ. То же явленіе замѣтно въ 10-мъ тактѣ исторической пѣсни про Петра I-го, вмѣсто: „за рѣчкою", поется только „за рѣ"...

Такіе пріёмы, въ культурной музыкѣ не употребительные, легко объясняются импровизаторскимъ характеромъ народнаго пѣнія: чего не скажетъ одинъ членъ „артели", то договоритъ (допоётъ) за него другой.

Благодаря такой свободѣ, поющіе голоса являются въ роли музыкальныхъ инструментовъ (рожковъ, жалеекъ). По этой же причинѣ народная подтекстовка пѣсенной мелодіи настолько своеобразна, что во избѣжаніе неточности, собирателю приходится не ограничиваться записью одного куплета пѣсни, а заносить на валикъ фонографа или на бумагу всю пѣсню съ начала до конца.

Перечисленныя особенности крестьянскаго исполненія, конечно, не могутъ быть всецѣло пересажены на ниву культурной музыки, которая пишется нотами и исполняется по нотамъ, но музыканты не должны отрицать хотя бы относительной важности этихъ пріемовъ въ смыслѣ стиля.

Заканчивая нашъ очеркъ, мы надѣемся, что примѣненный нами методъ всесторонняго музыкальнаго обзора каждой отдѣльной пѣсни той или иной коллекціи всегда поведетъ къ результатамъ болѣе осязательнымъ, чѣмъ тѣ, которые получаются при оптовомъ обзорѣ пѣсенъ. Чѣмъ солиднѣе запасъ подмѣченныхъ характерныхъ штриховъ, тѣмъ увѣреннѣе можно дѣлать общіе выводы, тѣмъ глубже можно проникнуть въ дѣвственную почву народной музыки.

Усиліями музыкантовъ-этнографовъ, работавшихъ въ первое десятилѣтіе текущаго вѣка, спасено значительное количество драгоцѣнныхъ остатковъ стариннаго музыкальнаго творчества русскаго народа. Къ числу новыхъ фонографическихъ сборниковъ принадлежитъ и разсмотрѣнный нами воронежскій сборникъ М. Е. Пятницкаго, одинъ изъ лучшихъ по выбору пѣсенъ, одинаково цѣнныхъ и для науки, и для искусства [1]).

Весьма возможно, что лира композиторовъ русской музыкальной школы: Глинки, Балакирева, Бородина, Мусоргскаго и Римскаго-Корсакова зазвучала бы еще роскошнѣе, если хы ихъ дѣятельность протекала въ болѣе близкую къ намъ и болѣе благопріятную для изученія и собиранія продуктовъ національной музыки эпоху. Въ ихъ время старинная пѣсня не была окончательно загнана фабрикой въ медвѣжьи углы, но за то не было могущественнаго средства для точной записи пѣсенъ—фонографа и, пожалуй, того подъема интереса къ музыкальной этнографіи, какой можно констатировать въ наши дни.

Благодаря творчеству упомянутыхъ выше блестящихъ художниковъ музыкальнаго искусства, народная пѣсня стала родною для

[1]) Великорусскія пѣсни, записанныя Е. Линевой, вып. 1-й, стр. XXV.

[1]) Труды членовъ Московской музыкально-этнографической комиссіи выразились въ фонографическихъ пѣсенныхъ собраніяхъ, сдѣланныхъ г-жей Линевой, Марковымъ и Масловымъ—Напѣвы Зимней Золотицы, Листопадовымъ—„Донская казачья пѣсня" и Григорьевымъ—„Архангельскія былины".

слушателей русской оперы, но далеко не всѣ красоты и свойства этой пѣсни использованы для русской музыки. Мы вѣримъ, что русская старинная пѣсня возродится въ сочиненіяхъ композиторовъ грядущихъ поколѣній и что во всякомъ случаѣ она развернетъ передъ музыкальнымъ міромъ еще очень много заманчивыхъ и увлекательныхъ перспективъ [1]).

Важно только: 1) чтобы въ трудахъ друзей русской народной пѣсни не повторялось старыхъ методологическихъ ошибокъ и 2) чтобы собираніе, обработка и исполненіе пѣсенъ находилось, по возможности, въ надежныхъ рукахъ. Тогда и широкая публика, инстинктивно тянущаяся къ роднымъ звукамъ, но волею судебъ не научившаяся въ нихъ разбираться надлежащимъ образомъ, получитъ возможность отличать подлинные художественные продукты народнаго творчества отъ всевозможныхъ суррогатовъ. И тайны русской народной музыки постепенно сдѣлаются доступными не только для однихъ спеціалистовъ, но и для всѣхъ искреннихъ поклонниковъ родного искусства.

Вяч. Пасхаловъ.

---

[1]) Кромѣ источниковъ, указанныхъ въ сноскахъ, для нашего очерка мы пользовались статьями Н. А. Янчука, Ю. Мельгунова, напечатанныхъ въ I-мъ томѣ „Трудовъ Московской музыкально-этнографической комиссіи“ и статьей П. Карасева о Сокальскомъ, напечатанной въ „Этнографическомъ Обозрѣніи“, книга XCIV — XCV.

При метрономированіи пѣсенъ мы пользовались такой системой:

Четверть = 40 — 59. Очень медленно.
„ = 60 — 70. Медленно, протяжно.
„ = 71 — 75. Не очень медленно.
„ = 76 — 80. Не очень скоро.
„ = 81 — 89. Довольно скоро.
„ = 90 — 100. Скоро.
„ = 100 и болѣе. Очень скоро.

СТАРИННЫЯ ПѢСНИ

ВОРОНЕЖСКОЙ ГУБЕРНІИ

ВЪ НАРОДНОЙ ГАРМОНИЗАЦІИ,

ЗАПИСАННЫЯ

М. Е. ПЯТНИЦКИМЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I. ДУХОВНЫЕ СТИХИ. *Стран.*

1) Что мы видѣли... (Разставаніе души съ тѣломъ) III
2) Дѣва Марія III

II. БЫЛИНА.

3) Про „Илью Муровича“ III

III. ИСТОРИЧЕСКАЯ ПѢСНЯ.

4) Про Петра I-го IV

IV. РЕКРУТСКАЯ.

5) Отчего же этотъ, вотъ, камень зарождается IV

V. СОЛДАТСКАЯ.

6) Будя, будя намъ крушиться V

VI. ОСТРОЖНАЯ.

7) Охъ, полно-жъ, полно V

VII. ХОРОВОДНАЯ.

8) На горѣ-то калина VI

VIII. СВАДЕБНАЯ.

9) Охъ, ты кукушка VII

IX. ВЕСЕННІЯ.

10) Охъ, ужъ ты вёснушка VIII
11) Охъ, ты воспой жавороночекъ VIII

X. ПРОТЯЖНЫЯ.

12) Горы Воробьевскія IX
13) Соловей, соловьюшко X
14) Посылала Ваню мать X
15) Карóлинка XI
16) Туманушки XII
17) Ой, полоса моя, полосынька XIII

XI. ПЛЯСОВЫЯ.

18) Ольга въ лѣсѣ была XIII
19) Комарь (А я по лугу...) XIV
20) Хорошенькій, молоденькій XV

Безъ разрѣшенія исполненіе означенныхъ пѣсенъ въ концертахъ не допускается. *)

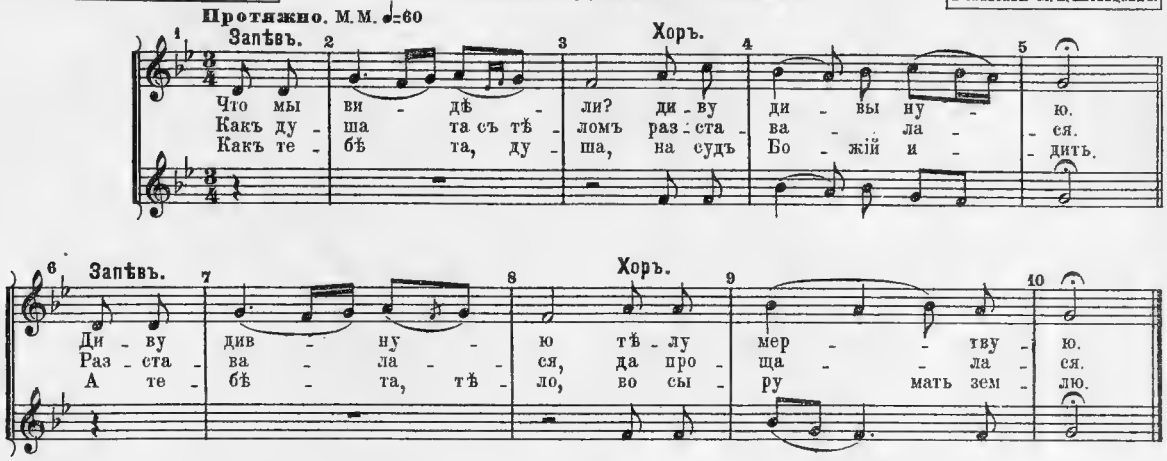
*) Обращаться къ **М. Е. Пятницкому**, по адресу: **Москва**, Дѣвичье поле, Богениновскій пер., д. 19, кв 219. **Телефонъ № 5-56-38.**

Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается.
Законъ 20 Марта 1911 г.

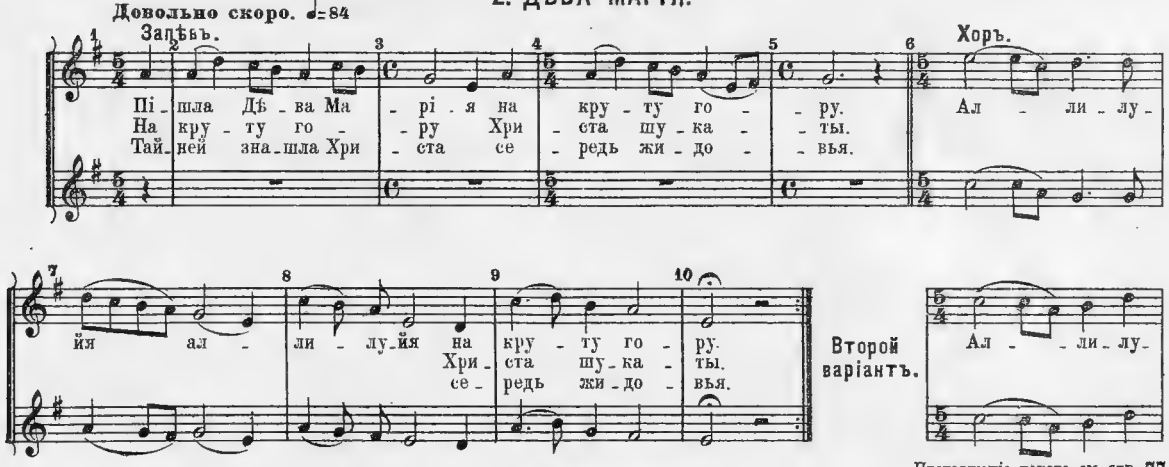
I. Духовные стихи.

1. РАЗСТАВАНІЕ ДУШИ СЪ ТѢЛОМЪ.

Тексты и мелодіи собраны и записаны М. Е. Пятницкимъ.



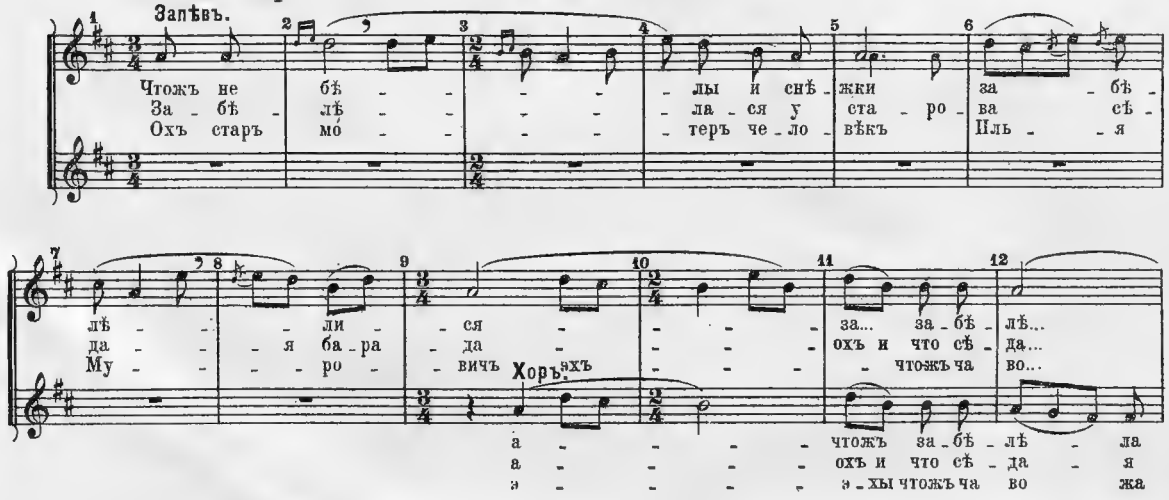
2. ДѢВА МАРІЯ.

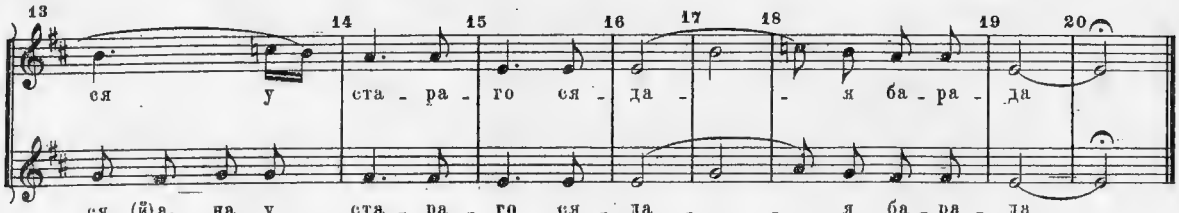


Продолженіе текста см. етр. 77.

II. Былина.

ПРО ИЛЬЮ МУРОВИЧА.

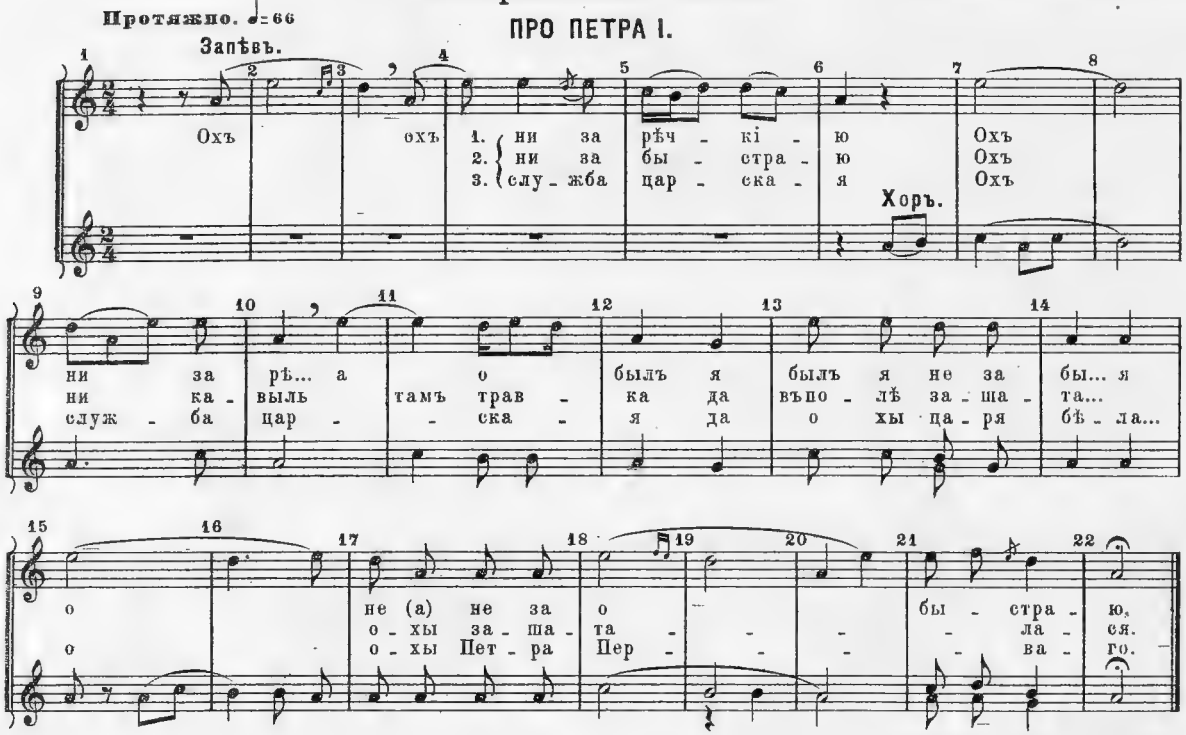




Продолженіе текста см. стр. 42.

III. Историческая пѣсня.

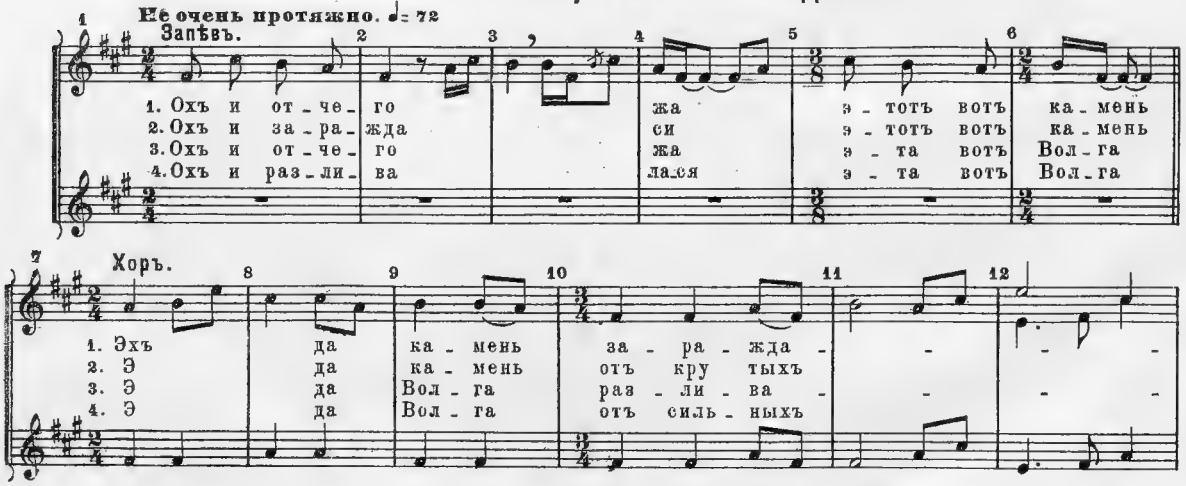
ПРО ПЕТРА I.

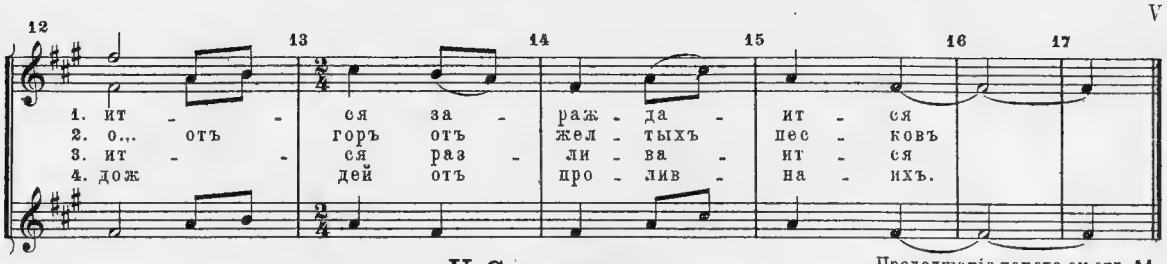


Продолженіе текста см. стр. 43.

IV. Рекрутская.

ОТЧЕГО ЭТОТЪ ВОТЪ, КАМЕНЬ ЗАРОЖДАЕТСЯ.



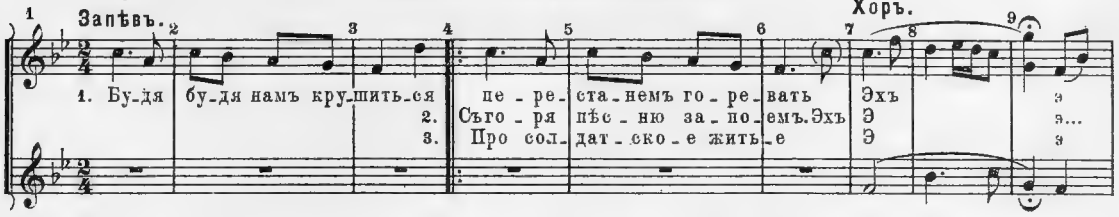


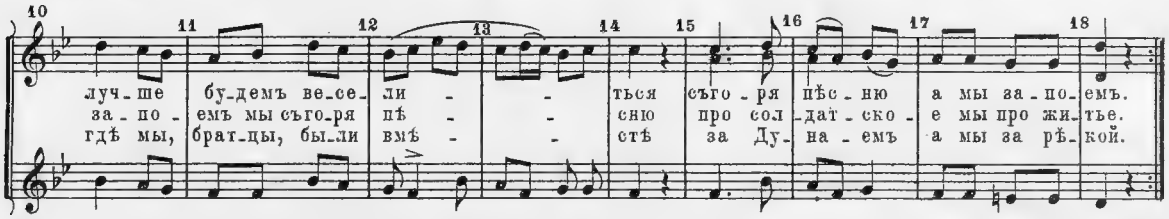
Продолженіе текста см. стр. 41.

V. Солдатская.

БУДЯ, БУДЯ НАМЪ КРУШИТЬСЯ.

Скоро ♩= 92





Послѣдней строкой начинается каждый куплетъ.

Дунай рѣчка не широка
Перевозу черезъ нiё нѣтъ.

Мы на это не глядѣли,
Везли плѣнныхъ, а мы за сабой.

Гдѣ мы въ лагерѣ стояли,
Государь явился къ намъ.

Вы здорово-ли, ребята,
Вы здорово, да вы и прощай.

Разскажите, мои дѣти,
Про походы да вы про свои.

Гдѣ мы силушку теряли
По Турецкимъ а мы по горамъ.

Гдѣ мы рыбушку ловили
По глубокимъ а мы озерамъ.

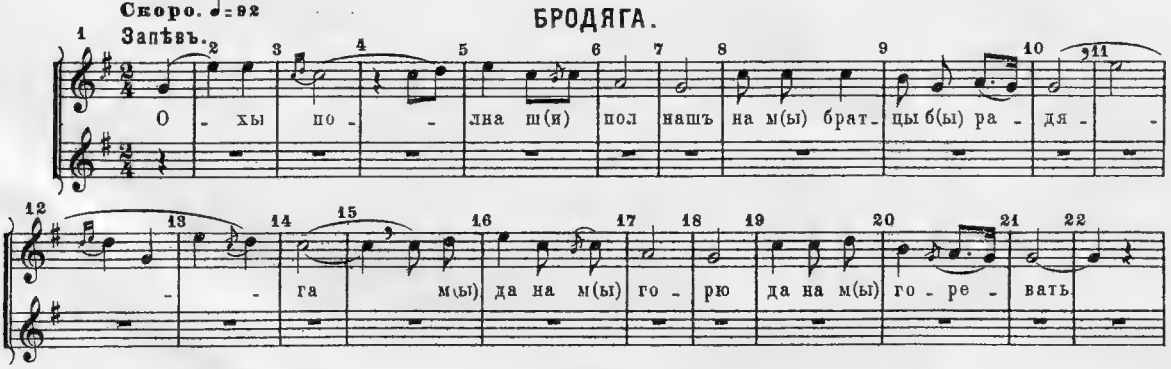
Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается. Законъ 20 Марта 1911 г.

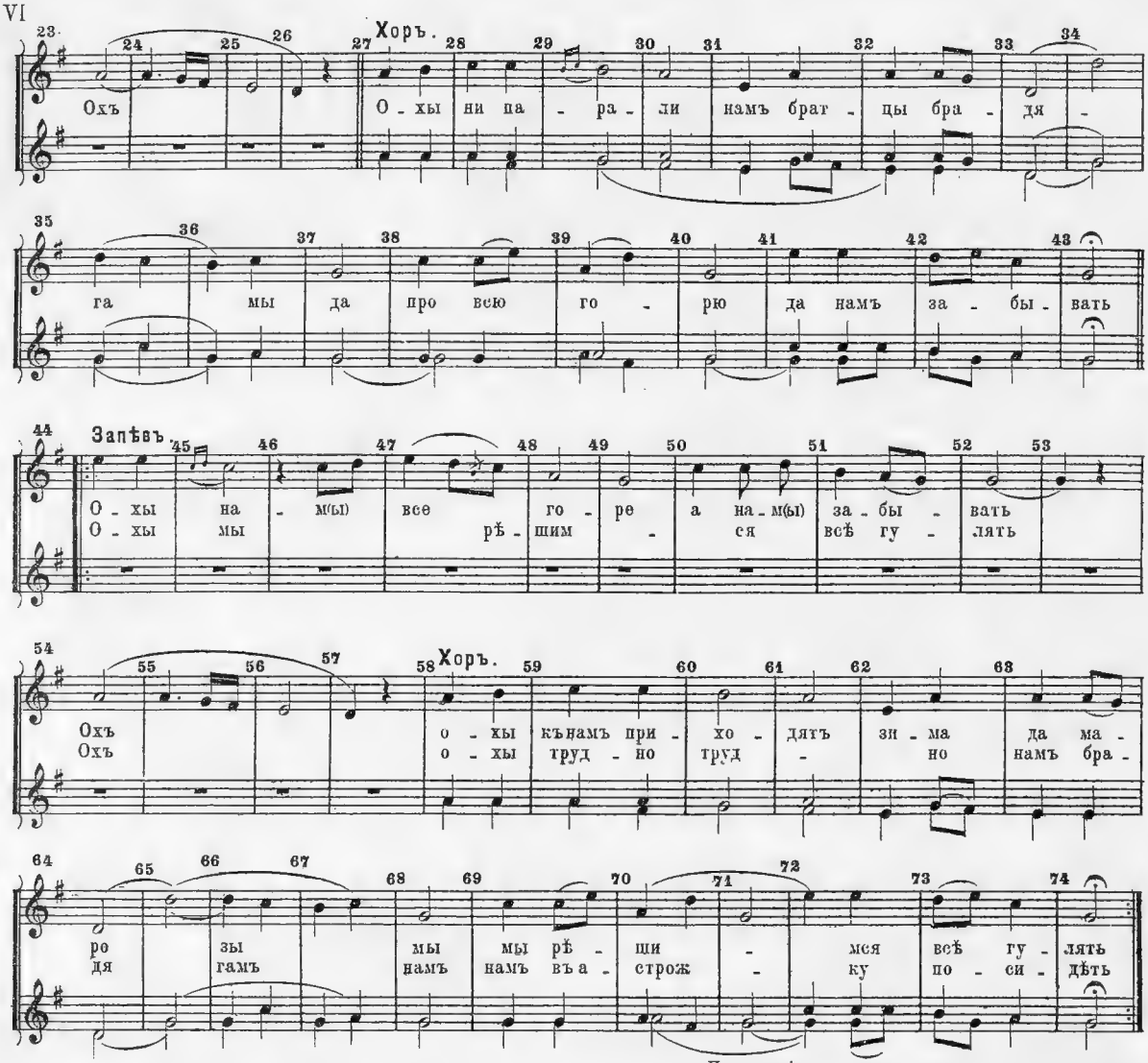
Тексты и мелодіи собраны и записаны М.Е.Пятницкимъ.

VI. Острожная.

БРОДЯГА.

Скоро. ♩= 92



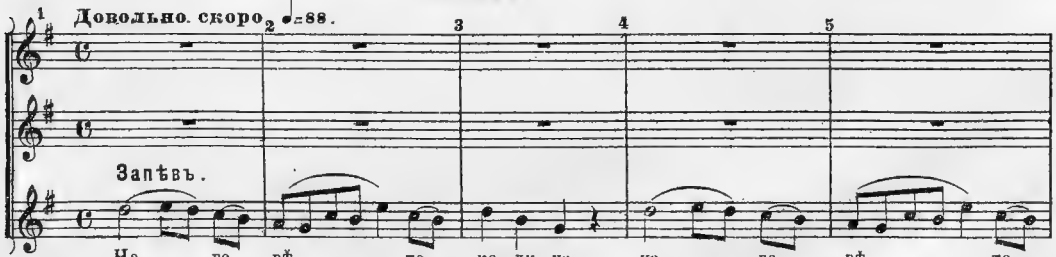


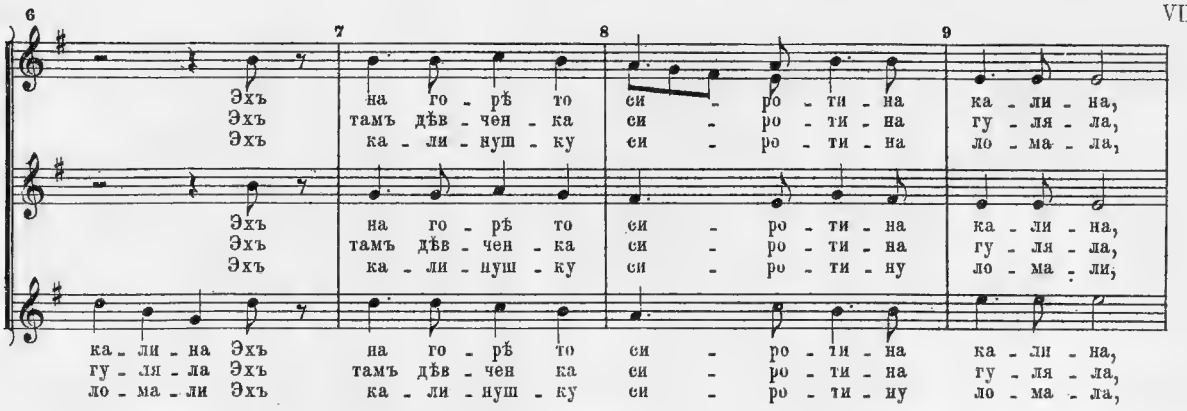
По мелодіи репризы поются остальныя слова.

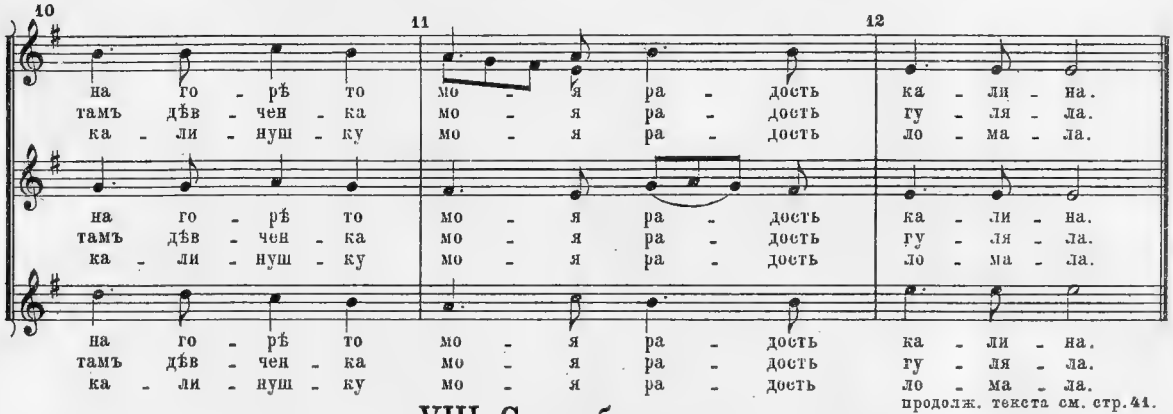
Но ишто того труднѣе,
Скрозь зелену улицу пройтить:
Гарнизонные стоятъ во порядку,
Барабанщички по концамъ,
Барабанщички пробили,
Подъ прикладъ насъ повели...

VII. Хороводная.

КАЛИНА.



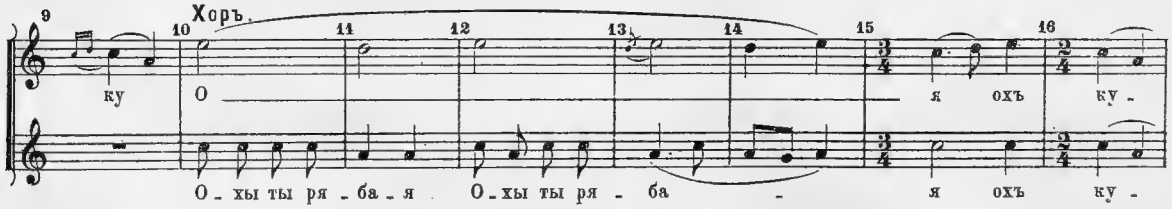


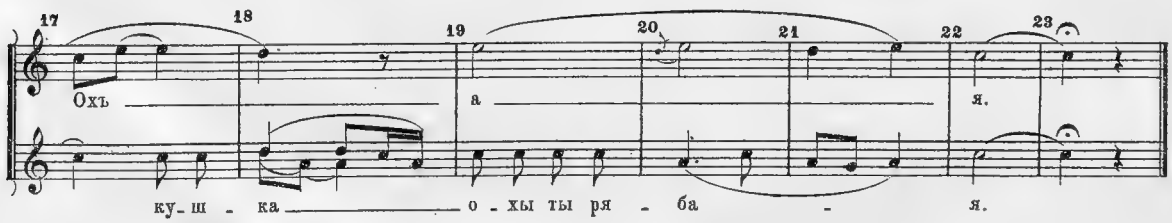


продолж. текста см. стр. 41.

VIII. Свадебная.

Не очень медленно. ♩=72. КУКУШКА РЯБАЯ.





продолж. текста см. стр. 44.

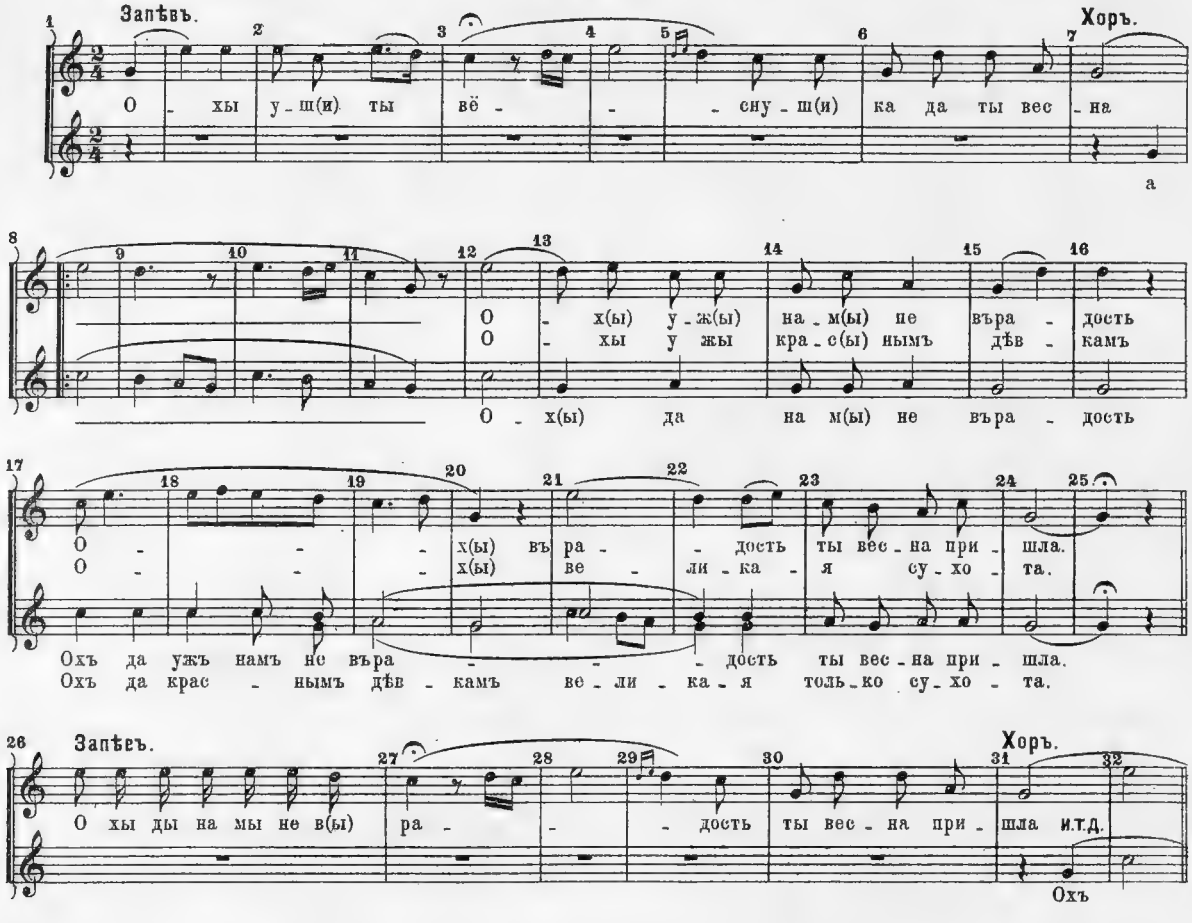
Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается.
Законъ 20 Марта 1911 г.

IX. Весеннія.

Текстъ и мелодіи собраны и записаны М.Е.Пятницкимъ.

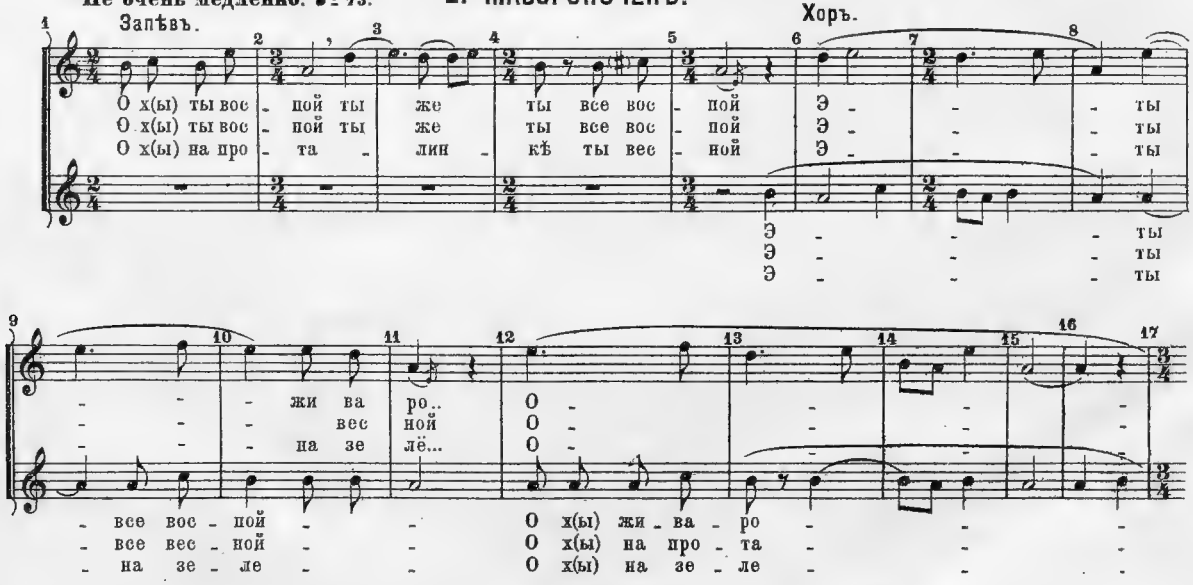
1. ВЁСНУШКА.

Медленно. ♩ = 69.



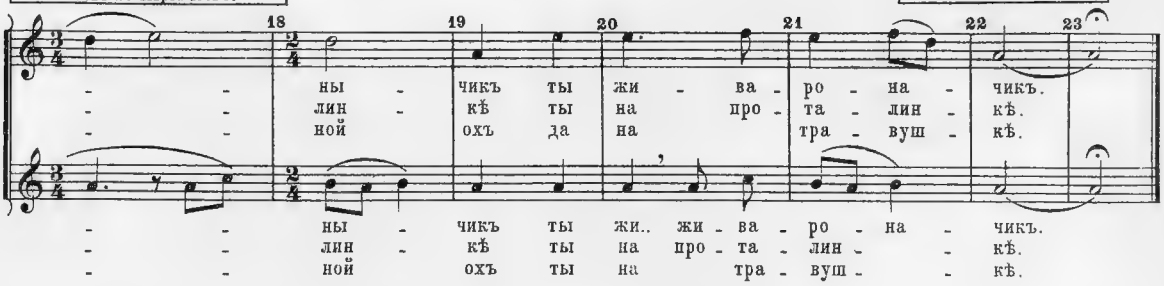
2. ЖАВОРОНОЧЕКЪ.

Не очень медленно. ♩ = 73.



Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается.
Законъ 20 Марта 1911 г.

Текстъ и мелодіи собраны и записаны М.Е.Пятницкимъ



Охъ, да подайте мнѣ голосъ
Охъ, черезъ темный лѣсъ,
Охъ, черезъ темный лѣсъ, черезъ темный лѣсъ.

Охъ, черезъ темный только лѣсъ,
Охъ, что въ камянну Москву,
Охъ, что въ камянну Москву, камянну Москву.

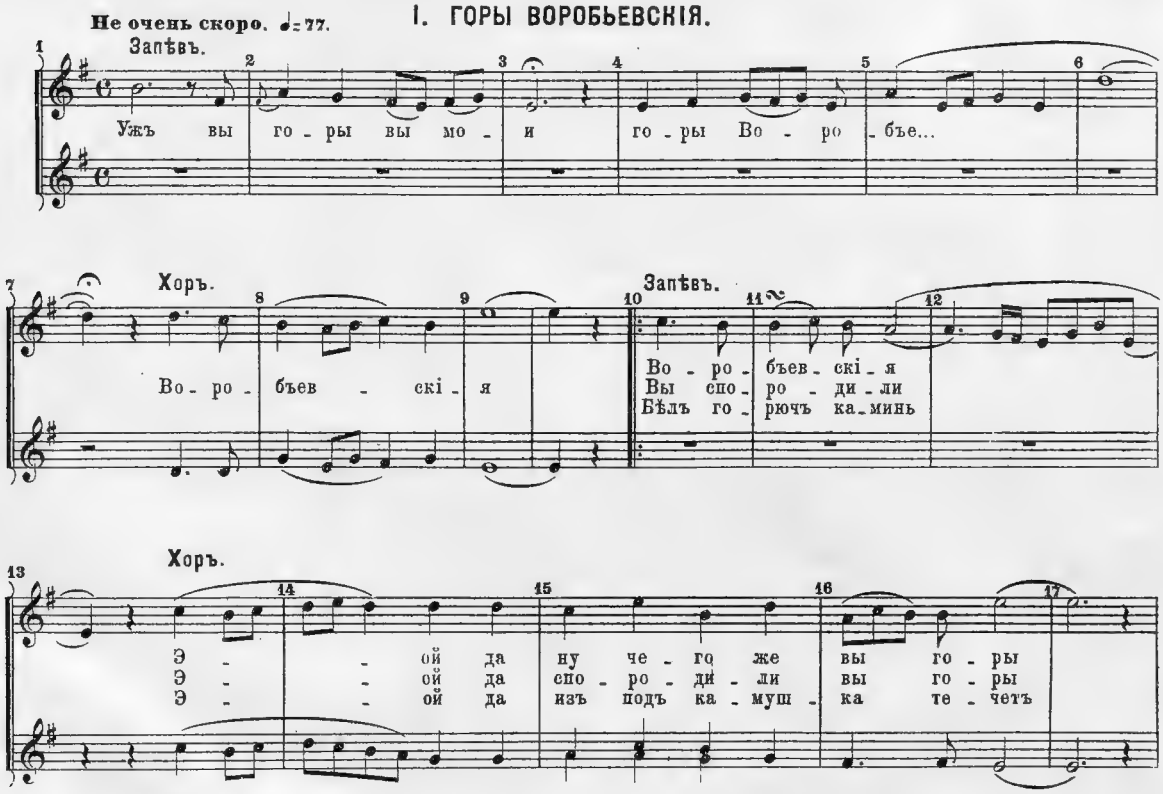
Охъ, во камянной, только, Москвѣ
Охъ, что бѣло... охъ, что бѣлокаменный острогъ
Охъ, бѣлокаменный острогъ.

Охъ, што-жъ бы выпустили они,
Охъ, выпустили невольничка,
Охъ, да невольника.

Охъ, что-жъ такова невольничка
Охъ, милаго мавo
Охъ, дружечка, охъ дружечка.

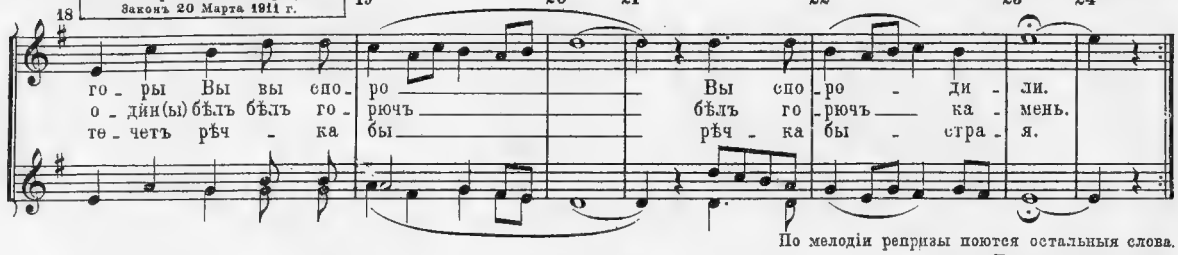
X. Протяжныя.

1. ГОРЫ ВОРОБЬЕВСКІЯ.



Перепечатка, переложеніе и механическое воспроизведеніе воспрещается. Законъ 20 Марта 1911 г.

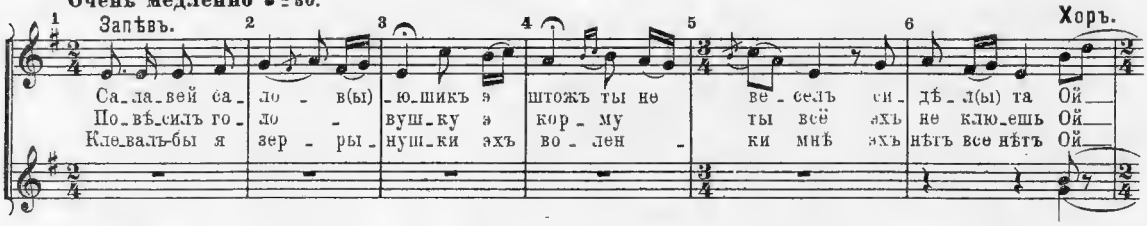
Тексты и мелодіи собраны и записаны М. Е. Пятницкимъ.

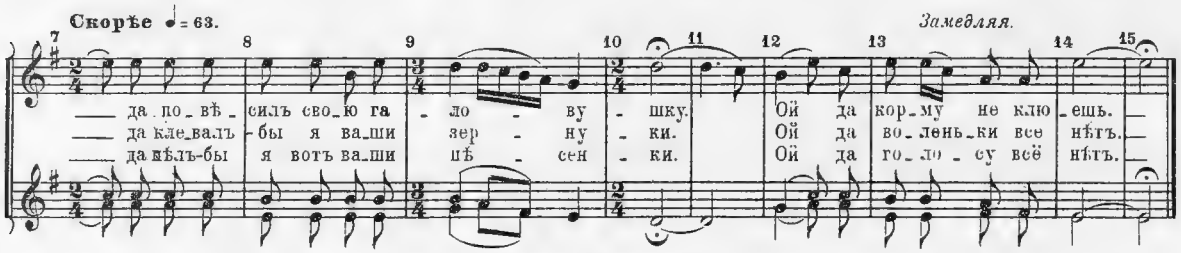


По мелодіи репризы поются остальныя слова.

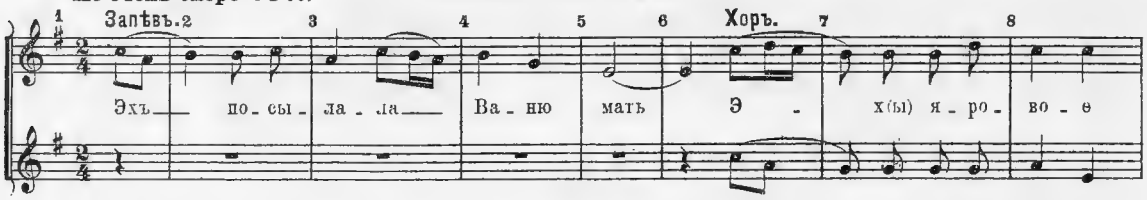
Текстъ см. стр. 39.

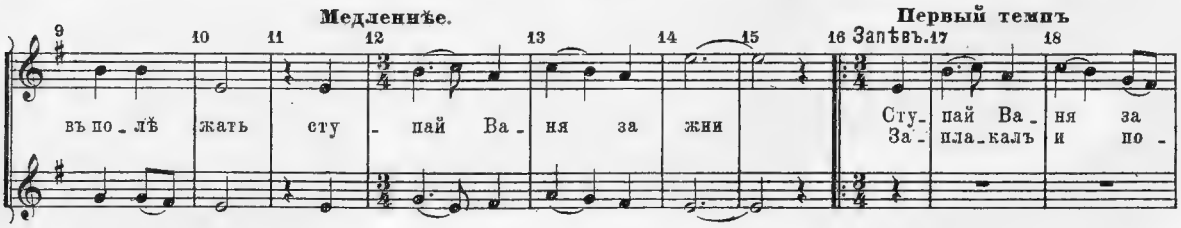
2. СОЛОВЕЙ.

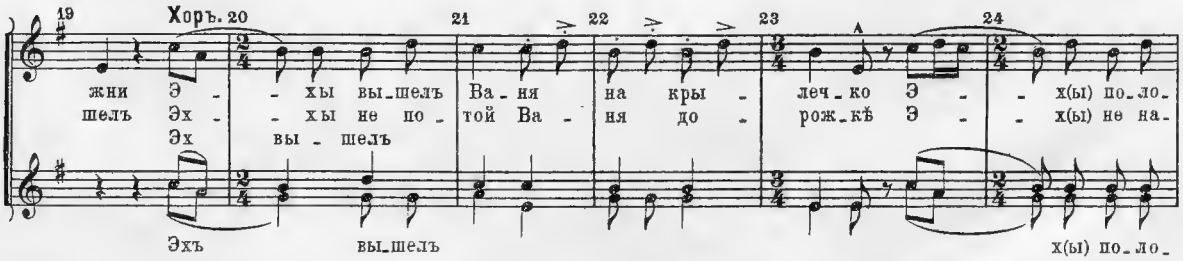




3. ПОСЫЛАЛА ВАНЮ МАТЬ.

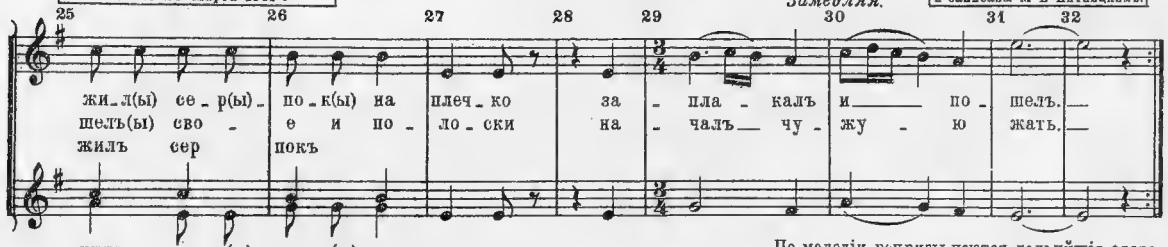






Перепечатка, переложеніе и механическое воспроизведеніе воспрещается.
Законъ 20 Марта 1911 г

Тексты и мелодіи собраны и записаны М Е Пятницкимъ.

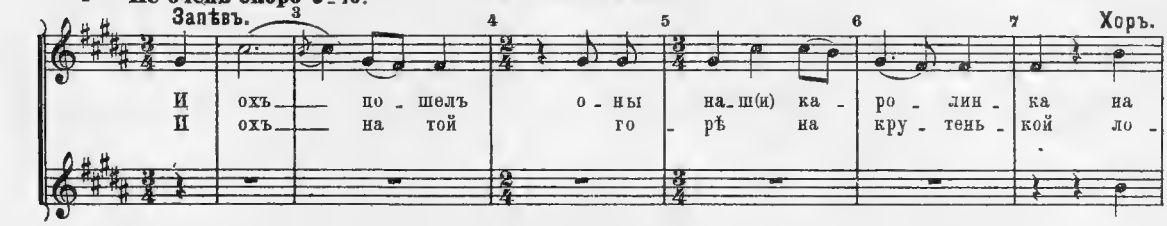


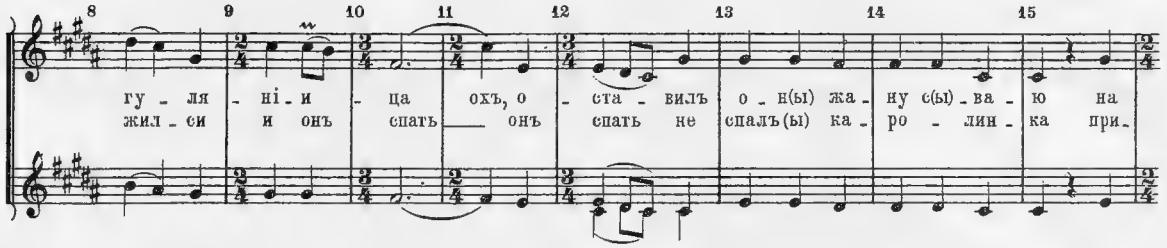
По мелодіи репризы поются дальнѣйшія слова.

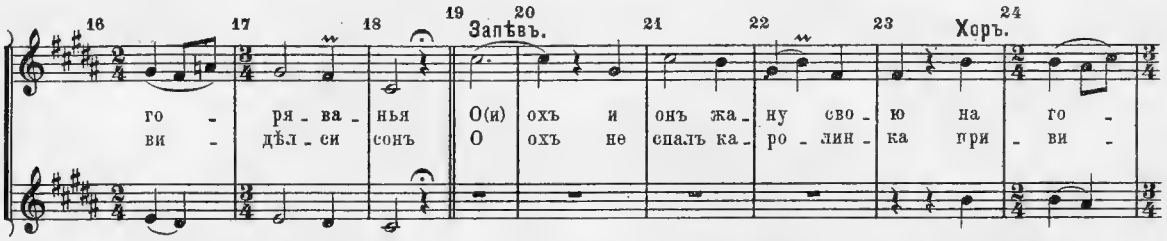
1) Началъ чужую жать,
Онъ и жать-то не на жалъ,
Со любезной простоялъ...

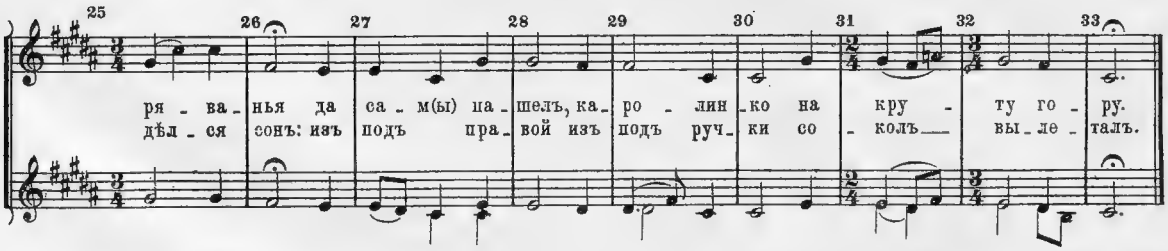
2) Увидала Ваню мать
Начала его ругать.
По малу Ваня жнетъ...

4. Каролинка.









Продолженіе текста см. стр. 39.

Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается. Законъ 20 Марта 1911 г.

5 ТУМАНУШКИ.

Тексты и мелодіи собраны и записаны М. Е. Пятницкимъ

Скоро. ♩=90.

Запѣвъ. Хоръ.

Охъ вы бра - цы брат-цы да вы ту - ма - - - - ну - ш(и) - ки ай да ро-в(ы)-но тё - м(ы) - на и да лѣсъ а - а - х(ы) ту - ма-ны б(ы) рат-цы сто - ятъ

а ну - шки ай да ров - но тё - м(ы) - на - и - да ахъ ту - ма.... брат-цы сто - ятъ

Ахъ по - ды - ми - - ти - ся вы а - - - хы вы

Ахъ что-бъ намъ вид - - - но бы - ло а - - - х(ы) раз - мо - и ту - ма - - ну - ш(и) - ки ой да са си - ня - - ва мо - ря а - - - х(ы) с(ы) мо - рич - кя вы - до - лой.

а а х(ы) вы доб - рымъ мо - - - лод - - цамъ ой да по си - не - - му мо - рю а - - - хы вдоль по мо - рю по - гу - лять.

мо - и б(ы) - рат - цы ту - ма - - - ну - ши - ки а да са си - ня - - ва

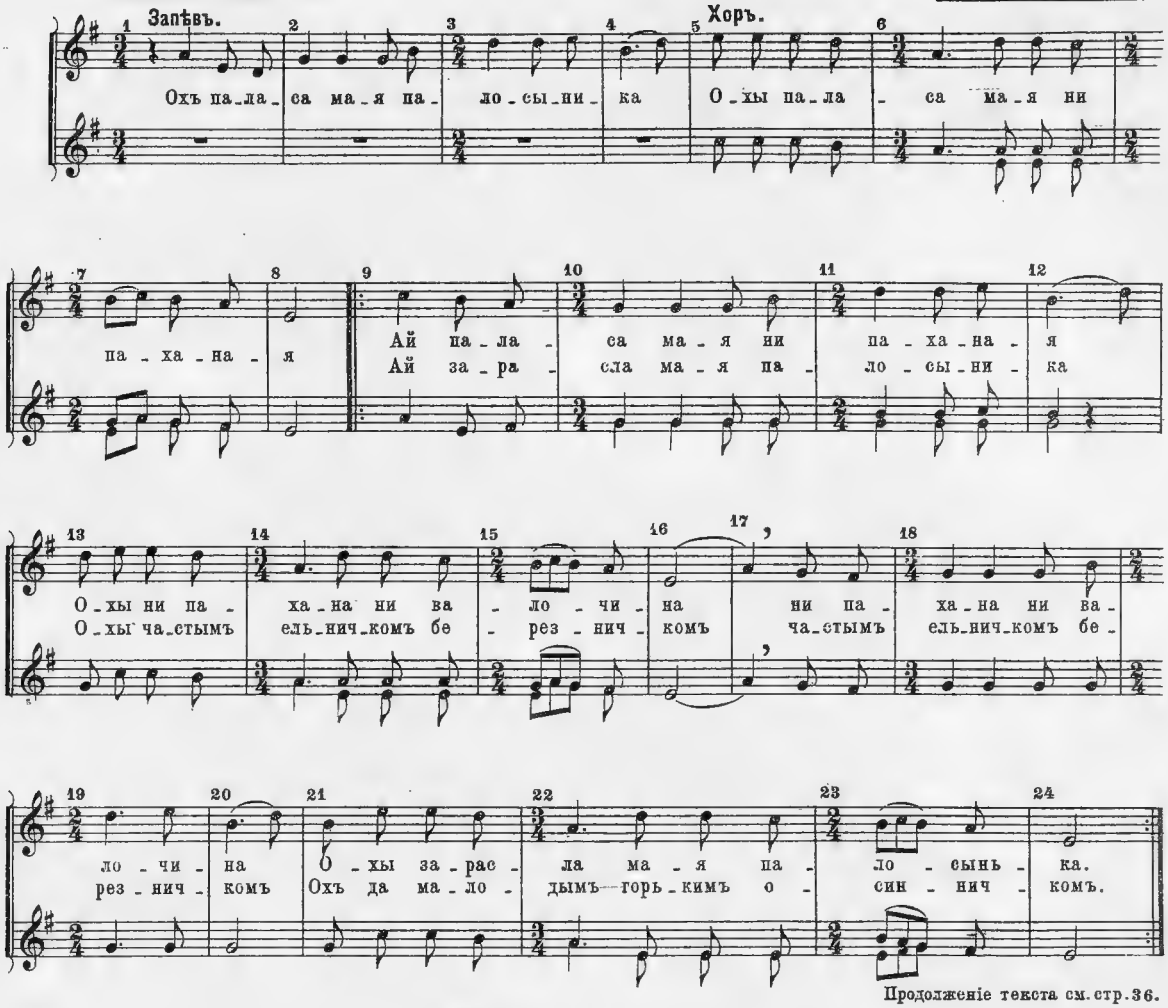
Продол. текста см. стр. 40.

Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается. Законъ 20 Марта 1911 г.

6. ПОЛОСА.

Тексты и мелодіи собраны и записаны М.Е.Пятницкимъ.

Довольно скоро. ♩=84.

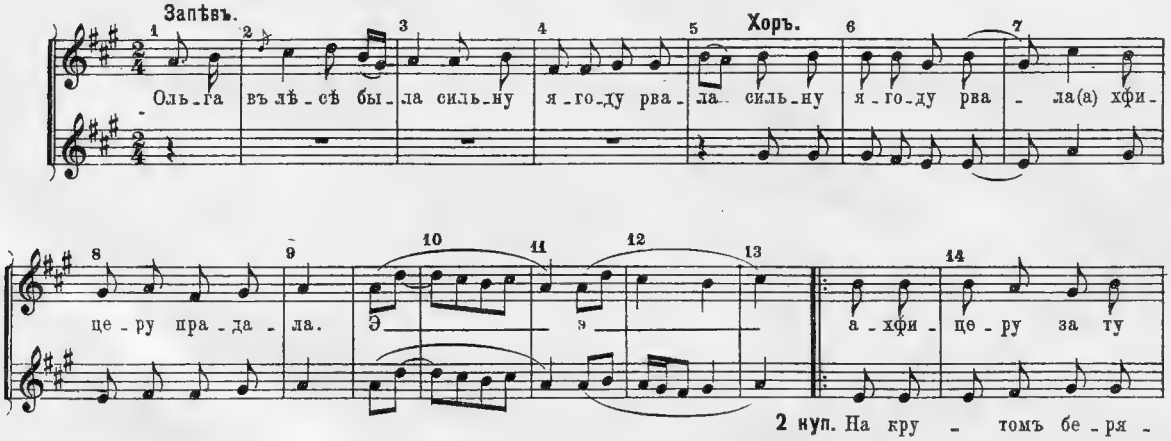


Продолженіе текста см. стр. 36.

XI. Плясовыя.

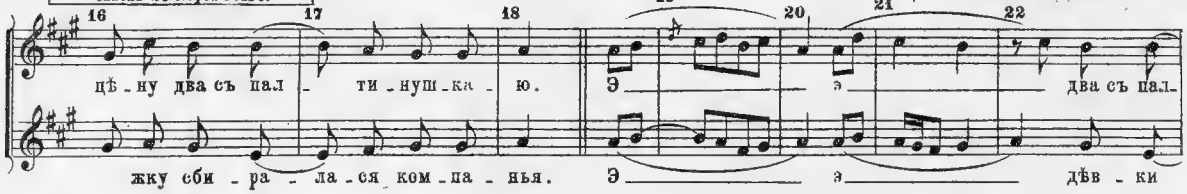
1. ОЛЬГА ВЪ ЛѢСѢ БЫЛА.

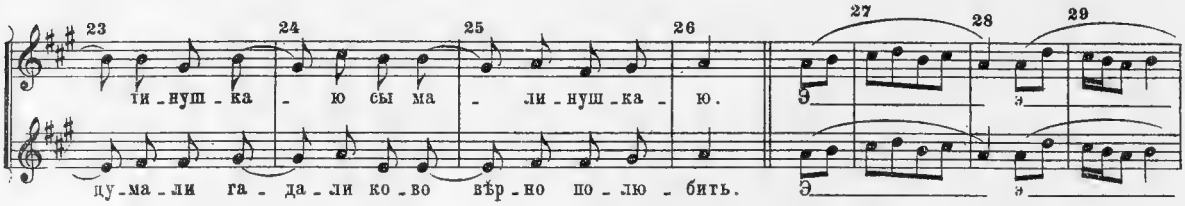
Скоро. ♩=96.

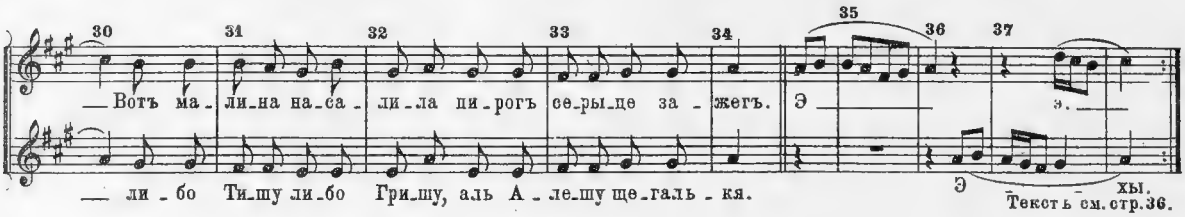


Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается.
Законъ 20 Марта 1911 г.

Тексты и мелодіи собраны и записаны М.В.Пятницкимъ.



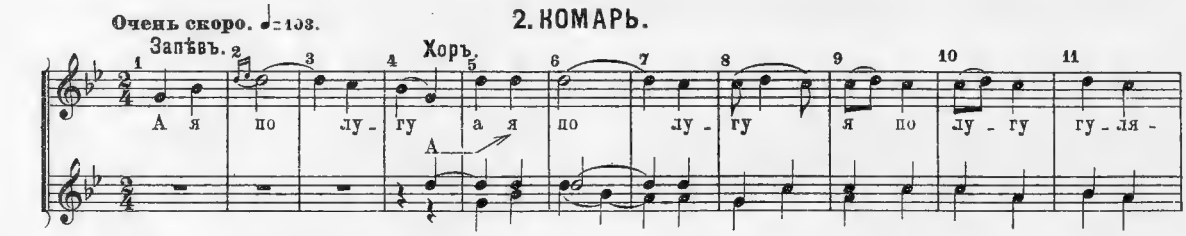


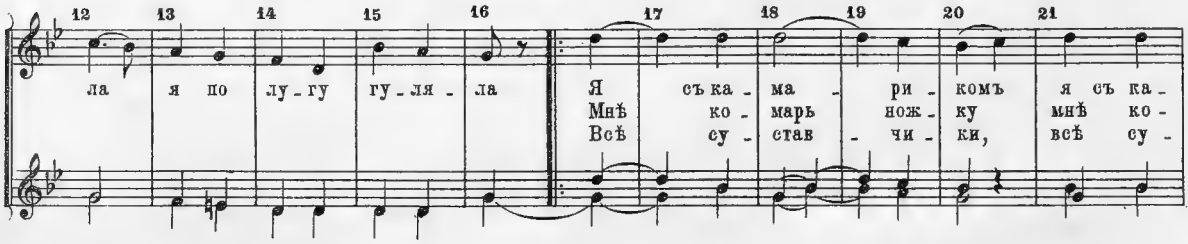


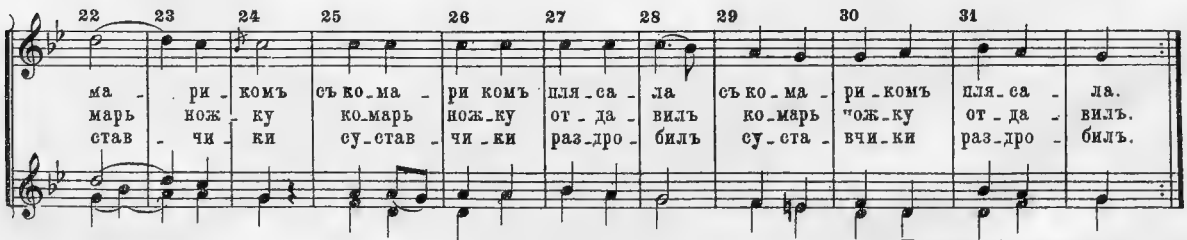
Текстъ см. стр. 36.

2. КОМАРЬ.

Очень скоро. ♩= 108.







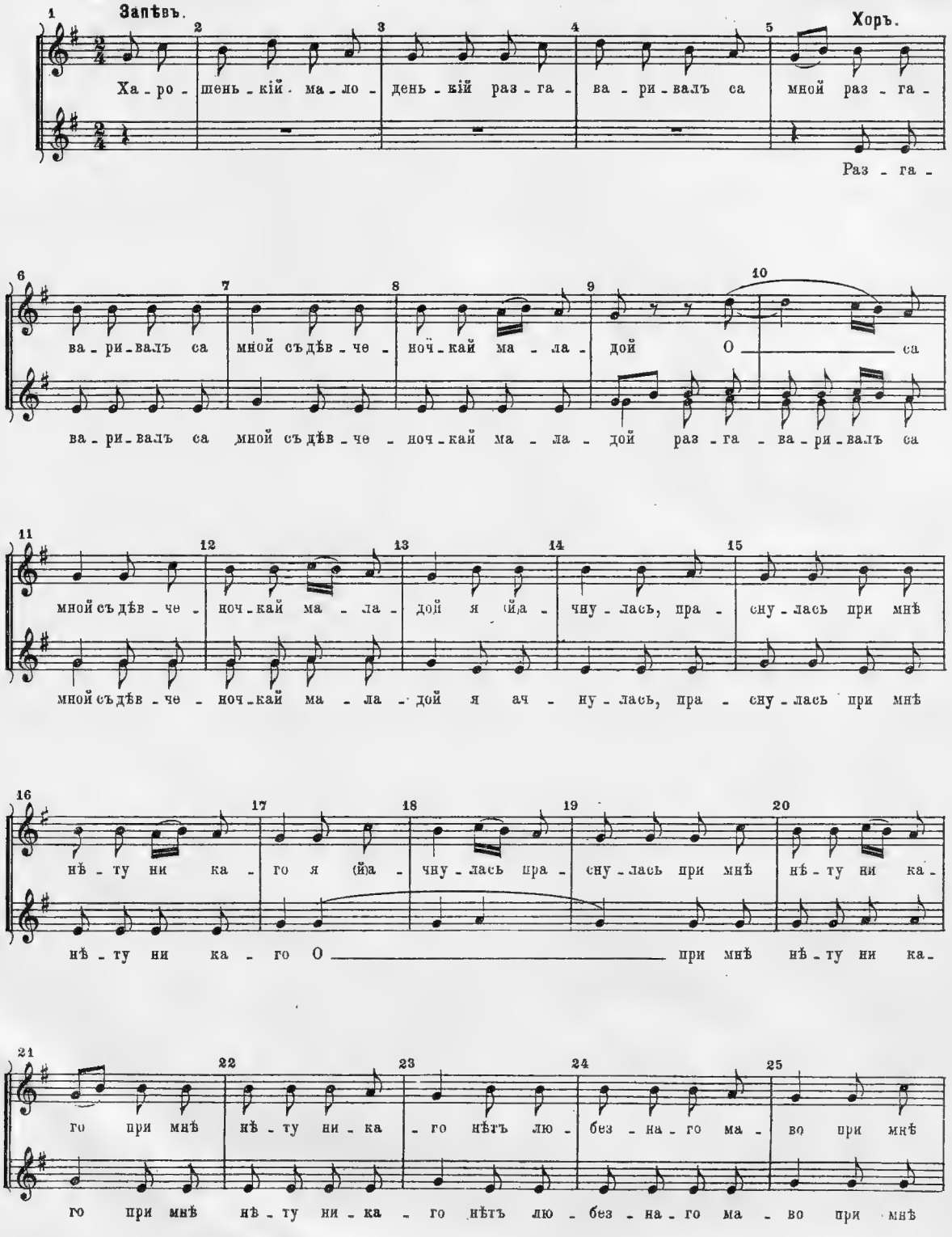
Продолженіе текста см. стр. 54.

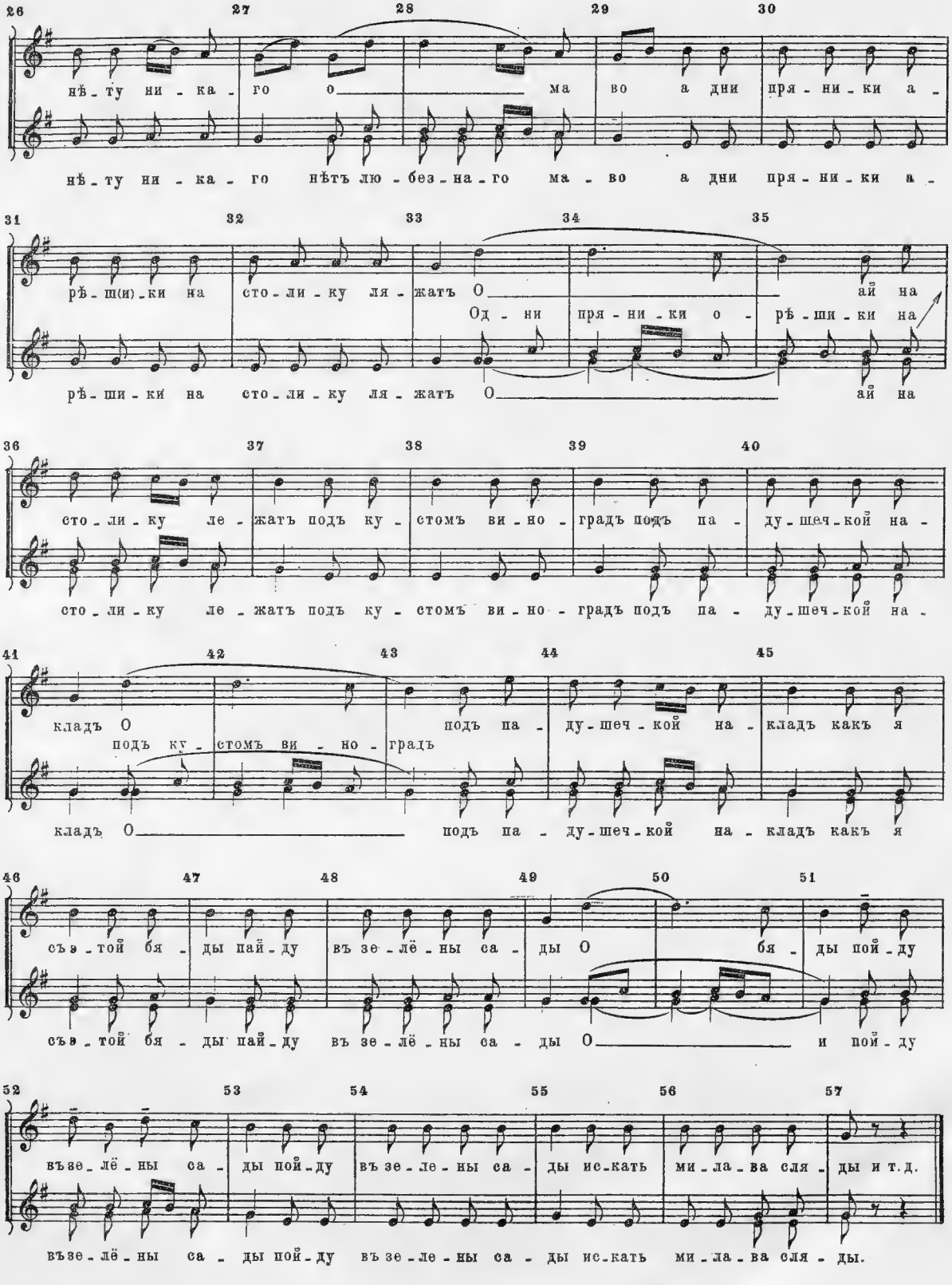
Перепечатка, переложенія и механическое воспроизведеніе воспрещается. Законъ 20 Марта 1911 г.

3. ХОРОШЕНЬКІЙ МОЛОДЕНЬКІЙ.

Тексты и мелодіи собраны и записаны М. Е. Пятницкимъ.

Не очень скоро. ♩=108.




26 27 28 29 30
нѣ-ту ни-ка-го о ма во а дни пря-ни-ки а-
нѣ-ту ни-ка-го нѣтъ лю-без-на-го ма-во а дни пря-ни-ки а-
31 32 33 34 35
рѣ-ш(и)-ки на сто-ли-ку ля-жатъ О ай на
Од-ни пря-ни-ки о-рѣ-ши-ки на
рѣ-ши-ки на сто-ли-ку ля-жатъ О ай на
36 37 38 39 40
сто-ли-ку ле-жатъ подъ ку-стомъ ви-но-градъ подъ па-ду-шеч-кой на-
сто-ли-ку ле-жатъ подъ ку-стомъ ви-но-градъ подъ па-ду-шеч-кой на-
41 42 43 44 45
кладъ О подъ па-ду-шеч-кой на-кладъ какъ я
подъ ку-стомъ ви-но-градъ
кладъ О подъ па-ду-шеч-кой на-кладъ какъ я
46 47 48 49 50 51
съ э-той бя-ды пай-ду въ зе-лё-ны са-ды О бя-ды пой-ду
съ э-той бя-ды пай-ду въ зе-лё-ны са-ды О и пой-ду
52 53 54 55 56 57
въ зе-лё-ны са-ды пой-ду въ зе-ле-ны са-ды ис-кать ми-ла-ва сля-ды и т.д.
въ зе-лё-ны са-ды пой-ду въ зе-ле-ны са-ды ис-кать ми-ла-ва сля-ды.

I.

СТАТЬИ ПЕРІОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ О КОНЦЕРТАХЪ

М. Е. ПЯТНИЦКАГО

СЪ КРЕСТЬЯНАМИ. *)

*) Въ этомъ отдѣлѣ читатель найдетъ отзывы различныхъ органовъ періодической печати о концертахъ М. Е. Пятницкаго съ крестьянами, которые позволятъ ему ознакомиться подробнѣе съ вопросомъ о русской народной пѣснѣ. Отзывы сгруппированы, по возможности, отъ болѣе общихъ вопросовъ къ частнымъ.

Умирающая русская пѣсня.

Народная пѣсня — это живая художественная лѣтопись народной жизни. Только въ ней и сказывались таившіяся въ народѣ творческія возможности, творческія силы. Ни книгъ народъ не писалъ, ни картинъ не рисовалъ. На протяженіи цѣлыхъ вѣковъ только складывалъ и пѣлъ свои тоскливыя, мучительно грустныя пѣсни, полныя печальной шири, какъ печальна вся безкрайная равнина нашей страны, какъ широка могучая Волга.

И вотъ теперь эта народная пѣсня, эта художественная исповѣдь народа умираетъ съ каждымъ днемъ, съ каждымъ часомъ. Вмѣстѣ съ отхожими промыслами, съ желѣзными дорогами, съ фабриками и заводами, угрюмыя трубы которыхъ высятся теперь и среди полей, вмѣстѣ съ каменными городами—въ глухіе деревенскіе углы, въ крестьянскіе низы пробирается развязная, циничноразвратная пьяная фабричная частушка. Крикливая, пришла она и воцарилась на деревенской улицѣ, на крестьянскихъ свадьбахъ, на очаровательныхъ полныхъ непосредственнаго увлеченія „посидкахъ“ (бесѣдахъ) молодежи, и утвердилась во всѣхъ значительныхъ моментахъ деревенской жизни, въ обрядностяхъ, для которыхъ народная фантазія сложила свои особыя обвѣянныя глубокимъ поэтическимъ вдохновеніемъ пѣсни.

Чтобы понять, какая красота уходитъ изъ жизни, нужно попасть въ далекіе медвѣжьи углы, сохранившіе еще свой неприкосновенный обликъ, и здѣсь слушать народныхъ пѣвцовъ, число которыхъ съ каждымъ годомъ, все уменьшается. Деревня начинаетъ забывать свои прекрасныя пѣсни.

Необходимо спасать то, что разрушается временемъ. Необходимо сохранить народную пѣсню, погибающую подъ пошлыми и безобразными напѣвами фабричной улицы. Но въ этомъ направленіи у насъ дѣлается чрезвычайно мало. Отдѣльныя лица за свой страхъ и рискъ предпринимаютъ экскурсіи для записей народныхъ пѣсенъ. Все это дѣлается безъ опредѣленнаго плана, безъ строгой системы. Облюбовывается мѣсто случайно, внѣ зависимости отъ какихъ-либо этнографическихъ и локальныхъ соображеній. Съ однимъ изъ собирателей народной пѣсни мы желаемъ познакомить нашихъ читателей.

Это—М. Е. Пятницкій, членъ музыкально-этнографической комиссіи при московскомъ обществѣ естествознанія, антропологіи и этнографіи. Давно ужъ посѣщаетъ онъ глухіе уголки Воронежской губ., слушаетъ хороводы, разыскиваетъ живыхъ носителей старинной пѣсни. До сихъ поръ записи пѣсенъ производились имъ на слухъ. И только настоящимъ лѣтомъ, пріобрѣвши фонографъ, онъ сталъ записывать образцы народнаго пѣсеннаго творчества точнымъ и вѣрнымъ механическимъ путемъ. М. Е. Пятницкому удалось записать до 60 пѣсенъ, изъ которыхъ большинство является до сихъ поръ совершенно неизвѣстными, какъ по своей музыкѣ, такъ и по тексту. Требовалось много усилій, чтобы расшевелить музыкальную память деревенскихъ пѣвцовъ, увлекающихся теперь исключительно частушками. М. Е. Пятницкій,—самъ знающій много народныхъ пѣсенъ и при помощи одной 70-лѣтней старухи Аринушки, сохранившей удивительную свѣжесть голоса и представляющей живую вокальную старинную энциклопедію,—заражалъ крестьянъ интересомъ къ полузабытымъ пѣснямъ, заставляя припоминать ихъ, устраивалъ хоры, подбирая въ хороводахъ необходимые голоса. Большое участіе въ этомъ дѣлѣ принимала сельская интеллигенція — учитель, сельскій батюшка и т. д.

Вырядившись въ свои праздничныя одежды, крестьянскія женщины и дѣвушки съ большимъ художественнымъ увлеченіемъ пѣли въ фонографъ одну за другой пѣсни. Съ чисто дѣтскимъ удивленіемъ и восторгомъ слушали онѣ, какъ диковинная машина вслѣдъ за ихъ пѣснями воспроизводила ихъ собственные голоса и знакомыя слова. Среди пѣвшихъ М. Е. Пятницкому пришлось встрѣтить много интересныхъ въ вокальномъ отношеніи и прямо-таки талантливыхъ натуръ. Въ крестьянской массѣ разсыпано такое огромное художественное богатство, здѣсь есть такая масса цѣнныхъ и богатыхъ голосовъ. Намъ пришлось слушать всѣ эти записанныя М. Е. Пятницкимъ въ фонографѣ пѣсни. Трудно ихъ здѣсь всѣ привести, тѣмъ болѣе, что Пятницкій будетъ ихъ скоро публично „демонстрировать“.

Вотъ свадебная пѣсня „Кукушка рябая..“. Ее поютъ дѣвушки-подружки, идучи мимо дома невѣсты. Поется она въ формѣ діалога. Дѣвушки спрашиваютъ:

Охъ, да что жъ ты, кукушка,
Охъ, да, кукушка ты рябая,
Охъ, да что же ты, кукушка,
Летишь, да не кукуешь?..

А другая часть хора отвѣчаетъ скорбно, съ тоской, словно хоронитъ дѣвичью молодость, дѣвичью радость:

Охъ, да какая же моя кукованія,
Да високая летанія,
Да что жъ високая летанія,
Чижолая воздыханія...
И т. д.

Интересно отмѣтить цѣлую серію „величальныхъ“ пѣсенъ, поющихся на самой свадьбѣ. Какая здѣсь разлита поэтическая красота, сколько здѣсь грусти въ предвидѣніи печальной доли крестьянской женщины, которая вышедши замужъ, несетъ тяжелый крестъ мученицы. И во всѣхъ этихъ „величальныхъ пѣсняхъ“, созданныхъ для торжественнаго момента, красной нитью проходитъ больная, мучительная нота безысходной грусти, печальныхъ ожиданій.

Кому радость, кому горе,
А мнѣ молодой одна грусть-тоска.
Прошла она, моя младость,
Ой да прокатили они, всѣ года,
Всѣ веселые годочки,
Ой, да словно полая вода...
И т. д.

Но особенное вниманіе обращаютъ на себя пѣсни плакательныя. Хорошо, слишкомъ хорошо умѣетъ плакать русскій народъ! Вотъ плачетъ молодая жена, провожая мужа въ рекруты. Вотъ въ слезахъ бьется у гроба матери осиротѣлая дочь. И когда слушаешь эти пропитанныя слезами мелодіи, такія простыя и несложныя въ своемъ ритмѣ, но такія мрачныя по своему безысходному горю, то невольно чувствуешь, какъ передается эта тоска тебѣ, какъ просятся на глаза слезы.

Въ пѣснѣ о мужѣ-рекрутѣ тонко передается и безпомощность женщины, и привязанность къ мужу, и тѣ страхи, какіе рисуются деревенскому воображенію передъ страшной и мрачной казармой въ далекомъ, чужомъ городѣ. Совсѣмъ иная скорбь слышится въ пѣснѣ надъ могилой матери. Здѣсь столько женственной нѣжности въ самой грусти, столько безпредѣльной мягкости и ласковости въ печали, что четко осязаешь красоту народной души. Народная душа, проникнутая такими тончайшими переживаніями, не можетъ принадлежать народу дикому, грубому, низкому. И вотъ это еще общественная заслуга подобныхъ записей: пѣсни научаютъ понимать, какія душевныя и моральныя цѣнности таятся въ народной психикѣ, въ темномъ забитомъ, невѣжественномъ народѣ, о которомъ люди города привыкли судить только по его грязи, нищетѣ и внѣшней неприглядности.

С. Раецкій.

МОСКВА, 26 Сентября 1913 г. № 39.

К. Зер.

Умирающая пѣсня.

Умираетъ народная пѣсня. Съ каждымъ днемъ все рѣже и рѣже можно слышать ее въ нашихъ селахъ и деревняхъ, гдѣ распѣваются теперь лихія и развязныя, навѣянныя городомъ и фабриками „частушки“. Долгіе вѣка держалась она, эта художественная исповѣдь народной души, но вотъ съ отхожими промыслами, желѣзными дорогами, съ фабриками и заводами истинная народная пѣсня стала исчезать, уступая мѣсто „частушкамъ“, безшабашнымъ, пьянымъ и грубымъ образчикамъ хулиганскихъ пѣсенъ.

Большой культурной заслугой теперь является стремленіе нѣкоторыхъ лицъ собирать эти уходящія и исчезающія пѣсни съ цѣлью сохранить ихъ отъ окончательнаго вымиранія. Нами уже неоднократно отмѣчалась крупная роль въ этомъ отношеніи существующей въ Москвѣ при обществѣ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи музыкальной этнографической комиссіи, которая издала два объемистые сборника „раскопанныхъ“ народныхъ пѣсенъ.

Если лирическимъ и обрядовымъ народнымъ пѣснямъ и посчастливилось встрѣтить особенно внимательное отношеніе къ себѣ со стороны музыкальныхъ этнографовъ, то зато въ совершенномъ загонѣ пребываютъ такъ называемые „духовные стихи“, слагать которые такой искусный мастеръ русскій народъ. Духовныя пѣсни мало записываются и вотъ почему слѣдуетъ отмѣтить работу, выполненную въ этомъ направленіи минувшимъ лѣтомъ однимъ изъ дѣятельныхъ членовъ московской музыкальной этнографической комиссіи М. Е. Пятницкимъ.

Въ этомъ году ему посчастливилось отыскать въ Воронежской губ. вещи, почти неизвѣстныя и высокой художественной цѣнности, отличающіяся замѣчательной музыкой. Это былина про Илью Муромца, исполняющаяся, вопреки обыкновенію, хоромъ, а не соло, три историческія пѣсни и 8 духовныхъ стиховъ. Добыто это было благодаря лишь изумительной памяти 70-лѣтней старухи Аринушки, которая въ прошломъ году въ Москвѣ на крестьянскомъ концертѣ поразила всѣхъ своимъ прекраснымъ голосомъ.

Считаемъ интереснымъ привести здѣсь нѣкоторые образцы этихъ мало извѣстныхъ „духовныхъ стиховъ“. Вотъ, напримѣръ, стихъ о Егоріи:

Ахъ, злодѣй царишша, да онъ врагъ Демьянишша,
Ахъ, у няво то была царица благовѣрная,
Ахъ, породила она сабѣ да три дочери,
Да четвертаво сына, сына да Ягорія,
Да Ягорія височики бѣлъ ковыль трава,
Да бѣлъ ковыль трава, да ишто снѣгу бѣлава,
По локотя да они въ чистомъ золотѣ,
Да по колѣня у него ножки да они въ чистомъ серебрѣ,
Ахъ, злодѣй царишша, да онъ врагъ Демьянишша,
Да онъ сталъ то Ягорія, да онъ мучати,
Охъ, да онъ мучати яво муками,
Да онъ муками, да онъ разными,
Э, да онъ разными, да онъ разноличными.
Да охъ, стали яво, Ягорія, на смолѣ варить,
Да, охъ смола то кипитъ, ровно громъ гремитъ,
Да охъ, на сверху смолы Ягорій плавая,
Да онъ стихи то поетъ, да онъ харуимскія,
Да онъ гласомъ да гласитъ по-явангельски.

Изъ историческихъ любопытными являются пѣсня про Петра Великаго и особенно объ Ильѣ Муромцѣ („Илья Муравичъ“). Послѣдняя пѣсня написана былиннымъ складомъ и начинается удивительной строфой:

Охъ, ни бѣлыя снѣжки забилѣлися,
Охъ, забилѣлася да, вѣдь, у старава сядая борода,
Забилѣлася у старава сядая она борода,
Что-жъ буйная голова, что-жъ сядая борода,
И буйная только голова.
Охъ, что-жъ подъ старымъ конь очень буръ, косматъ.

И много еще есть (мы лишены возможности привести все) среди собраннаго и записаннаго М. Е. Пятницкимъ такого, что вызоветъ улыбку радости не только у пытливаго этнографа, но у каждаго, понимающаго красоту и цѣнность народнаго музыкальнаго творчества.

С. Васцкій.

Утро Россіи.
Четвергъ, 10-го Ноября 1911 г. № 259.

Утро народной великорусской пѣсни.

Подлинныя старинныя народныя пѣсни въ подлинно-народномъ исполненіи,—такова была выдающаяся по интересу программа этого утра, устроеннаго М. Е. Пятницкимъ въ пользу дамскаго благотворительнаго комитета (для устройства дѣтской сельскохозяйственной колоніи). Къ участію въ утрѣ г. Пятницкій пригласилъ нѣсколько группъ крестьянъ-пѣвцовъ и пѣвицъ (главнымъ образомъ Воронежской губерніи), съ которыми познакомился во время своихъ поѣздокъ „за пѣснями“. Такимъ образомъ, публика могла стать лицомъ къ лицу съ настоящими народными пѣвцами,—тѣми самыми деревенскими артистами и артистками, живыми художественными традиціями которыхъ и доселѣ держится еще на Руси старинное пѣсенное искусство. Эстрада Малой залы Дворянскаго собранія для этого случая превращена была декораціями въ избу. Женщины пѣли въ оригинальныхъ старинныхъ нарядахъ, которые на мѣстахъ стали уже рѣдкостью и для концерта собраны были по одиночкѣ въ разныхъ селахъ. За все это и прежде всего за самую идею „крестьянскаго концерта“ нельзя не быть благодарнымъ г. Пятницкому и поддержавшему его комитету...

Пѣсни, исполняемыя крестьянами, очень интересны и по словамъ, и по напѣвамъ; среди нихъ есть прямо жемчужины. Но особенную окраску и значеніе получаютъ онѣ въ народномъ исполненіи. Пѣвцы пѣли группами земляковъ: большая мужская группа, группа семидесятилѣтней (!) старухи Аринушки съ двумя дочерьми, еще группа трехъ женщинъ и др. Аринушка съ дочерьми нѣсколько простудились въ дорогѣ, и все-таки ихъ пѣніе было самымъ мягкимъ среди женщинъ. У остальныхъ пѣвицъ голоса звучали рѣзче, открытѣе, но и это впрочемъ зависѣло отъ пѣсни. Напримѣръ, въ грустной „Полосѣ“ тѣ самыя пѣвицы, которыя передъ тѣмъ „голосили“, давали звукъ сдержанный, мягкій. Мужскіе голоса (особенно у запѣвалы-тенора) сами по себѣ пріятнѣе. Но всюду подкупаетъ не столько вокальный звукъ, сколько живое выявленіе свободно раскрывающейся *души* пѣсни, безыскусственная, порой аляповатая, но порой удивительно тонкая художественность какъ въ передачѣ отдѣльныхъ пѣвцовъ, такъ и въ своеобразно-контрапунктическомъ ансамблѣ. Нѣкоторыя пѣсни сопровождались игрой на жалейкахъ и плясками; показанъ былъ и хороводъ въ движеніи. Особенно интересно было второе отдѣленіе... Живая, цѣльная картина увлекательнаго исполненія „Звоновъ“ или „Не будите меня молоду“, столько же дававшая уху, сколько глазу, думается, глубоко запечатлѣлась въ памяти слушателей. Превосходно игралъ гусляръ (въ интеллигентскомъ костюмѣ)—на гусляхъ,—этомъ поистинѣ „камерномъ“ инструментѣ. Особенно хороша была пѣсня съ варіаціями „Выйду-ль я на рѣченьку„ и, на bis, какая-то плясовая. Исполнены были также причитанія по рекрутѣ и по умершей матери. Одна женщина причитывала съ плачемъ, другая утѣшала. Потомъ онѣ перемѣнились ролями и по окончаніи улыбались, хотя передъ этимъ какъ-будто по-настоящему плакали. Это было уже нѣчто въ родѣ форменнаго представленія. И потому, можетъ-быть, тѣ же самыя причитанія производятъ гораздо болѣе непосредственное и сильное впечатлѣніе, когда слушаешь ихъ въ фонографѣ, не считая за „представленіе“.

Во всякомъ случаѣ утро оказалось въ высокой степени художественно интереснымъ и этнографически поучительнымъ. Сегодня оно повторится.

Ю. Энгель.

Русскія Вѣдомости.
18 Февраля 1911 года. № 39.

Вечеръ русскихъ народныхъ пѣсенъ.

М. Е. Пятницкій, съ успѣхомъ устроившій въ прошломъ году два крестьянскихъ концерта, повторилъ теперь свой опытъ, но въ иномъ, еще болѣе удачномъ видѣ. Мѣстомъ демонстраціи явилась теперь зала Литературно-художественнаго Кружка. Декораціи, мѣняющіяся соотвѣтственно циклу исполняемыхъ пѣсенъ („За околицей“, „У колодца“, „Въ избѣ“); самая эта группировка по болѣе или менѣе связаннымъ цикламъ („Пѣсни протяжныя, хороводныя и др.“, „Былины и духовные стихи“, „Пѣсни свадебныя, величальныя, плясовыя“); исполненіе ряда пѣсенъ (въ томъ числѣ всѣхъ свадебныхъ) въ связи съ обрядами, причетами, прибаутками, плясками. Наконецъ, народные костюмы, частью обычные, частью выходящіе уже изъ употребленія и съ трудомъ собранные, — все это, пожалуй, ближе къ сценическому представленію, чѣмъ къ тому, что обычно называется „концертомъ“.....

Это почти живыя картинки быта, въ которыхъ пѣсня предстаетъ передъ слушателемъ не въ оторванномъ отъ дѣйствительности, отвлеченномъ видѣ, а въ связи со всей той реальной художественно-житейской атмосферой, однимъ изъ элементовъ которой она является. Вѣдь настоящая народная пѣсня—всегда „дѣйство“, прямое-ли (рабочія пѣсни, плясовыя), символическое (хороводы, обрядовыя пѣсни), или только душевное (погруженіе въ міръ пѣсенныхъ переживаній). И чѣмъ привычнѣе обстановка, въ которой поютъ деревенскіе пѣвцы, тѣмъ легче имъ войти въ „дѣйство“, даже чувствуя на себѣ взоры чужихъ людей (публики).....

Пѣвцы и пѣвицы, — по крайней мѣрѣ главные, — тѣ же, что и въ прошломъ году (Воронежской, Рязанской, Смоленской губ.). Наиболѣе почетное мѣсто среди нихъ принадлежитъ глубокой старухѣ Аринушкѣ, поющей всегда вмѣстѣ со своими двумя дочерьми. Отъ нихъ г. Пятницкій записалъ рядъ превосходныхъ пѣсенъ, духовныхъ стиховъ и даже вымирающихъ въ Воронежской губерніи былинъ (Объ Ильѣ Муромцѣ, стихъ объ Іосифѣ Прекрасномъ). Любопытно видѣть въ дѣйствіи этотъ живой очагъ старой пѣвческой традиціи. Аринушка стоитъ посрединѣ, обѣ дочери — по сторонамъ, полуобернувшись къ ней; часто, особенно передъ вступленіемъ, старуха вскидывается на нихъ строгимъ, серьезнымъ взглядомъ, онѣ точно отвѣчаютъ; во время пѣнія всѣ мѣрно покачиваются; словомъ, даже и въ самыхъ, казалось бы, бездѣйственныхъ пѣсняхъ чувствуется то особое пѣсенное „дѣйство“. Само-по-себѣ голоса деревенскихъ пѣвицъ менѣе пріятны, чѣмъ у пѣвцовъ, которые и въ смыслѣ оттѣнковъ поютъ тоньше, не такъ крикливо „голосятъ“. Аринушка является, пожалуй, исключеніемъ, но ея жалобный, ровный точно инструментальнаго характера голосъ отъ старости очень ужъ слабъ.

Не стану отмѣчать выдающіяся отдѣльныя пѣсни. Почти всѣ онѣ интересны, если не по музыкѣ, то по исполненію, словамъ или обрядамъ. Даже убого элементарный по мелодіи стихъ о Василіи „Кесаремскомъ“, исполненный двумя слѣпыми женщинами и дѣвочкой-поводыремъ, оказался въ этомъ смыслѣ любопытнымъ. Нѣсколько пѣсенъ спѣто было съ сопровожденіемъ жалейки и и малороссійской „лиры“ („рыле“—обычный инструментъ слѣпцовъ въ Малороссіи). Изъ хороводныхъ пѣсенъ особенно интересна „На горѣ-то калина“, гдѣ повѣсть вольной любви изображена въ лицахъ съ поистинѣ стихійной простотой. Наиболѣе цѣльное впечатлѣніе производитъ картина свадьбы (3-е отдѣленіе). На улицѣ слышно пѣніе дѣвушекъ, невѣста причитаетъ, входитъ женихъ съ родными, его встрѣчаютъ пѣсней, ведутъ къ нему невѣсту, сваха угощаетъ стариковъ все съ новыми шутками и т. д. Кончается дѣло, конечно, плясовыми пѣснями: тутъ и бойкій напѣвъ, и синкопирующія залихватскія вскрикиванія подголосковъ, и всевозможные ритмы притаптываній, и жалейка, и хлопанье въ ладоши, и водоворотъ пляски, — все сливается въ одно живое, кипучее цѣлое, — „дымъ коромысломъ“; больше всего захватываетъ это и публику и подъ конецъ самихъ исполнителей, даже стариковъ.

Съ этнографической точки зрѣнія интересъ вечера, устроеннаго и сегодня повторяемаго г. Пятницкимъ, можно, такимъ образомъ, назвать крупнымъ. Но онъ значителенъ и съ художественной стороны, несмотря на то, что на нашъ, городской взглядъ, исполненіе пѣсенъ далеко не всегда поднимается до высоты ихъ чисто-музыкальныхъ достоинствъ.

Ю. Энгель.

Русскія Вѣдомости.

Воскресенье, 29-го Января 1912 года. № 24.

Пѣсня народа. (Концертъ крестьянъ).

Народная пѣсня!..

Пѣсня безъ композитора.

Потому что создалась она субъективизмомъ не одного человѣка, а цѣлаго народа.

Богъ вѣсть, когда и кто бросилъ звуковое зерно пережитаго страданія или радости, и залегло это зерно на душѣ у цѣлаго народа. Родное, стало-быть, было это зерно народу, и онъ вѣками, мѣняя поколѣніе на поколѣніе, лелѣялъ и взращивалъ свое родное дѣтище. И пѣсня платила народу вѣковой, вѣчной, казалось бы, любовью; пѣсня помогала ему страдать, плакать, молиться, радоваться и умирать.

И пока ярки и жгучи были страданія, пока могуча была любовь, горяча молитва, безудержно веселье и спокойно-торжественна смерть русскаго человѣка,—до тѣхъ поръ и могли создаваться безцѣнныя сокровища старинной русской народной пѣсни, безцѣнной и какъ художественное произведеніе искусства, и какъ неоспоримо правдивый документъ прошлой жизни народа, его національности, его историческихъ перипетій, его горя и надеждъ.

Такъ слагались „Иліада“ и „Одиссея“, собранныя Гомеромъ, родину котораго тщетно оспаривали семь городовъ древней Греціи.

Такъ явилась „Энеида“, собранная Виргиліемъ.

Такъ дошло до насъ и „Слово о полку Игоревѣ“.

Такъ дошли до насъ и тексты русскихъ пѣсенъ, съ удивительнымъ знаніемъ своего дѣла изданные Аѳанасьевымъ, положившимъ вѣчный краеугольный камень для будущихъ собирателей пѣсни.

Но музыка, мелодіи, на которыя распѣвались дошедшія изъ глубины вѣковъ слова, почти не сохранились. Предъ нами только мумія пѣсни, ея слова, ея смыслъ, ея форма, но душа улетѣла.

Между тѣмъ, мелодіи гораздо болѣе свойственно заключать въ своихъ звукахъ синтезъ народной души, ея національности, ея племенныхъ особенностей.

Значеніе непреложнаго документа народной пѣсни столь велико, что еще недавно къ помощи ея долженъ былъ прибѣгнуть министръ внутреннихъ дѣлъ А. А. Макаровъ, желая провести въ Государственной Думѣ законъ о выдѣленіи Холмщины, имѣя въ виду защиту „искони русскаго населенія зарубежья отъ польскаго засилья“.

Приведя рядъ цитатъ изъ древнѣйшихъ лѣтописей и историческихъ сочиненій, напомнивъ объ ученыхъ изысканіяхъ ряда ученыхъ и сославшись на труды Императорскаго русскаго географическаго общества, министръ подчеркнулъ появившееся въ 80-хъ годахъ минувшаго вѣка изслѣдованіе быта крестьянъ Холмской и Подляшской Руси по народнымъ пѣснямъ, въ основаніе какового изслѣдованія положены 130 пѣсенъ, записанныхъ въ Люблинской и Сѣдлецкой губерніяхъ.

Z 9408

— „Прочтите эти пѣсни — говорилъ министръ, — и не нужно быть языковѣдомъ, чтобы сказать, что онѣ написаны на русскомъ, а не на польскомъ языкѣ. Противники наши съ этимъ выводомъ не согласны и говорятъ, что это смѣшанный польско-русскій говоръ, не находя для него другого названія, какъ „простой языкъ“. Быть-можетъ, это названіе получено на мѣстѣ; тогда оно вполнѣ понятно: простой языкъ — языкъ не панскій, значитъ, русскій языкъ, а не польскій“.

Но для насъ, музыкантовъ-спеціалистовъ, кажется совершенно непонятнымъ совѣтъ г. министра только прочесть пѣсни Холмщины. Не только прочесть ихъ надо, но и слышать въ пѣніи, не отрывая текстъ отъ музыки, потому что текстъ можетъ измѣняться, но сама мелодія, вылившись изъ народной души, почти неизмѣнна и, будучи мало-мальски грамотно записана, понесетъ съ собой черезъ вѣка будущимъ поколѣніямъ яркое отраженіе своей національности, своего племени. Въ опредѣленіи народности музыка неоспоримо доказательнѣе текста, и ухо, привыкшее разбирать свое отъ чужого, сразу и безошибочно подскажетъ, билось ли у исконныхъ обитателей Зарубежья русское или польское сердце.

Я намѣренно остановился на этомъ вопросѣ, потому что, къ несчастью, громадное большинство записывателей русской народной пѣсни или собирали только текстъ, или же спеціально „голую мелодію“, не понимая что они отрываютъ душу отъ тѣла.

Тѣмъ болѣе цѣнно, когда теперь уже нѣсколько лѣтъ на дѣло тщательнаго научно-безстрастнаго и точнаго собиранія нашего фольклора, — народнаго сокровища, — русской народной пѣсни обращено серьезное вниманіе.

Вѣчный памятникъ поставили себѣ покойный собиратель русской пѣсни Ю. Мельгуновъ, положившій правильное начало теоретическаго ея изученія, и прямая его наслѣдница г-жа Линева-Паприцъ, великолѣпно изложенные труды которой изданы академіей наукъ. Вслѣдъ за ними нельзя не упомянуть и г. Аракчіева, собравшаго массу пѣсенъ инородческихъ племенъ Кавказа. Затѣмъ слѣдуютъ многія имена лицъ, и понынѣ состоящихъ членами музыкальной комиссіи при этнографическомъ обществѣ.

Къ числу послѣднихъ принадлежитъ и Митрофанъ Ефимовичъ Пятницкій, положившій долгіе годы на то, чтобы не только записать и издать пѣсни, но и привести цѣликомъ поющую деревню въ столицу и дать возможность оторванному отъ природы городскому интеллигенту осязательно вкусить во всей полнотѣ впечатлѣніе отъ живой народной пѣсни.

Задача была не легкая, но предоставимъ ему самому высказаться по этому поводу:

„Народная пѣсня, эта художественная лѣтопись народной жизни, къ глубокому сожалѣнію, вымираетъ съ каждымъ днемъ. Ее вытѣснила крикливая, развязная частушка. Деревня начинаетъ забывать свои прекрасныя пѣсни. А чтобы понять, какая красота уходитъ изъ жизни съ деревенской пѣсней, надо побывать въ нашихъ „медвѣжьихъ углахъ“ и послушать ее, эту пѣсню.

„Народная пѣсня исчезаетъ и ее надо спасать“.

Вотъ подлинныя слова человѣка, отдавшаго нѣсколько лѣтъ жизни собиранію пѣсни и теперь привезшаго въ Москву „деревню“, набранную изъ крестьянъ Воронежской, Рязанской и Смоленской губерній, дабы мы, современники, могли лично, непосредственно прослушать „послѣднихъ могиканъ“, на творчествѣ которыхъ еще не отразились гармошка и фабричная „частушка“.

И что страшнѣе всего, это — ясное ощущеніе прочнаго семейнаго быта, которымъ проникнуты всѣ старыя пѣсни медвѣжьихъ угловъ Россіи, — быта, умирающаго вмѣстѣ со старой русской пѣсней, постепенно забиваемой шато-кабацкимъ, забулдыжнымъ и хулиганскимъ „репертуаромъ“ г-жъ Вяльцевыхъ, Плевицкихъ, Ртищевыхъ и имя же имъ легіонъ. И только кабацкой разнузданностью, дешовой похотью и полной разрухой семейнаго быта разитъ отъ этого фабричнаго производства пѣсни.

Да, вѣдь, все это, въ сущности, просто и не можетъ иначе быть.

Чѣмъ вдохновляться!?

Если вмѣсто яснаго, звѣзднаго неба — прокопченный потолокъ съ трепетными тѣнями приводныхъ ремней, если вмѣсто золотой нивы — ряды ткацкихъ и прядильныхъ станковъ, если вмѣсто солнца и луны — наполовину перегорѣвшая электрическая лампочка, если вмѣсто живой струи чистаго воздуха — смрадъ пара и масла?!

Если, наконецъ, некогда даже горю своему отдаться, чтобы излить его въ звукахъ, и когда, наконецъ, приходитъ рѣдкій и короткій часъ отдыха, то является уже ничѣмъ непреоборимая потребность тѣла отдаться пьяному разгулу!?

Дала ли намъ фабрика грустную элегическую пѣсню? Дала ли хотя бы какую-нибудь, приближающуюся къ пѣснямъ обрядовымъ или величальнымъ? Поетъ ли она духовные стихи?..

Не дала, потому что она разложила семейный бытъ, а вмѣстѣ съ нимъ умерла и старая художественная пѣсня.

Дала она только „частушку“.

Т.-е. безконечно-пошлую музыку съ еще болѣе пошлыми словами, въ которыхъ вы не найдете и тѣни духовной жизни человѣка, а только одно тѣло, которое словно превратилось въ часть той же машины, за которой оно работаетъ.

Громадная заслуга М. Е. Пятницкаго именно въ томъ, что онъ привезъ поющую деревню изъ медвѣжьихъ угловъ сюда, въ сердце Россіи, оторванное отъ этихъ угловъ.

Пѣсни поются удивительно стройно и хорошо.

Такъ поютъ именно для себя, въ силу накопившейся въ груди потребности пѣть.

Большинство пѣсенъ огромной программы очень старинныя по происхожденію.

Вся программа раздѣлена на три отдѣленія.

Въ 1-мъ,—„Вечеръ за околицей“,—поются пѣсни протяжныя и хороводныя. Особенно интересны первыя, о которыхъ М. Е. Пятницкій говоритъ:

— Я, живя въ деревнѣ, замѣтилъ, что особенно хорошо выходитъ у крестьянина пѣсня, когда онъ поетъ ее, сидя около избы на завалинкѣ, когда онъ даже не поетъ, а „мурлычетъ“ про себя „пѣсню“.

2-е отдѣленіе,—„Праздничный день послѣ обѣдни“,—посвящено духовнымъ стихамъ. Тутъ особенно хороша старушка, 70-лѣтняя Аринушка, съ двумя дочерьми. Ихъ исполненіе образцово-стильно и безукоризненно въ музыкальномъ отношеніи.

Наконецъ, 3-е отдѣленіе предполагается исполняемымъ во внутренности избы, гдѣ происходитъ свадебный обрядъ (сговоръ). Большинство вошедшихъ сюда пѣсенъ обрядовыхъ и величальныхъ, собрано въ Воронежской губерніи.

Всѣхъ исполнителей изъ трехъ губерній около 30-ти человѣкъ, мужчинъ и женщинъ.

Женщины одѣты въ подлинные старинные костюмы своихъ родныхъ губерній.

Пѣвцы имѣли большой успѣхъ; отъ нихъ дѣйствительно, повѣяло широкимъ русскимъ просторомъ степей.

Предполагаютъ устроить концертъ въ концѣ Масленой недѣли гдѣ-либо въ большомъ помѣщеніи. Будетъ рѣшительно жаль, если что-либо помѣшаетъ этому намѣренію.

Юрій Сахновскій.

Русское Слово.

Воскресенье, 24-го Января 1912 г. № 24.

Народное творчество.

Годъ за годомъ замираетъ народное художественное творчество. У насъ были великіе зодчіе-мужики, мужики-художники, мужики-ювелиры. Ихъ искусство замерло давно уже и не воскреснетъ. Теперь вымираетъ послѣдняя, наболѣе живучая отрасль народнаго творчества — настоящая русская пѣсня, гонимая частушками и „жанромъ г-жи Плевицкой".

Остановить этотъ процессъ умиранія, конечно, невозможно. Но необходимо собрать и записать какъ можно больше такъ называемыхъ „старинныхъ" мотивовъ и напѣвовъ. Много сдѣлано уже въ этой области, но многое предстоитъ еще сдѣлать.

Музыкально-этнографическая комиссія общества любителей естествознанія, немало потрудившаяся въ этой области, празднуетъ сегодня десятилѣтіе своего существованія торжественнымъ засѣданіемъ.

На этомъ засѣданіи выступитъ, между прочимъ, съ своимъ докладомъ скромный, но настойчивый собиратель старинныхъ пѣсенныхъ напѣвовъ М. Е. Пятницкій, почти ежегодно совершающій поѣздки по Россіи съ цѣлью фонографической записи пѣсенъ.

Намъ удалось ознакомиться съ нѣкоторыми изъ записей текущаго года, сдѣланными въ Воронежской губ. Даже въ несовершенной передачѣ фонографа нѣкоторыя пѣсни производятъ прямо поразительное впечатлѣніе своею оригинальностью, своею чисто эпическою красотой мелодіи. Просто жаль становится, что эти пѣсни останутся, въ концѣ-концовъ, въ тѣсномъ кругу спеціалистовъ-музыкантовъ или этнографовъ.

Но такова ужъ судьба настоящей народной пѣсни. Немногіе любители собираютъ напѣвы, составляютъ, какъ г. Пятницкій, цѣлыя „библіотеки" изъ фонографическихъ валиковъ, изрѣдка устраиваютъ музыкально-этнографическіе концерты, но и только. Для широкой публики эти пѣсни остаются недоступными. Даже на граммофонныя пластинки онѣ попадаютъ какъ исключеніе, уступая первое мѣсто „творчеству" г-жъ Плевицкихъ, Комаровыхъ и т. п.

Нѣтъ организаціи, которая могла бы дать, не стѣсняясь, средства на широкую постановку дѣла записи пѣсенъ, на выписку изъ глухихъ деревень настоящихъ исполнителей, устройство концертовъ, музыкальныхъ вечеровъ. Изрѣдка устраиваются такіе концерты, но до постоянной, хорошо организованной работы въ этомъ направленіи мы еще не дожили. Нѣтъ меценатовъ, нѣтъ Третьяковыхъ, которые захотѣли бы помочь этому дѣлу — записи и распространенію окончательно вымирающаго народно-музыкальнаго творчества. Нѣтъ еще у насъ „дома старинной русской пѣсни".

В. Никольскій.

Русское Слово.

8-го Ноября 1911 г. № 231.

Русская пѣсня.

Во вторникъ, 28-го января, въ этнографическомъ отдѣлѣ Императорскаго Общества Любителей Естествознанія состоялось публичное засѣданіе Музыкальной секціи отдѣла.

Е. Э. Линевой былъ сдѣланъ интересный докладъ о ея поѣздкѣ въ Крайну (Австрія).

Съ помощью фонографа былъ продемонстрированъ цѣлый рядъ пѣсенъ, записанныхъ въ Бледѣ, Рѣчицѣ и Польщицѣ.

Кобзаремъ Шевченко были исполнены подъ аккомпаниментъ малороссійской „лиры“ малорусскія пѣсни и пѣсни черноморскихъ казаковъ.

При участіи пѣвцовъ-любителей были исполнены терцетомъ два духовныхъ стиха русскаго народнаго творчества.

Но особый, исключительный интересъ представили русскіе пѣсни, записанныя М. Е. Пятницкимъ въ Воронежской губ.

Нужно привѣтствовать какъ самый трудъ записыванія этихъ чудныхъ образцовъ народнаго творчества, такъ и мысль дать передъ аудиторіей настоящій „Ансамбль русской народной пѣсни“.

Публикѣ, принимающей зачастую Гурилевскій романсъ за настоящую русскую пѣсню, полезно было бы послушать, сколько красоты, глубокаго чувства и истиннаго вдохновенія содержится въ простой, безыскусственной, „настоящей“ русской пѣснѣ.

Большинство русскихъ пѣсенъ—грустныя пѣсни. То дѣвушка изливаетъ тоску своей души, рвущейся къ счастью: „Ахъ, не въ радость весна пришла“; то русская женщина плачетъ по лучшей долѣ: „Кому радость, кому горе, а мнѣ—одна грусть, тоска. Прошла да моя младость. Ахъ, да прокатили всѣ мои года“.

Прелестна обрядовая пѣсня, распѣваемая дѣвушками Воронежской губерніи, во время шитья приданаго.

Эта пѣсня—„Тушите лучинушку“—звучитъ такой глубокой грустью, такой безысходной тоской, что отдается болѣзненнымъ стономъ въ душѣ каждаго.

Не лишена какого-то оттѣнка грусти, даже и плясовая: „Хорошенькій молоденькій“.

Была исполнена пѣснь и чисто-эпическаго, былиннаго содержанія: „Пѣснь объ Ильѣ Муромцѣ“, записанная съ голоса памятной москвичамъ по крестьянскимъ концертамъ старухи Аринушки.

Исполненіе этихъ русскихъ пѣсенъ гг. артистами и любителями, отказавшимися отъ „опернаго“ пѣнія и тривіальныхъ нюансировокъ, не оставляло желать лучшаго. Духъ народной пѣсни былъ схваченъ, понятъ и вѣрно переданъ. Исполненіе имѣло огромный успѣхъ у публики, переполнившей большую аудиторію Политехническаго музея. Какъ-то странно было видѣть почти полное отсутствіе представителей музыкальнаго міра. И мнѣ хочется сказать о русской пѣснѣ, вообще, пренебрегаемой русскими композиторами и учеными теоретиками.

Давно замѣчено, что пѣсни лирическаго содержанія сравнительно быстро забываются народомъ, но пѣсни эпическія и обрядовыя крайне живучи. Но у насъ есть образчики и русской народной лирики, сохранившіеся въ чистомъ видѣ.

Русская пѣснь—по преимуществу протяжная, грустная. Югъ Россіи, больше страдавшій отъ вторженій дикихъ ордъ половцовъ, татаръ, больше страдавшій и отъ междоусобной брани, далъ больше и грусти въ своей пѣснѣ.

Чѣмъ болѣе въ глубь и на сѣверъ Россіи, тѣмъ больше свѣта въ пѣснѣ русскаго крестьянина. Лучшія русскія пѣсни мы находимъ на сѣверѣ Россіи, гдѣ музыкально-поэтическое творчество народа развивалось самостоятельно, безъ посторонняго вліянія. Югъ былъ въ менѣе благопріятныхъ усло-

віяхъ. Вліяніе Запада отразилось, напримѣръ, на малороссійской пѣснѣ, носящей на себѣ слѣды нѣкоторой искусственности, западно-европейской „культурности“.

Не такова настоящая старая русская пѣсня, поражающая и своей глубиной и своей самобытностью, оригинальностью.

Но широкой публикѣ мало извѣстны эти пѣсни. Подъ именемъ русской пѣсни подносится ей съ эстрады пошлая пѣснь фабричнаго производства,—продуктъ недавняго времени, жалкая поддѣлка подъ могучій народный русскій духъ.

И, аплодируя исполнительницамъ „русскихъ народныхъ пѣсенъ“, толпа зачастую не подозрѣваетъ, что есть другая, вымирающая, „настоящая“ народная пѣсня, пѣсня, вытѣсняемая безшабашной, разудалой фабричной пѣсней, но распѣваемая еще въ медвѣжьихъ уголкахъ необъятной Россіи.

И нѣсколько десятковъ фанатиковъ своего дѣла ѣздятъ по этимъ медвѣжьимъ угламъ, записываютъ пѣсни съ помощью фонографа, перекладываютъ на ноты и стараются пробудить въ русскомъ обществѣ интересъ къ родной старинѣ музыкальнаго творчества.

И музыкальныхъ теоретиковъ ожидаетъ работа огромной важности: научное изслѣдованіе русской пѣсни. Ясно, напримѣръ, что общіе законы аккордоваго сопровожденія (гармонія), выведенные эмпирическимъ путемъ изъ сочиненій западно-европейскихъ композиторовъ, мало примѣнимы при гармонизаціи русской народной пѣсни. Нужно найти эти новые законы, сумѣть ихъ вывести, показать ихъ и объяснить съ помощью уже существующихъ теоретическихъ терминовъ и понятій.

Это—работа теоретика.

Вопросъ огромной важности и имѣющій колоссальную будущность, а между тѣмъ, нѣтъ ни одного сочиненія по этому вопросу.

„Искатели новыхъ формъ музыкальнаго творчества“ забрели въ тупикъ, запутались въ хитрыхъ комбинаціяхъ хроматическихъ модуляцій, энгармоническихъ замѣнъ, гармоніи на тоновой гаммѣ и проч.

Но они слѣпо не видятъ, что есть новая оригинальная область, открывающая огромныя перспективы,—русская пѣсня. Здѣсь могутъ быть найдены новые законы гармоніи, дано новое направленіе искусству, здѣсь—новый источникъ вдохновеній...

И слишкомъ мало еще пройдено по этому пути сравнительно съ тѣмъ, что остается сдѣлать.

Остается пожалѣть, что русскія консерваторіи не ввели у себя до сихъ поръ особой каѳедры изученія русской пѣсни. Ученые теоретики мало интересуются ею. Современные русскіе композиторы въ большинствѣ случаевъ лишь „снисходятъ“ до нея.

Бѣдная, забытая—старая русская пѣсня.

Викторъ Ивановскій.

НОВЬ.

Пятница, 31 января 1914 г. № 15.

По поводу крестьянскихъ концертовъ.

Получая еще на школьной скамьѣ нѣкоторое, хотя и смутное представленіе о народной поэзіи, знакомясь кое-гдѣ на выставкахъ кустарнаго производства съ народной фантазіей въ области другихъ искусствъ (орнаментъ, утварь и проч.), наконецъ, имѣя предъ собой кое-гдѣ образцы народнаго строительства въ видѣ храмовъ, иногда въ видѣ поддѣлокъ подъ національный вкусъ, — въ области народной музыки наше общество, наша „интеллигенція“, увы, довольствуется смакованьемъ репертуара разныхъ Плевицкихъ, Каринскихъ или просто цыганщиной, гдѣ съ забавнымъ апломбомъ отмѣчаетъ „старинныя пѣсни“... Въ лучшемъ случаѣ наша публика имѣетъ возможность изрѣдка слышать исконныя народныя мелодіи кое-гдѣ въ нашихъ русскихъ операхъ и оркестровыхъ пьесахъ, но въ обдѣлкѣ, гармонизаціяхъ (за исключеніемъ хора поселянъ въ послѣднемъ актѣ „Игоря“), мало имѣющими общаго съ народной манерой сопровожденія.

Конечно, велика заслуга нашихъ корифеевъ въ этой области; геніальное чутье, если можно такъ выразиться, Глинки, Балакирева, Бородина, Римскаго-Корсакова, частью Чайковскаго, а особенно Мусоргскаго,—раскрыло намъ кое-что изъ народной музыкальной души, но обыкновенно это — только отдѣльныя щепотки, горсточки, тотчасъ-же засыпаемыя цѣлыми кучами обычнаго или даже необычнаго музыкальнаго европеизма. Въ томъ-то вся и суть, что мелодія, напѣвъ — общеевропейскіе, — конечно, отлично связываются и съ обычной музыкальной отдѣлкой; народныя же русскія исконныя пѣсни, которыя ухо привыкло слышать въ той же обдѣлкѣ, становятся почти неузнаваемыми при исполненіи ихъ народными пѣвцами, артистами; они не такъ располагаютъ голоса, даютъ совсѣмъ другіе аккорды, у нихъ есть свои излюбленные повороты, свои окончанія, зачастую поражающія необычностью и удивительною свѣжестью и непосредственностью. И вовсе не надо быть спеціалистомъ-музыкантомъ, чтобы замѣтить эти особенности, отсутствующія въ обычно слышимой нами музыкѣ „культурной“. И эти никому невѣдомые Николаи Ивановичи, Аринушки, Прасковьи Ѳедоровны зачастую такъ владѣютъ своимъ искусствомъ въ его цѣломъ (мелодія, гармонія, контрапунктъ, музыкальная экспрессія), что намъ трудно понять, какъ, занимаясь этимъ искусствомъ между дѣломъ, можно такъ артистично его передавать слушателямъ, при томъ въ совершенно необычной для исполнителей обстановкѣ. И всѣ эти особенности, этотъ артистизмъ вполнѣ естественно проявляются съ большей яркостью у жителей наиболѣе отдаленныхъ отъ „культурныхъ центровъ“, отъ фабричныхъ районовъ и прочихъ очаговъ „цивилизаціи“...

Но, хотя въ записяхъ пѣсенъ изъ такихъ глухихъ, отдаленныхъ мѣстъ находится несравненно больше яркихъ по музыкальной оригинальности образцовъ (наприм., у Листопадова, Григорьева-Тезавровскаго, Пальчикова, Линевой, Маркова-Маслова и др.) сравнительно съ пѣснями центральныхъ губерній, исполненныхъ въ Литературно-Художественномъ Кружкѣ, но все же крестьянскіе концерты, устроенные М. Е. Пятницкимъ, представляли въ этомъ отношеніи высокій музыкальный интересъ для нашей публики, давая возможность непосредственно слышать подлинные образцы народнаго музыкальнаго исполненія, съ его характерными тембрами голосовъ, своеобразнымъ музыкальнымъ орнаментомъ, дающіе впечатлѣніе особенной свѣжести и новизны даже для нашихъ, привыкшихъ ко всему ушей... По слухамъ, въ воскресенье, 5-го февраля, днемъ, этотъ концертъ будетъ повторенъ въ Консерваторіи, что дастъ возможность музыкальной Москвѣ лишній разъ провѣрить свою музыкальную разборчивость...

Л. Кастальскій.

„Музыка“.

4-го Февраля 1912 года. № 62.

Крестьянскій концертъ.

Собирателю народныхъ пѣсенъ М. Е. Пятницкому пришла на мысль оригинальная идея — познакомить широкую публику Москвы съ народной пѣсней, такъ сказать, въ подлинномъ ея видѣ, въ исполненіи самихъ крестьянъ и съ воспроизведеніемъ деревенской обстановки, среди которой бытуетъ народное музыкальное творчество. Съ этой цѣлью онъ пригласилъ въ Москву до 30 человѣкъ крестьянъ Воронежской, Рязанской и Смоленской губерній, которые и выступили публично четыре раза (генеральная репетиція и концерты 27 и 29 января въ Литературно-Художественномъ Кружкѣ и 5 февраля отъ имени Имп. Русск. Муз. О-ва въ Большомъ залѣ Консерваторіи).

Концертъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій съ соотвѣтствующими декораціями: 1-е „За околицей“ (бытовыя, лирическія и хороводныя пѣсни), 2-е „Въ праздникъ послѣ обѣдни“ (стихи духовнаго характера) и 3-е „Сговоръ“ (передъ свадьбой), гдѣ воспроизводились уже не только пѣсни, а вся сцена обряда цѣликомъ. Большинство крестьянъ-исполнителей обладаетъ порядочными голосовыми средствами и умѣньемъ пѣть. Въ числѣ участвующихъ находилась и 70-лѣтняя старуха Аринушка, о которой г. Пятницкій еще раньше сообщалъ въ докладѣ Муз.-Этногр. комиссіи, какъ о замѣчательной пѣвицѣ. Аринушка, дѣйствительно, прекрасно владѣетъ голосомъ и выразительно поетъ, сохраняя въ памяти громадный запасъ пѣсенъ. Всѣ пѣвцы, повидимому, освоились съ непривычной обстановкой, держатся просто, поютъ „какъ дома“ и замѣчательно стройно, несмотря на то, что нѣкоторыя пѣсни имъ пришлось спѣться уже въ Москвѣ, какъ, напр., „горы“ и „чтой-то звонъ“....

Не говоря уже о томъ, что весь концертъ въ цѣломъ представлялъ громадный интересъ съ этнографической стороны, многія пѣсни цѣнны и въ эстетическомъ отношеніи. Концертъ, кромѣ того, воочію показалъ публикѣ, что народная пѣсня еще не вымерла и даетъ много матеріала для разработки. Съ другой стороны, ясно, что и въ публикѣ есть интересъ къ народному творчеству. На всѣхъ концертахъ слушателей было очень много, и исполнители встрѣчали горячій пріемъ.

Желательно было бы устройство такихъ концертовъ и впредь. Интереснѣе былъ-бы цѣлый циклъ ихъ, гдѣ послѣдовательно выступали бы крестьяне разныхъ областей въ своихъ старинныхъ костюмахъ, какъ это было и въ нынѣшнихъ концертахъ М. Е. Пятницкаго.

„Музыка и Жизнь“.

Февраля 1912 года. № 2.

Крестьянскіе концерты въ Москвѣ.

(Бесѣда съ М. Е. Пятницкимъ).

27 и 29 января въ Литературно-художественномъ кружкѣ состоятся два концерта крестьянъ Воронежской, Рязанской и Смоленской губерній.

Организаторъ концерта—извѣстный собиратель русской народной пѣсни, членъ музыкально-этнографической комиссіи при московскомъ обществѣ естествознанія, антропологіи и этнографіи,—М. Е. Пятницкій.

Съ М. Е. Пятницкимъ мы и бесѣдовали по поводу этихъ крестьянскихъ концертовъ.

—Я высоко цѣню русскую народную пѣсню, и самъ я тоже пѣвецъ, учился у проф. Эверарди, —сказалъ намъ г. Пятницкій. —Я выросъ въ деревнѣ и къ народной пѣснѣ началъ чутко прислушиваться съ дѣтства. Народная пѣсня,—эта художественная лѣтопись народной жизни, къ глубокому сожалѣнію, вымираетъ съ каждымъ днемъ. Ее вытѣснила крикливая, развязная фабричная „частушка“. Деревня начинаетъ забывать свои прекрасныя пѣсни. А чтобы понять, какая красота уходитъ изъ жизни съ деревенской пѣсней, надо побывать въ нашихъ деревенскихъ „медвѣжьихъ углахъ“ и послушать ее, эту пѣсню. Народная пѣсня исчезаетъ, и ее надо спасать. А въ этомъ направленіи у насъ пока дѣлается очень мало.

Дѣломъ собиранія и записыванія народной пѣсни я занимаюсь уже около 10 лѣтъ. Воронежская губернія четверть вѣка тому назадъ представляла изъ себя богатое поле дѣятельности для музыканта-этнографа. А въ 1904 году мнѣ удалось записать только 12 пѣсенъ этого типа, изданныхъ мною въ отдѣльномъ сборникѣ. Когда я просилъ тогда деревенскихъ пѣвцовъ спѣть мнѣ духовные стихи о Прекрасномъ Іосифѣ и Егоріи Храбромъ или какую-нибудь былину, мнѣ отвѣчали: „не знаемъ такихъ“.

—Какъ вы записывали эти пѣсни?

—Сначала записывалъ на слухъ и все больше въ своей родной Воронежской губерніи, въ Бобровскомъ и Воронежскомъ уѣздахъ. Но лѣтомъ 1910 года записывалъ фонографомъ на валикъ, а уже съ валика перекладывалъ на ноты. Громадную услугу оказала мнѣ 70-лѣтняя старушка Аринушка, которая, не смотря на свои преклонные годы, великолѣпно передаетъ народныя пѣсни и знаетъ много былинъ. У нея есть двѣ дочери, которыя унаслѣдовали талантъ матери. Эта самая „Аринушка“ участвуетъ и въ теперешнихъ моихъ концертахъ вмѣстѣ съ другими тридцатью крестьянами и крестьянками. Я и сейчасъ не могу позабыть, какъ крестьянскія женщины и дѣвушки собираясь пѣть передъ моимъ фонографомъ, даже одѣвались для этого случая „по-праздничному“.

—А вы все-таки репетируете эти пѣсни съ вашими крестьянами? Дѣлаете имъ указанія? Достигаете извѣстной стройности исполненія?

—Ничего подобнаго. Въ томъ-то и вся прелесть народной пѣсни, что пѣвцы исполняютъ ее, „какъ умѣютъ“. Я дѣлаю имъ только два указанія: потише и погромче. Я ихъ только объ одномъ прошу: „пойте, какъ у себя на завалинкѣ и въ хороводахъ поете“. Я, живя въ деревнѣ, замѣтилъ, что особенно хорошо выходитъ у крестьянина пѣсня, когда онъ поетъ ее, сидя около избы на завалинкѣ, когда онъ даже не поетъ, а „мурлычетъ про себя“ пѣсню.

Въ заключеніе г. Пятницкій познакомилъ насъ съ одной изъ пѣсенъ, которая будетъ исполняться въ его концертахъ. Эта пѣсня о „Горахъ Воробьевскихъ“, о которыхъ и въ далекую деревню дошла молва. Ввиду оригинальности, приводимъ эту пѣсню цѣликомъ.

Ужъ вы горы, вы мои,
Горы Воробье... Воробьевскія,
Воробьевскія.
Ээх-ой-да, ну, чево-же вы горы,
Горы вы, вы спаро... вы спародили,
Вы спародили.
Ээх-ой-да спародили вы, горы,
Одинъ бѣлъ-бѣлъ горючъ... бѣл-горючъ камень,
Бѣлъ-горючъ камень.
Ээх-ой-да изъ подъ камушка течетъ,
Течетъ рѣчка бы... рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая.
Ээх-ой-да какъ на этой на рѣчкѣ
Стоитъ кустъ раки... кустъ ракитывай,
Кустъ ракитывай.
Ээх-ой-да какъ на этомъ на кустѣ
Сидитъ младъ сизой... младъ орелъ,
Младъ сизой орелъ.
Ээх-ой-да онъ держалъ-та вы когтяхъ,
Держалъ чернаго... чернаго ворона,
Э-э-чернаго ворона.

Крестьяне-пѣвцы выступаютъ въ подлинныхъ костюмахъ своихъ губерній и при соотвѣтствующихъ декораціяхъ. Такъ, первое отдѣленіе изображаетъ „Вечеръ за околицей“, второе отдѣленіе называется „Праздничный день послѣ обѣдни“ и состоитъ сплошь изъ духовныхъ стиховъ. Между прочимъ, „Стихъ о Василіи Кесарійскомъ“ исполнятъ крестьяне Калужской губерніи,— слѣпцы. Третье отдѣленіе представляетъ изъ себя свадебный обрядъ въ избѣ Воронежской губерніи; пѣсни величальныя и обрядовыя.

В. М.

Московскій Листокъ.
26-го Января 1911 г. № 24.

Юбилейныя торжества въ память Н. И. Костомарова

(въ гор. Воронежѣ).

28-го марта, вечеромъ состоялся въ залѣ Дворянскаго Благороднаго Собранія рѣдкій по своей оригинальности, захватывающему интересу и соотвѣтствію съ моментомъ — этнографическій концертъ*) въ память Костомарова. Чѣмъ-же, какъ не народной пѣсней и музыкой, можно было болѣе всего воскресить память о великомъ собирателѣ и и знатокѣ народной поэзіи.

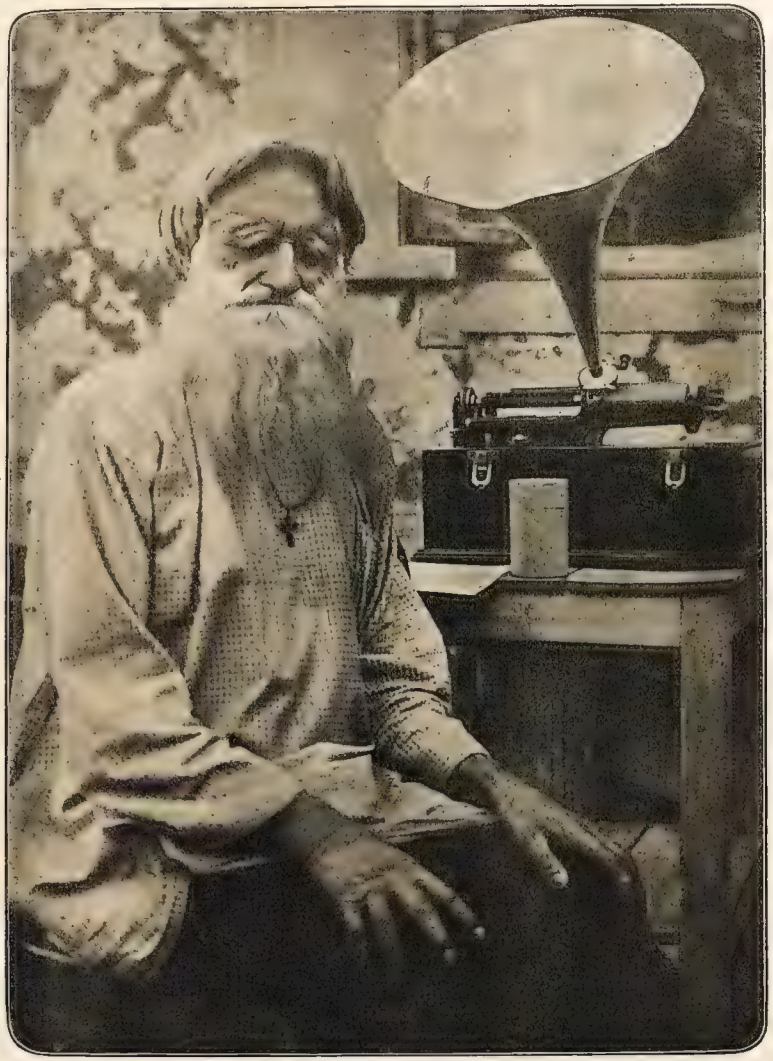
Исполненіе народныхъ пѣсенъ, былинъ и сказаній заставили присутствовавшую публику, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ испытать на себѣ всю силу могучаго очарованія произведеній народнаго творчества и оторваться отъ тяжелой современности. Народныя пѣсни, сказанія и былины, артистически исполненныя подъ аккомпаниментъ лиры, бандуры, производили неотразимое впечатлѣніе на присутствовавшихъ. Отъ нихъ вѣяло простотою, искренностью, задушевностью и вмѣстѣ съ тѣмъ величіемъ и той могучей силой, которая способна слабаго ребенка, хоть на одно мгновенье, превратить въ богатыря.

Красота и мощность народной музыки и поэзіи для большинства присутствовавшихъ была такимъ-же неожиданнымъ откровеніемъ, какимъ явились въ свое время лекціи и сочиненія Костомарова, представлявшія собой дивные образцы живой, художественной обработки сырого историческаго матеріала. Мы не можемъ не привести здѣсь программы этого въ высшей степени интереснаго концерта. Онъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: 1-е отдѣленіе — былинные напѣвы, 2-е — великорусскія пѣсни и 3-е — пѣсни малороссійскія. Былины: про Князя Владиміра, записи Тертія Ив. Филиппова, про „Добрыню Никитича“ записано на Бѣломъ морѣ А. В. Марковымъ, „Кастрюкъ“ и „Гришка Отрепьевъ“, историческія пѣсни, записи Дютша въ гармонизаціи В. В. Пасхалова.

Большая часть великорусскихъ пѣсенъ наши, Воронежскія и записаны самимъ исполнителемъ М. Е. Пятницкимъ въ Бобровскомъ уѣздѣ, таковы: „Вѣтры-вѣтерочки“, „Отчаго-то этотъ, вотъ, каминь зарождается“, „Ужъ ты волюшка“, и много другихъ. Малороссійскія пѣсни исполнялъ, аккомпанируя себѣ на лирѣ и бандурѣ — В. К. Шевченко. Изъ нихъ лучшія: „Дума Морозенко“, „Про трехъ братіевъ Азовьскихъ“ записаны Н. И. Костомаровымъ въ Волынской губ.

Историческій Вѣстникъ.
Іюль 1911 г.

*) Участвовали въ концертѣ: М. Е. Пятницкій (Членъ музыкально-этнографической комиссіи при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Московскомъ Обществѣ Любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи), В. К. Шевченко и П. М. Меншиковъ.



„Иванычъ“

крестьянинъ Воронежской губ., слушающій напѣтыя имъ въ фонографъ пѣсни.

„Аринушка“

крестьянка Воронежской губ., выступавшая въ крестьянскихъ концертахъ.

„АРИНУШКА“.

Умерла „Аринушка“.

Извѣстная всей Москвѣ неподражаемая исполнительница крестьянскихъ пѣсенъ, послѣдніе три года выступавшая въ концертахъ М. Е. Пятницкаго.

„Аринушку“, 74-лѣтнюю старушку, одну изъ послѣднихъ носительницъ „преданій старины“, знаютъ лучшіе музыкальные критики Россіи.

Простой крестьянкѣ, уроженкѣ Воронежской губерніи, Бобровскаго уѣзда, Аринѣ Колобаевой, посвящали въ свое время огромныя статьи.

Спеціально записывали ея былины про Илью Муромца, духовныя пѣсни, историческія — петровской эпохи и 1812 года.

„Аринушка“ передавала всѣ эти пѣсни въ удивительныхъ варіаціяхъ, съ музыкальностью, которой могли бы позавидовать всѣ „знаменитыя“ исполнительницы крестьянскихъ пѣсенъ.

Интересно, что всѣ крестьянскіе концерты послѣднихъ лѣтъ были, можно сказать, построены на „Аринушкѣ“.

М. Е. Пятницкій увидѣлъ гдѣ-то въ деревнѣ „Аринушку“, послушалъ ея пѣсни и для нея составилъ хоръ изъ 30 человѣкъ, который разнесъ старинныя пѣсни крестьянъ по Руси.

„Аринушка“ еще недавно выступала въ Москвѣ.

Послѣ концертовъ поѣхала въ свою родную деревню и тамъ... умерла.

Трогательно описываетъ одинъ изъ друзей „Аринушки“, какъ она умирала:

Умирать не хотѣлось. Старушка жаловалась, что хочется еще „попѣть“. Но, видно, суждено было иначе. Сейчасъ „Аринушка“ лежитъ въ гробу, а выступавшія вмѣстѣ съ ней въ Москвѣ ея двѣ дочери „причитываютъ“ надъ ея гробомъ...

„Причитываютъ“ тѣми самыми старинными крестьянскими „причитаніями“, съ которыми онѣ вмѣстѣ съ матерью выступали на московскихъ концертахъ...

„Аринушка“ умерла, но пѣсни ея записаны.

Найдется ли только исполнительница, которая сможетъ передать духъ русской старины съ такой правдивостью, музыкальностью и грустью, съ какой передавала ихъ „Аринушка“?!..

Л. Ярдавъ.

Раннее Утро.

Воскресенье, 27-го Апрѣля 1914 г. № 97.

* * *

Скончалась Арина Колобаева.

Простая русская крестьянка Воронежской губерніи, извѣстная исполнительница и хранительница народныхъ пѣсенъ.

Умерла такъ же тихо и скромно, какъ жила.

Напечатали въ газетахъ нѣсколько строчекъ, да еще на родинѣ отслужили панихиду.

И... пѣснѣ конецъ.

Когда я думаю объ этой замѣчательной русской женщинѣ, мнѣ невольно приходитъ на умъ сравненіе ея судьбы съ судьбой блестящихъ цыганскихъ пѣвицъ!..

Какая рѣзкая разница!

Однѣмъ—концертная эстрада, вѣнки изъ лавровъ, драгоцѣнные камни и тысячные сборы.

Другой — скорбная и тихая жизнь въ курной избенкѣ, да грустная пѣсня ввечеру у плетня.

А между тѣмъ:

— Гдѣ настоящій кладезь неистощимыхъ богатствъ?

Въ ухарскомъ завываньѣ модной цыганки?

Или въ безхитростныхъ словахъ и звукахъ пѣсенъ „Аринушки“.

Чего только не отражала ея пѣсня, съ такой свѣтлой любовью исполняемая и хранимая для будущихъ поколѣній!

И горе отца съ матерью, снаряжающихъ сына въ рекруты, и жалоба покинутой съ ребенкомъ на рукахъ обезчещенной дѣвушки, и вдовья безрадостная пѣсня, но и пѣсни радостныя, свадебныя, въ которыхъ брызжетъ безудержное веселье простыхъ, не испорченныхъ хрипящимъ граммофономъ, движеній душевныхъ...

Но отзвучала пѣсня и тоскливой нотой одинокой старости замерла на скорбныхъ устахъ.

Пусть же согласнымъ хоромъ прозвучитъ ей отъ всего сердца идущая „Вѣчная память“!

Ам. Петровичъ.

Трудовая Копѣйка.

28-го Апрѣля 1914 г. № 97/704.

II.

ПРОГРАММЫ КОНЦЕРТОВЪ

М. Е. ПЯТНИЦКАГО

СЪ КРЕСТЬЯНАМИ и РЕЦЕНЗІИ ГАЗЕТЪ о КОНЦЕРТАХЪ.

I—II.

Малый Залъ Благороднаго Собранія.

Въ Четвергъ 17-го и въ Пятницу 18-го Февраля 1911 года.

Программа Концерта

крестьянъ-великороссовъ, Воронежской, Рязанской и др. губерній.

Въ пользу Дамскаго Благотворительнаго Тюремнаго Комитета для устройства дѣтской сельско-хозяйственной колоніи.

I.

I. Пѣсни Рязанской и Тульской губ.:

1) Что запилъ, загулялъ	Исполн. смѣшан. хоръ.
2) Горы Воробьевскія	Исполн. мужской хоръ.
3) Спасибо-ну, маму синему кушину	
4) Со рюмочкай, со стаканчикомъ	Исполн. смѣшан. хоръ.
5) Красная калина весь лѣсъ украсила	
6) Закаталося красное солнышко	Исполн. мужской хоръ съ жалейками.
7) Прощай радость	
8) Ванька ключникъ	

II. Пѣсни Воронежской губерніи:

1) Отчего-жа этотъ, вотъ, камень	Исполнятъ крестьянки Бобровскаго уѣзда.
2) Голубчикъ ты мой сизенькій	
3) Ты зоря-ль, моя зорюшка	
4) Горы крутыя	
5) Со вечера съ полуночи	Исполн. крестьянки Воронежск. уѣзда.
6) Ой, горенка	
7) Да ты утушка	
8) Гутарютъ тебе, Грушинькя, пропили	
9) Полоса моя полосынька	
10) Ольга въ лѣсѣ была	

III. Пѣсни Владимірской губерніи:

1) Лучина	Исполнитъ гусляръ.
2) Выйду-ль я на рѣченьку	

II.

1) Духовный стихъ; „Кому повѣмъ печали моя“	Пѣніе съ лирой.
2) Историческая пѣсня про Ивана Грознаго.	
3) Былина про Владиміра.	
4) Ночки темныя	Воронежской губ.
5) Причитанія а) по рекрутѣ	Исполн. крестьянки Воронежск. губ.
б) по умершей матери	
6) Звоны	Воронежской губ.
7) Не будите меня моладу	Исп. хоръ съ жалейками.

Исполняемыя пѣсни собраны и записаны **М. Е. Пятницкимъ** въ 1904 и 1910 году. 12-ть пѣсенъ Воронежской губ. его записи изданы отдѣльнымъ сборникомъ 1904 г.

Объясненія къ пѣснямъ будетъ дано ***М. Е. Пятницкимъ.***

Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

1. ОТДѢЛЕНІЕ.

Что запилъ, загулялъ.

Что, запилъ, загулялъ, другъ, Ванюшечка,
Э-э-хъ—забылъ, забылъ про мене*).
Ужъ я спать ляжу,
У во снѣ вижу:
Стоитъ милай пердо мной;
Онъ стоитъ, стоитъ,
Разголубчикъ мой,
Говоритъ-да, вотъ, со мной,—
Отчаго жа ты, разкрасавица,
Эхъ, и грустна ты блѣдна,
—По тебѣ-ли мой другъ,
Другъ Ванюшечка,
Сердце высыхла.

ГОРЫ.

Охъ и охъ—и горы вы мои,
Горы мои крутыи,
Охъ, горы крутыи.
Охъ—чего жа горы воспародили?
— Охъ, спародили горы
Бѣлъ горючъ-то камень.
Охъ—да изъ подъ этого камня
Быстръ ручей то бижитъ.
Охъ, на этомъ то ручьѣ
Стоялъ кустъ ракитывый.
Охъ, на этомъ-то кусту сидѣлъ
Младъ сизый орелъ.
Охъ, вы когтяхъ-то онъ держалъ
Черна ворона.
Охъ, онъ бить его не билъ,
Толькя выспросилъ.
Охъ, скажи мнѣ, воронъ,
Гдѣ ты леталъ-та?

„Синій кувшинъ".

Эхъ, спасиба, эхъ да, вотъ, спасиба ну
Маму синиму кушину, все кушину,
Эхъ, расточилъ бы, разогналъ бы
Всю тоску мою кручину, все кручину,
Эхъ, да ни тоска ли ни кручина
По сѣнямъ она гуляетъ, все гуляетъ,
Эхъ, да у мине ли молодца
Жена моя помираетъ, помираетъ.

Во чарочкѣ.

Въ чарочкѣ во серебряной
Крутой беряжочикъ.
У каво жъ у насъ дорогой разумочикъ.
У Иванушки: гдѣ ни пьетъ, ни гуляетъ,
Домой прибываетъ, Татьяну встрѣчаетъ.
Татьянушка, Ивановна, сустрѣнь сваво друга,
Я бы рада сустрѣла недосугъ беретъ, я сына качала.

Красная калина.

Красная калина весь лѣсъ украсила,
Матрена слезлива весь міръ разслезила.
Матренина мать къ обѣдни ходила,
Она Богу молилась, глянула по народу
Всѣ дѣвки нарядны,
А на моей на Матренѣ бѣлая ельма пала
Тонкая полотенце.

Закаталася красная солнушка.

Закаталася красная солнышка все за темныи она лѣса,
Да всѣ пташки приумолкли, всѣ садились они по мѣстамъ;
Какъ подъ деревцомъ, подъ ветлиною тамъ хижина стоитъ;
Какъ во этой во хижинѣ солдатская вдова живетъ,
Какъ ничайно къ ней постучались два героя подъ окно.
Ты, любезная наша хозяюшка, ты пусти насъ начевать.
Вы, любезные мои прохожіе, всю я правду вамъ скажу;
Три дня хаты не топила, не варила, право, ничаво.
Ты, любезная наша хозяюшка, намъ не надо твово ничаво.
Мы съ походу шли, мы устали, мы желаемъ отдохнуть.
Вы, любезные мои прохожіе, прошу васъ милости ко мнѣ.
Какъ одинъ герой воззрѣлыхъ лѣтъ, другой, какъ бѣлый снѣгъ,
Одинъ герой сѣлъ на лавку, другой насупротивъ,
А любезная хозяйка сиредь хаты стоитъ,
Она стоитъ, сама плачетъ....

*) Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ, послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

Прощай жизнь, радость моя.

Прощай жизнь, радость моя,
Слышу ѣдешь, милый отъ мене,
Эхъ, намъ должно съ тобой разстаться,
Эхъ, тебе больше не видать.
Эхъ, темная ноченька, мнѣ не спится,
Самъ не знаю почему,
Эхъ, сама дѣвица, да мнѣ сказала:
За мной мальчикъ не гонись,
Если погонишься „мальчикъ“ за мной,
Потеряешь свой спокой.

Въ саду ягода малина.

Въ саду ягода малина
Подъ закрытіемъ росла,
Свѣтъ княгиня молодая
Съ княземъ въ теремѣ жила.
А у князя былъ Ванюшка,
Ванька клюшникъ молодой.
Ванька клюшникъ, злой разлушникъ
Разлучилъ князя съ женой.
Князь дознался, догадался,
За Ванюшкою послалъ.
Ужъ вы слуги, мои слуги
Слуги вѣрные мои,
Вы пойдите, приведите
Ваньку клюшника сюда.

II. ОТДѢЛЕНІЕ.

Голубчикъ, ты мой сизенькій.

Охъ, голубчикъ ты мой,
Голубчикъ ты мой сизенькій,
Бѣлокрыленькій,
Охъ, бѣлокрыленькій.
На штожъ ты, голубчикъ мой,
Ни веселъ ты леталъ,
Охъ, ни веселъ леталъ.
Охъ, чему-же веселиться мнѣ,
Чему радоваться,
Охъ, чему радоваться.
Охъ, вечоръ же моя голубушка
Со мною она была,
Охъ, со мною она была.
Охъ, со мною была голубушка,
Со мною она была.
Охъ, на крылѣ она спала,
Охъ, на крылѣ она на крылушкѣ,—
Другой обняла,
Охъ, другой обняла.
Охъ, обняла она, голубушка,
Дружкомъ назвала,
Охъ, дружкомъ назвала.
Охъ, дружочекъ, ты мой миленькій,
Бѣло-сизенькій,
Охъ, голубчикъ, ты мой бѣлокрыленькій.
Охъ, проснулся я, проснулся—
Голубушки моей нѣтъ,
Охъ, голубушки моей нѣтъ.
Полечу-же я, голубчикъ,
Во чистуя поля,
Охъ, во чистуя поля.
Изъ чиста поля, я голубчикъ
Во зиленыя луга,
Охъ, во зиленыя луга.
Во этихъ во лужечкахъ
Ракитовый кустъ,
Охъ, ракитовый кустъ.
Во этомъ во кусточку
Голубка моя лежитъ,
Охъ, голубка моя лежитъ.
Охъ, лежитъ она, голубушка,
Ручьемъ кровь-то бѣжить,
Охъ, и ручьемъ кровь-то бѣжить.
Охъ, кто-жъ тибе, голубушка,
Убилъ-загубилъ,
Охъ, убилъ-загубилъ.
Охъ, убилъ-то мене, голубушку,
Купеческій сынъ,
Охъ, купеческій сынъ.
Охъ, купеческій, да, вѣдь, сынъ
Охотничкомъ былъ.

ЗОРЯ.

Зоря, моя зорюшка,
Вечерняя солнышко,
Высоко восходила,
Далеко освѣтила:
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тамъ лежала жердочка,
Тонкая подмосточка,
Тамъ никто не хаживалъ,
Никого не важивалъ.
Перешелъ Иванъ — сударь,
Перешелъ — Васильевичъ,
Перевелъ Настасьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Перевемши, сталъ спрашивать,
Перевемши выпытывать:
Другъ ты мой, Настасьюшка,
Сердца моя, Васильевна,
Ты умѣешь-ли тонко прясть,
Ты горазда-ли часто ткать?
— Я не умѣю тонко прясть,
Не горазда часто ткать,
Я умѣю на ручкѣ спать,
Я горазда на правинькяй,
Я по сѣнюшкамъ похаживать,
Зелено вино разнашивать.

Со вечера, съ полуночи.

Со вечера, съ полуночи
Головка болѣла,
Ой, головушка болѣла,
Гулять захотѣла
Въ зеленую рощу.
Я пойду-ли молоденька
Въ зеленую рощу,
Я срублю-ли молоденька
Кленовую древу,
Я вытешу, молодая,
Звончатыя гусли.
Поиграйте мои гусли,
Гусли звончатыя,
Позабавьте мово гостя,
Гостя дорогова,
Батюшку роднова.

УТУШКА.

Эхъ да ты, утушка,
Да ты сѣрая
Выплывай, выплывай, выплывай.
Эхъ да ты, утушка,
Да ты сѣрая
Угадай, угадай, угадай.

Эхъ, ды который-ли, охъ, утушка,
Твой силизень,
Силизень, силизень, силизень?
Охъ, да на конюшку, да на краюшку
Самый твой,
Самый твой викавой.

ГОРИНКА.

Ой горинка, горинка новая,
О-о-о-хъ, новая.
Горюша солдатка молодая,
Э-охъ, молодая.
Да полно по горинкѣ ходити,
Э-э-о-хъ, ходити,
Да полно по милому тужити,
Э-о-хъ, тужити.

Пора-жъ про милаго позабыти
Э-о-хъ, позабыти.
Э-о-хъ, какъ я-жъ про милова позабуду,
Э-о-хъ, позабуду.
Вовѣкъ я такого не добуду,
Э-о-хъ, не добуду.

Гутарять тебе, Грунюшка, пропили.

Гутарятъ тебе, Грунюшкя, пропили,
Охъ ляли, охъ ляли все пропили.
Охъ, гутарятъ Аляксѣвну сговорили,
Охъ, ляли, охъ, ляли сговорили.
Отойдите подруженьки, не скучайте мнѣ:
Мнѣ безъ васъ же, подруженьки, дюже тошно,
Мнѣ безъ васъ же, любезныи, дюже грустно,
Э-о-хъ ляли, охъ ляли дюже грустно.

Не сама же я, милы подруженьки догадалася,
Я изъ горенки во горенку все мяталася,
Нивзначай же я съ Ванюшкой повидалася,
Нивзначай же съ Алексѣвичемъ цѣловалася,
Слезовою водицею умывалася,
Перетканою утирочкою вытиралася.

Полоса.

Охъ-да полоса моя полосынька,
Охъ-да полоса моя нипаханая,
Охъ-да ни пахана ни волочена,
Охъ-да поросла-жъ моя полосынька
Охъ-да частымъ ельничкомъ березничкомъ,
Охъ-да молодымъ, горькимъ осинничкомъ.
Охъ-да въ осинникѣ дѣвка рыжикъ брала,
Охъ-да брала, брала, побирывала,
Охъ-да никого въ лѣсу ни видывала,
Охъ-да только видя парень съ дѣвушкой гулялъ,
Охъ-да онъ гулялъ-гулялъ, погуливалъ,
Охъ-да чернобыль-траву заламывалъ,
Онъ чужихъ гусей заганивалъ.

Ольга въ лѣсѣ была.

Ольга въ лѣсѣ была, сильну ягоду рвала,
Сильну ягоду рва-а-ла, ахвицеру продала,
Э-о-хъ, ахвицеру продала,
Ахвицеру за ту цѣну, два съ па-а-лтинушкою,
Два съ палтинушкою, сы малинушкою,
Вотъ малина насолила,
Пирогъ сердце зажегъ.
На крутомъ беряжку
Сбиралася компанья;
Дѣвки думали-гадали
Кого вѣрно полюбить,
Либо Тишу, либо Гришу,
Аль Алешу щеголькя.

Чтой-то звонъ.

Чтой-то звонъ, да
Чтой-то звонъ
Въ нашей колокольни.
Да ни про насъ-ли, другъ Ванюша,
Все баютъ-гутарютъ,
Да пушщай баютъ, гутарютъ,
Авось пиристануть.

Эхъ-да ужъ вы ночки.

Эхъ-да ужъ вы но....
Ужъ вы ночи да, мои ночки те...
Эхъ-да ночки темнаи,
Ночки темнаи,
Эхъ-да вичаро...
Вичарочки да мои развисе...
Эхъ-да развиселаи.

Ой, ни будитя меня молоду.

Ой-и не будитя мине молоду
Ранешинькя по утру,
Вы тогда мине взбудитя,
Когда солнушка взойдетъ,
Роса на землю падетъ,
Пастухъ выйдя на лужокъ,
Заиграя вы рожокъ.
Харашо пастухъ играя, выгаваривая:
Выганяйтя вы скотину
На широкую долину,
На попову десятину.

Духовный стихъ.

Кому повѣмъ печали моя
И кого призову ко рыданію?
Токмо тебѣ, Увладыко мой.
Кто-бы мнѣ далъ
Источникъ слезъ?
Я-бы возрыдалъ
Слезно день и ночь.
Я-бы угасилъ
Злый геенскій огонь.

III—IV.

Московскій Литературно-Художественный Кружокъ.

27 и 29 Января 1912 г. въ помѣщеніи кружка на Б. Дмитровкѣ состоятся

два концерта крестьянъ (III-й и IV-й).

Воронежской, Рязанской и Смоленской губ.

УСТРАИВАЕМЫЕ

М. Е. Пятницкимъ.

Исполнены будутъ: духовные стихи, былины, пѣсни историческія, хороводныя, обрядныя и др., а также и причитанія; нѣкоторыя пѣсни съ сопровожденіемъ жалеекъ, пиры.

Пѣвцы выступятъ въ сценической обстановкѣ и въ подлинныхъ старинныхъ костюмахъ вышеупомянутыхъ губерній.

Программа Концерта.

I.

ВЕЧЕРЪ ЗА ОКОЛИЦЕЙ.

1) Горы Воробьевскія		Исполнятъ крестьяне Рязанской губерніи (мужской хоръ).
2) Спасибо ну, маму синему кушину		
3) Что запилъ, загулялъ		Исполн. смѣшан. хоръ.
4) Сторона моя, сторонушка		Исполнятъ крестьянки Бобровскаго уѣзда Воронеж губ.
5) И охъ поѣхалъ нашъ королинка		
6) Охъ, вы братцы, братцы-да, вы туманушки,		
7) Закаталося красное солнышко		Исп. крест. Рязанск. губ.
8) Отчего, вотъ, этотъ каминь зараждается		Исп. крест. Бобров. уѣз.
9) Ой, на горѣ калина	Хороводныя	Исполн. смѣшан. хоръ.
10) Что ни царь—то городъ		Воронеж. г. Бобров. у.
11) Полоса моя, полосынька		Исп. крестьяне Воронежской губ. Воронежскаго уѣзда.
12) Ольга въ лѣсѣ была		
13) Чтой-то звонъ		Смѣшан. хоръ.

II.

Праздничный день послѣ обѣдни.

Картина: часовня у колодца, слѣпцы.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1) Разставаніе души съ тѣломъ („Что мы видѣли“).	Исп. крестьяне Воронежской губ. Бобров. уѣзда.
2) Іосифъ Прекрасный	
3) Былина про Илью Муромца	
4) О Лазарѣ	
5) Былъ я не за рѣчушкою (историч.)	
6) Духовный стихъ о Василіи Кесарійскомъ	Исп. крестьяне Калужск. губ. (слѣпцы).
7) Кому повѣмъ печали моя	Исп. М. П. и В. Ш. съ сопровожд. лиры.

III.

Картина. Внутренность избы. Свадебный обрядъ (сговоръ) въ Воронежской губерніи. (Въ Бобровск. и Воронежск. уѣздахъ).

За сценой слышится пѣсня: „Э-охъ-ты кукушка, ты рябая“,— которую поютъ подруги и сосѣдки, какъ бы оповѣщая сельчанъ, что въ селѣ просватана дѣвушка.

Невѣста ожидаетъ своихъ подругъ. Когда подруги и сосѣдки входятъ въ избу, просватанная дѣвушка встрѣчаетъ ихъ плачемъ (причитаніемъ). Слышатся возгласы: „женихъ идетъ“...

Женихъ съ своими родными входитъ. Его встрѣчаютъ пѣснею: „Сы восточной сы сторонушки“... и затѣмъ сажаютъ на край коника *).

Въ это время невѣста, окруженная женщинами находится въ противоположномъ углу избы. При пѣніи пѣсни: „Да ты утушка, да ты сѣрая, выплывай“— она подходитъ (выплываетъ) къ жениху.

Послѣ этого нареченныхъ сажаютъ за столъ и поютъ рядъ величальныхъ, бесѣдныхъ и плясовыхъ пѣсенъ.

Обрядовыя.

1) Эхъ-кукушка рябая		Крестьяне Бобровскаго уѣзда.
2) Сы восточной сы сторонушки		
3) Да ты утушка, да ты сѣрая		Воронежск. уѣзда.
4) Ты заря-ль моя зорюшка	величальныя	Воронежской губ.
5) По улицѣ — улицѣ ходитъ добрый молодецъ		
6) Во чарочкѣ, во серебряной		Рязанской губ.
7) Веселая бесѣдушка		Смѣшанный хоръ.
8) Не будите меня молоду		

Настоящій концертъ представляетъ изъ себя попытку демонстрировать русскую пѣсню въ той обстановкѣ, въ которой она зарождается и живетъ у народа ее создавшаго. Несомнѣнно, что не концертная эстрада, а именно сцена, наиболѣе пригодна для выступленія крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ своихъ медвѣжьихъ угловъ съ цѣлью не только подѣлиться со столичной публикой звуками своихъ пѣсенъ, но и показать двѣ-три картинки своего быта. Большая часть пѣсенъ, вошедшихъ въ программу сегодняшняго концерта, записаны г. Пятницкимъ въ своей родной Воронежской губ. (въ Бобров. и Воронеж. уѣздахъ).

Согласно наблюденіямъ собирателя, четверть вѣка назадъ Воронежская губернія представляла изъ себя богатѣйшее поле для дѣятельности музыканта-этнографа, стремящагося собрать образцы старинной художественной пѣсни. Но уже въ 1904 году г. Пятницкому удалось записать только 12 пѣсенъ этого вымирающаго теперь типа **). И въ то время деревенскіе пѣвцы на просьбу спѣть духовные стихи о Прекрасномъ Іосифѣ, о Егоріѣ Храбромъ, или какую нибудь былину — отвѣчали: „не знаемъ такихъ“.

Такъ было и въ прошломъ году. Но въ августѣ нынѣшняго года ему удалось таки включить въ свою коллекцію былины про Илью Муромца, исполнявшуюся, вопреки былинному обыкновенію, хоромъ, а не соло, 3 историческія пѣсни и 8 духовныхъ стиховъ. И все это благодаря старушкѣ Аринушкѣ, выдающейся деревенской пѣвицѣ, съ ея 2-мя дочерьми.

17 и 18 февраля 1911 года Аринушка была приглашена для участія въ крестьянскихъ концертахъ, которые были устроенны г. Пятницкимъ въ Маломъ залѣ Благороднаго собранія и которые произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на музыкальную Москву. (См. Русскія Вѣдомости, Русское слово, Утро Россіи 18 февраля 1911 г., Истор. Вѣстн. Іюль 1911). Такимъ образомъ нельзя не порадоваться, что моментъ окончательнаго исчезновенія старинной художественной народной мелодіи еще не наступилъ. Пусть-же друзья русской пѣсни, пока еще несовсѣмъ поздно, торопятся усилить свою собирательскую дѣятельность.

Примѣчаніе: а) Крестьяне во всѣхъ трехъ картинахъ выступаютъ въ костюмахъ своихъ губерній: Воронежской, Рязанской, Смоленской.

Къ этому, несовсѣмъ соотвѣтствующему дѣйствительности, пріему пришлось прибѣгнуть ради художественнаго интереса, который представляетъ изъ себя почти вышедшій изъ употребленія старинный русскій костюмъ, образцы котораго въ подлинномъ видѣ удалось достать съ большимъ трудомъ.

б) Духовный стихъ „Кому повѣмъ“ съ сопровожденіемъ лиры, исполняется г. Пятницкимъ и г. Шевченко за неимѣніемъ пѣвцовъ, изъ среды пріѣхавшихъ крестьянъ. (Этотъ стихъ записанъ Д. И. Аракчіевымъ).

в) Пѣсни, былины, духовные стихи, исполняющіеся въ настоящемъ концертѣ, уже приготовлены къ печати.

г) Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ, послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

*) Коникъ — ларь.

**) Сборникъ „12 пѣсенъ Воронежской губ. Текстъ и мелодіи собралъ М. Е. Пятницкій, арранжировалъ для хора съ фортопіано В. В. Пасхаловъ. Москва, 1904 г.“

ВЕЧЕРЪ ЗА ОКОЛИЦЕЙ.

I.

Горы Воробьевскія.

Ужъ вы горы, вы мои,
Горы воробьё....воробьевскія,
Воробьевскія.
Ээх-ой-да, ну, чево-жа вы горы,
Горы вы, вы спаро... вы спародили,
Вы спародили ...
Ээх-ой да спародили вы, горы,
Одинъ бѣлъ-бѣлъ-горючъ... бѣлъ-горючъ каминь,
Бѣлъ-горючъ каминь....
Ээхъ-ой-да изъ подъ камушка течетъ,
Течетъ рѣчка бы....рѣчка быстрая,
Рѣчка быстрая....
Ээхъ-ой-да какъ на этой на рѣчкѣ
Стоитъ кустъ раки.... кустъ ракитовый,
Кустъ ракитовый....
Ээх-ой да какъ на этомъ на кустѣ
Сидитъ младъ сизой.... младъ орелъ,
Младъ сизой орелъ,
Ээх-ой-да онъ держалъ-та вы когтяхъ,
Держалъ чернаго во...чернаго ворона,
Э-э чернаго ворона.

СТОРОНА.

Сторона моя, сторонушка,
Сторона моя чужая.
Кручина ты моя кручинушка,
Кручина моя большая.
Никто про мою горю-кручинушку,—
Никто про нее не зная:
Ни батюшка, ни матушка,
И ни братецъ, ни систрица.
Только зная про мою горю-кручинушку
Одна моя ретивая сердечушка.
И почернѣла она во мнѣ, сердечушка,
Чернѣй черной грязи;
Накрыто мое сердечушка
Грудью бѣлою,
Запечатана она, моя сердéчушка,
Думой крѣпкою...

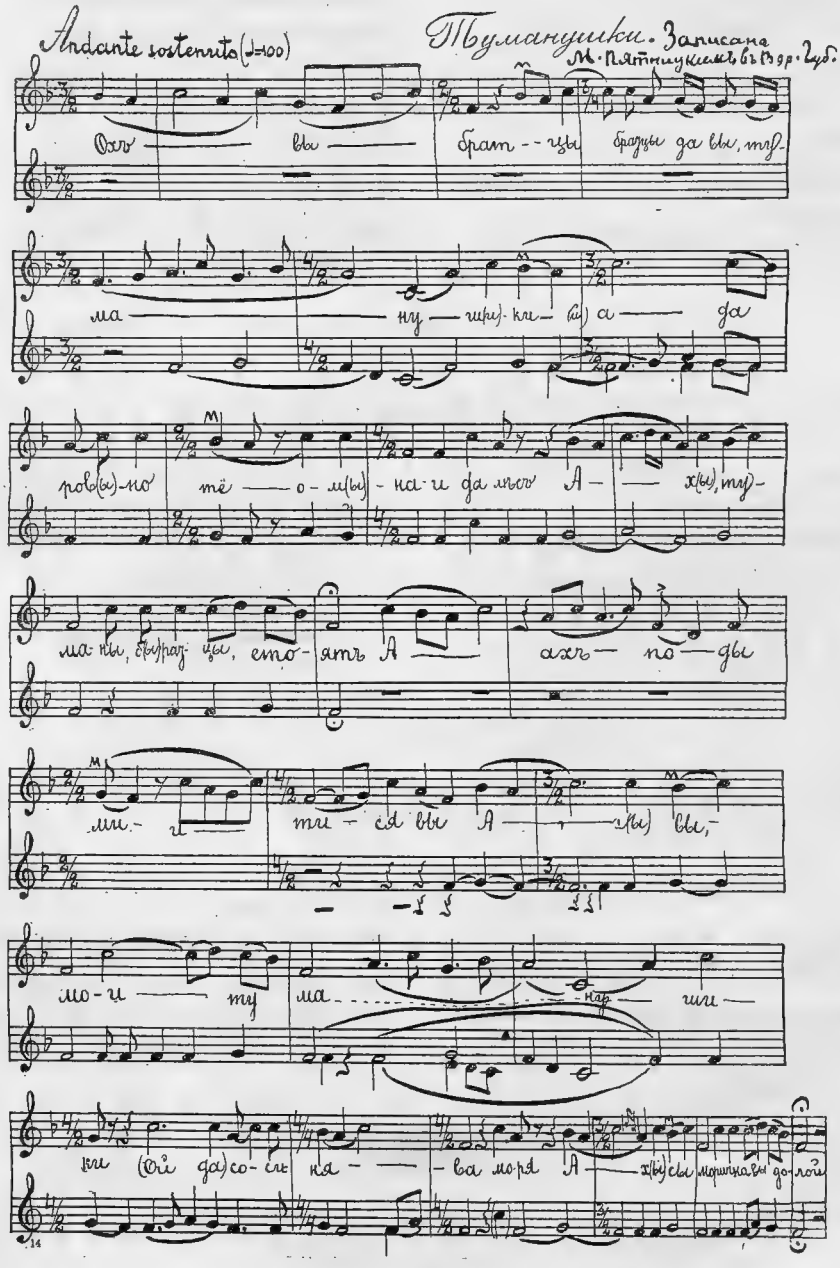
КОРОЛИНКА.

Поѣхалъ нашъ да королинка на гуляньица,
Охъ, оставилъ онъ жену младу на горяванья.
Охъ, пустилъ сваво коня во зелены луга,
Охъ, и самъ пошелъ, королинка, на круту гору.
Охъ, на той горѣ, на крутенькой раскинулъ шатеръ,
Подъ тѣмъ шатромъ подъ бѣлаимъ ложился онъ спать.
Онъ спать ни спалъ королинка — привидѣлся сонъ:
Изъ подъ правой, изъ подъ ручки соколъ вылеталъ,
Изъ подъ лѣвой, изъ подъ бѣлой — сѣра утица.
Охъ садился, онъ, королинка, на добра коня,
Охъ, поѣхалъ онъ, королинка, ко бабушки въ домъ:
„Охъ, бабушка, старушенька, отгадай мой сонъ!“
„Дитя мое, королинка, какой-жа твой сонъ?

ТУМАНУШКИ.

Охъ, да мои братцы, да вы туманушки
Охъ, ровно темный-то лѣсъ — туманы — братцы,
стоятъ!...
Охъ, подымитеся, охъ, вы мои братцы туманушки,
Охъ, со синява да моря, охъ, сы моричка вы долой;
Охъ, што-жъ бы видно намъ было,
Охъ, раздобрымъ молодцамъ, охъ, по синему морю,
Охъ, вдоль по морю,— намъ погулять.

Охъ, што-шъ малы, да мнѣ малы
Охъ, раздоброму молодцу, охъ, малы мнѣ ночушки;
Охъ, и мало мнѣ спалось.
Охъ, много множества мнѣ,
Охъ, мнѣ, раздоброму молодцу,
Охъ, да много видѣлось мнѣ во снѣ:
Охъ, будто вѣдь, у меня, у добраго молодца,
Охъ, будто горючъ камень въ головахъ у мине лежитъ.



Отчего, вотъ, этотъ каминь. (Рекрутскій наборъ „Николаевскихъ“ временъ).

Охъ, и отчаво-жа этотъ, вотъ, каминь,
Э-эх-да каминь зарождается?
Охъ, и зарождался этотъ, вотъ, каминь,
Эхъ-каминь отъ крутыхъ отъ горъ,
Толькя отъ желтыхъ пясковъ,
Охъ, пясковъ отъ разсыпчатыхъ.
Отчаво-жа эта, вотъ, Волга,
Ээхъ-Волга разливается?
Разливается эта, вотъ, Волга
Отъ сильныхъ дожжевъ,
Охъ, и отъ такихъ-то дожжевъ,
Отъ праливнаихъ.
Охъ, да что на этой-то Волгѣ
Плыве легкая лодочкя.
Охъ, на этой-то, вотъ, лодкѣ
Сидятъ отецъ съ матерью.
Охъ, да-что-шъ сидять они, сидять
Думу думають.

Охъ что-шъ такую они думу—
Думу крѣпкую:
Охъ-да что-шъ какова намъ сына,
Сына во солдаты отдать?...
Охъ да намъ большого намъ сына отдать?!
У него много дѣтей, много у него...
Охъ-да намъ другова намъ сына отдать—
Охъ и онъ работать гораздъ.
Охъ намъ меньшова сына отдать,
Отдать, вы солдаты отдать.
Охъ и да что-жъ и меньшой сынъ
Толькя, вѣдь, охъ и сынъ восплакалси,
Охъ-да-чтошъ отцу да, вѣдь, матери
Охъ и онъ разжалилси...
Охъ-да и я-жъ вамъ, отецъ-мать,
Охъ былъ я ни работничикъ,
Охъ да въ полѣ ни помощничикъ!

На горѣ-то калина (хороводная).

На горѣ-то калина
На горѣ-то, сиротина, калина,
На горѣ то моя радость калина.
Тамъ дѣвченка гуляла,
Тамъ дѣвченка-сиротина гуляла,
Тамъ дѣвченка, моя радость, гуляла.
Калинушку ломала,
Калинушку, сиротина, ломала,
Калинушку, моя радость, ломала.
Во пучечки вязала,
Во пучечки, сиротина, вязала,
Во пучечки, моя радость, вязала.
На дорошку бросала,
На дорошку, сиротина, бросала,
На дорошку, моя радость, бросала.

Въ молодчика попала;
Ты молодчикъ молодой
Эхъ, ты молодчикъ, сиротина, молодой,
Куда ѣдешь во походъ?
Возьми мине съ собою,
А я буду тебѣ слугою.
Ушъ я тебѣ, сиротина, услужу.
Эй, коней пару заложу,
Еще лучше услужу,
Постель мягку постелю,
Эхъ, спать на ручку положу,
Эхъ, а другою обойму.
Еще лучше услужу:
Эхъ, поцѣлую, сиротина, и пойду.

Что ни царь-то городъ. (Хороводная).

Что-жъ ни царь-то городъ гуляя,
Онъ и ишша свою царевну.
Золотымъ-то ключемъ звинѣла.
Тутъ и гдѣ-жъ моя царевна?.

Ты руби-же, руби (цѣпь) царь-городъ,
Ты взойди-же, взойди къ царевнѣ,
Поклонитеся низенькя,
Поцѣлуйтеся миленькя.

ПРАЗДНИЧНЫЙ ДЕНЬ ПОСЛѢ ОБѢДНИ.

II.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

„Что мы видили".

Что-жъ мы видили...
—Диву-дивную,
Диву-дивную —
Тѣлу мертвую.

Какъ душа — та съ тѣломъ
Разставалася,
Разставалася,
Да прощалася.

Іосифъ Прекрасный.

У отца то было, у Якова, да двѣнадцать сыновъ,
да два вьюноша.
Посылалъ то онъ дѣтей со ватагами.
Одного то онъ сына дома оставлялъ:
„Понесешь ты братьямъ воспитанія".
Не дошедши до нихъ, низко кланяется,
Низко кланяется, ниже пояса:
„Вы, здорово, мои братцы родные,
Я, охъ, принесъ то я вамъ, воспитанія".
Охъ, вѣдь, они то на него крѣпко сердились.
Охъ, вотъ, задумали они истребить его.
Одному то братцу да сжалѣлося:
„Охъ, мы давайте его легче львамъ бросимъ.
Охъ, то, львы то его да растерзаютъ.
Изорвутъ они на немъ всю одежду его,
Они вымаютъ да въ кровь то всее".
„Охъ, вы, братцы, братцы мои, братцы рòдные,
Вы пустите меня вы на матушкинъ гробъ,
Вы на матушкинъ гробъ, на могилушку".
„Охъ, родимая моя, моя матушка!
Охъ, ты возьми же меня, да ты во гробъ къ себѣ.
А не возьмешь ты меня, я сейчасъ тутъ помру,
Я на этомъ мѣстѣ, сейчасъ, покончаюся".
Охъ, ѣхали купцы, купцы-ягари,
Запродали его купцамъ, братцы,
Да купцамъ, братцы, да египетскимъ,
Да запродали его за три златницы.
Повезли они его да во Египетъ-градъ.

Былина про Илью Муромца.

Охъ, не бѣлые снѣжки забѣлѣлися,
Охъ, забѣлѣлася да, вѣдь, у стараго сѣдая борода,
Забѣлѣлася у стараго сѣдая борода,
Что-жъ буйная голова,
Что-жъ сѣдая борода и буйная только голова.
Охъ, что-жъ подъ старымъ конь очень буръ-косматъ;
Охъ, у бура-то коня грива колесомъ была завита.
Вотъ, нападали на стараго станичнички,
Охъ, станичники, все разбойнички,
Охъ, что-жъ сорокъ четыре да разбойника.
Охъ, что-жъ хотятъ они, все хотятъ,
Охъ, хотятъ ограбить старика,
Охъ, сы конемъ, да съ животомъ
Разлучить его хотятъ.
Охъ, онъ промóловъ имъ, прогóворилъ
Старъ-мóтеръ человѣкъ, Илья Мýровичъ:
Охъ, что-жъ и чавожъ вамъ ребята изъ мине хочица?
Охъ, что-жъ одна-жа у мине серьмяга, и та сѣрая;
Охъ, что-жъ, вѣдь, цѣны моей серьмяги, пятьдесятъ
пять рублей;
Охъ, што-жъ, вѣдь, коню маму-жа животу, ему смѣты
нѣтъ.
И за плечами, въ колчмѣ, да пятьсотъ стрѣлъ,
Охъ, што-жъ за каждую стрѣлу даютъ тысячу рублей.

О ЛАЗАРѢ.

Охъ, жили мы — были два брата родные —
Одинъ братъ богатый, другой былъ убогій.
Да пришелъ то братецъ къ братцу своему,
Къ брату своему, да еще къ богачу.
„Братецъ мой, братецъ, братецъ мой родной!
Братецъ мой родной, да богатый Лазарь,
Напой мою душу, напой, накорми!
Богъ тебѣ заплатитъ, Самъ и Господь Богъ,
„Самъ и Господь Богъ, да Исусъ Христосъ".
„Да штошъ ты за братецъ, штошъ ты за родной?
У меня такихъ братьевъ въ роду не было.
Да у меня есть братья получше тебя.
Получше тебя, побогаче меня,
Да пьютъ-ѣдятъ сладко, ходятъ хорошо.
Да на нихъ платье цвѣтное, а казна-то несмѣтная"
Да приказалъ онъ слугамъ притравить его псами,
Да притравить его псами, лихими собаками.
Да пошелъ то убогій, да за воротца,
Залился убогій горючей слезой.
Да грянулся убогій объ сыру землю,
Да закричалъ убогій громкимъ голосомъ:
„Господи, Господи, Іисусъ Христосъ!
Сошли жъ съ небесъ, Господи, ангеловъ,
Не тихихъ, не смирныхъ, и не милостивыхъ.
И мнѣ-то, убогому, нечѣмъ вѣкъ прожить.
И мнѣ то, убогому не съ чѣмъ въ рай войтить".
Выслушалъ Самъ Господь молитву его;
Да вся его молитва, вся правильная.
Сослалъ онъ съ небесъ на него ангеловъ тихихъ,
Смирныхъ и милостивыхъ.
Дуванули душу изъ убогаго и честно, и хвально
Сквозь уста его. Посадили душу на пелену.
Да вознесли его душу на небеса,
Да посадили душу къ Аврааму въ рай,
„Да вотъ тебѣ, душенька, распрекрасный рай,
А вотъ тебѣ, душенька, за убожество".
Охочъ былъ богатый торгомъ торговать,
Охочъ былъ богатый бесѣды справлять,
Охъ, поѣхалъ богатый въ городъ торговать, бесѣды справлять,
Ахъ, встрѣла богатаго, среди пути, лютая хвороба,
Въ ту пору богатаго свалила.
Да не вспомнилъ богатый ни жену, дѣтей, ни дома сваво,
Да вспомнилъ богатый молитву творить,
Да закричалъ богатый громкимъ голосомъ:
„Да Господи, Господи, Іисусъ Христосъ!
Сошли ты, Господи, съ небесъ ангеловъ тихихъ, смирныхъ и милостивыхъ,
Да мнѣ-то, богатому, есть чѣмъ вѣкъ прожить,
Да мнѣ богатому есть съ чѣмъ въ рай войтить".
Да выслушалъ Самъ Господь оралу-его,
Да вся его молитва неправильная.
Сослалъ на него съ небесъ ангеловъ не тихихъ, не мирныхъ, не милостивыхъ.
И вынули душу изъ богача, но нечестно, не хвально, сквозь ребра его.
Вознесли его душу на небеса, ахъ, посадили душу во тьму глубоку,
„А вотъ тебѣ, душенька, за богатство".

Про Петра Перваго

историческая пѣсня.

Охъ, не за рѣчкою, охъ не за рѣчкою, вотъ, былъ я
Не за бы... охъ не за бы... былъ я не за быстрою, охъ, не за быстрою.
Охъ, не ковыль тамъ травка, охъ, не ковыль тамъ травка
Въ полѣ зашаталась, охъ, зашаталась.
Ой зашаталъ, загулялъ да только добрый,
Ой добрый молодецъ на чужой дальней, ой сторонушкѣ.
Охъ, я не самъ сюда зашелъ — да мине сѣрый конь
Охъ, сѣрый конь сюда завезъ.
Охъ, сѣрый конь мине завезъ, охъ занесла меня молодца,
Охъ, сюда неволя, охъ, все неволюшка.
Охъ, все неволюшка, охъ, что-жъ такая-то неволюшка,
Только одна нужда, охъ, нужда кровная.
Охъ, нужда кровная, охъ, нужда кровная да только
Служба царская, охъ, служба царская;
Царя бѣлаго, Петра Перваго.

О Василіѣ Кесарійскомъ. (Духовный стихъ).

Слава Богу поёмъ Василію Великому,
Кисаремскому чудотворцу;
Молится Василій Господу Богу
Отъ желанія сердца,
Со теплымъ сердцемъ,
Съ горючими со слезами.
Сы устовъ опущаетъ до небесныхъ силъ:
Прости мене, Мать Пресвятая Богородица, и помилувай...
„Василія Великаго, Кисаремскаго чудотворца".

Отъ горя, братцы, каждому человѣку
Хмѣльнаго питія спивати.
Пьяница идётъ коло Божей церкви
Обыходамъ обыходитъ,
Креста на себѣ не сотворитъ.
Кто на пьянаго человѣка удивится, разсмѣется—
Пуще пьянаго согрѣшаетъ,
Грѣхъ себѣ на душу принимаетъ.

III.

Свадебный обрядъ (сговоръ) Воронежской губ., (въ Бобровскомъ и Воронеж. уѣздахъ).

(СВАДЕБНЫЯ).

Кукушка рябая.

Охъ, да что же ты, кукушка,
Летишь, не—кукуешь?
Охъ, да что жъ, какая-жъ моя кукованья
Да високая летанья?
Охъ, да что-жъ високая летанья
Тяжелая воздыханья.
Охъ, да возвивалася кукушка
Подъ бѣлую она небу.
Охъ, и опускалася она, рябая,
На синюю она морю.
Охъ, что-жъ на синемъ-то, на морѣ
Нѣтъ тамъ никакой воли.
Охъ, да что-жъ и нѣту тамъ такой воли,—
Холодныя—да тамъ зори,
Охъ, да что-жъ холодныя тамъ зори,
Охъ, да что-жъ приходятъ Настасьюшкѣ
Горькія часочки.
Охъ, и отдаютъ тебе, Настасьюшка,
Во чужіе, тебе, люди.
Охъ, во чужіе тебе, люди
Ко свекору, да тебе, къ свекровьѣ.
Охъ, ко свекору, да тебе, къ свекровьѣ;
Ко деверю тебе, ко заловкѣ.
Охъ, да что-жъ свекоръ то журливый,
Свекры—кропотлива.
Охъ, да свекры кропотлива,
Деверь онъ насмѣшникъ.
Охъ, да деверь онъ насмѣшникъ,
Заловка она смутьянка;
Охъ, да ужъ не къ кому Настасьюшкѣ
Головку приклонить,
Охъ, приклонить тебѣ головушку
Ко милому другу.
Охъ, что жъ ко милому, ко другу,
Ко милому, свѣтъ, Васильевичу.

Сы восточной сы сторонушки.

Сы восточной сы сторонушки
Поднималися буйны вѣтры,
Расшаталися вереюшки,
Растворялися воротица;
Какъ бояре на дворъ взъѣхали,
А большіе на крыльцо взошли.

Вотъ Иванъ то Богу молится,
Низешенько поклоняется,
Съ тестемъ, съ тещей проздравляется:
„Ты здорово, тесть мой, батюшка,
Ты здорова, теща, матушка!"

ЗОРЯ.

Зоря, моя зорюшка,
Вечерняя солнышка
Высоко восходила,
Далеко освѣтила:
Черезъ лѣсъ, черезъ поле,
Черезъ синее море.
Тамъ лежала жердочка,
Тонкая подмосточка,
Тамъ никто ни хаживалъ,
Никого ни важивалъ.
Перешелъ Иванъ—сударь,
Перешелъ—Васильевичъ.
Перевелъ Настасьюшку,
Перевелъ Васильевну,
Перевемши, сталъ спрашивать,
Перевемши выпытывать:
Другъ ты мой, Настасьюшка,
Сердце моя, Васильевна,
Ты умѣешь-ли тонко прясть,
Ты горазда-ли часто ткать?
— Я не умѣю тонко прясть,
Не горазда часто ткать,
Я умѣю на ручкѣ спать,
Я горазда на правинькяй,
Я по сѣнюшкамъ похаживать,
Зелено вино разнашивать.

По улицѣ, улицѣ.

По улицѣ, улицѣ
Ходитъ добрый молодецъ,
Люшеньки,—люшеньки,
Ходитъ добрый молодецъ,
Ходитъ добрый молодецъ
Собою хорошенекъ,
На личко круглехонекъ.
Связалъ свою голову
Шляпою пуховою,
Лентой алой, новою.
Увидала матушка
Съ терема высокаго:
—А что-шъ, моя дитятка,
Не весело ходишь?
—Чаму-шъ, моя матушка,
—Чаму быть веселому,
Чаму быть веселому,
Чаму игриливому?
Мои-то товарищи —
Они-то всѣ женются,
Да всѣ поженилися,
А я у васъ, матушка,
Холостъ, не женатый.
—Женись, моя дитятка,
—Женись, моя милая,
Возьми, моя дитятка,
Дворянскую дочерю.
— Родимая матушка,
Она мнѣ не правая,
Она не равесница,
Со мной не совѣтница,
Въ полѣ не работница.

Веселая бесѣдушка.

Веселая охъ, что бесѣдушка,
Эхъ, гдѣ батюшка пьетъ;
Онъ пьетъ, ни пьетъ, радимый мой,
За мной младой шлетъ.
Охъ, а я млада, младешенька, замѣшкалася
Эхъ, что за утками, что за гусями за лебедями...

V.

Императорское Русское Музыкальное Общество

(МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ).

БОЛЬШОЙ ЗАЛЪ КОНСЕРВАТОРІИ.

Въ воскресенье, 5-го февраля 1912 г.

Экстренный Общедоступный Концертъ Русской Народной пѣсни.

Исполнители: крестьяне Воронежской, Рязанской, Смоленской губерній.

ВСѢ ИСПОЛНЯЕМЫЯ ПѢСНИ СОБРАНЫ и ЗАПИСАНЫ

М. Е. Пятницкимъ.

Исполнены будутъ: духовные стихи, былины, пѣсни историческія, хороводныя, обрядныя и др., а также и причитанія; нѣкоторыя пѣсни съ сопровожденіемъ жалеекъ, пиры.

Пѣвцы выступятъ въ сценической обстановкѣ и въ подлинныхъ старинныхъ костюмахъ вышеупомянутыхъ губерній.

Программа Концерта.

I.

ВЕЧЕРЪ ЗА ОКОЛИЦЕЙ.

1) Горы Воробьевскія		Исполнятъ крестьяне Рязанской губерніи (мужской хоръ).
2) Спасибо ну, маму синему кушину		
3) Что запилъ, загулялъ		Исполн. смѣшан. хоръ.
4) Сторона моя, сторонушка		Исполнятъ крестьянки Бобровскаго уѣзда Воронеж губ.
5) И охъ поѣхалъ нашъ королинка		
6) Охъ, вы братцы, братцы-да, вы туманушки,		
7) Закаталося красное солнышко		Исп. крест. Рязанск. губ.
8) Отчего, вотъ, этотъ каминь зараждается		Исп. крест. Бобров. уѣз.
9) Ой, на горѣ калина	Хороводныя	Исполн. смѣшан. хоръ.
10) Что ни царь—то городъ		Воронеж. г. Бобров. у.
11) Полоса моя, полосынька		Исп. крестьяне Воронежской губ. Воронежскаго уѣзда.
12) Ольга въ лѣсѣ была		
13) Чтой-то звонъ		Смѣшан. хоръ.

II.

Праздничный день послѣ обѣдни.

Картина: часовня у колодца, слѣпцы.

ДУХОВНЫЕ СТИХИ.

1) Разставаніе души съ тѣломъ („Что мы видѣли“)	Исп. крестьяне Воронежской губ. Бобров. уѣзда.
2) Іосифъ Прекрасный	
3) Былина про Илью Муромца	
4) О Лазарѣ	
5) Былъ я не за рѣчушкою (историч.)	
6) Духовный стихъ о Василіи Кесарійскомъ	Исп. крестьяне Калужск. губ. (слѣпцы).
7) Кому повѣмъ печали моя	Исп. М. П. и В. Щ. съ сопровожд. лиры.

III.

Картина. Внутренность избы. Свадебный обрядъ (сговоръ) въ Воронежской губерніи. (Въ Бобровск. и Воронежск. уѣздахъ).

За сценой слышится пѣсня: „Э-охъ-ты кукушка, ты рябая“, — которую поютъ подруги и сосѣдки, какъ бы оповѣщая сельчанъ, что въ селѣ просватана дѣвушка.

Невѣста ожидаетъ своихъ подругъ. Когда подруги и сосѣдки входятъ въ избу, просватанная дѣвушка встрѣчаетъ ихъ плачемъ (причитаніемъ). Слышатся возгласы: „женихъ идетъ“...

Женихъ съ своими родными входитъ. Его встрѣчаютъ пѣснею: „Сы восточной сы сторонушки“... и затѣмъ сажаютъ на край коника*).

Въ это время невѣста, окруженная женщинами находится въ противоположномъ углу избы. При пѣніи пѣсни: „Да ты утушка, да ты сѣрая, выплывай“—она подходитъ (выплываетъ) къ жениху.

Послѣ этого нареченныхъ сажаютъ за столъ и поютъ рядъ величальныхъ, бесѣдныхъ и плясовыхъ пѣсенъ.

Обрядовыя.

1) Эхъ-кукушка рябая		Крестьяне Бобровскаго уѣзда.
2) Сы восточной сы сторонушки		
3) Да ты утушка, да ты сѣрая		Воронежск. уѣзда.
4) Ты заря-ль моя зорюшка	величальныя	Воронежской губ.
5) По улицѣ — улицѣ ходитъ добрый молодецъ		
6) Во чарочкѣ, во серебряной		Рязанской губ.
7) Веселая бесѣдушка		Смѣшанный хоръ.
8) Не будите меня молоду		

Настоящій концертъ представляетъ изъ себя попытку демонстрировать русскую пѣсню въ той обстановкѣ, въ которой она зарождается и живетъ у народа ее создавшаго. Несомнѣнно, что не концертная эстрада, а именно сцена, наиболѣе пригодна для выступленія крестьянъ, пріѣхавшихъ изъ своихъ медвѣжьихъ угловъ съ цѣлью, не только подѣлиться со столичной публикой звуками своихъ пѣсенъ, но и показать двѣ-три картинки своего быта. Большая часть пѣсенъ, вошедшихъ въ программу сегодняшняго концерта, записаны г. Пятницкимъ въ своей родной Воронежской губ. (въ Бобров. и Воронеж. уѣздахъ).

Согласно наблюденіямъ собирателя, четверть вѣка назадъ Воронежская губернія представляла изъ себя богатѣйшее поле для дѣятельности музыканта-этнографа, стремящагося собрать образцы старинной художественной пѣсни. Но уже въ 1904 году г. Пятницкому удалось записать только 12 пѣсенъ этого вымирающаго теперь типа**). И въ то время деревенскіе пѣвцы на просьбу спѣть духовные стихи о Прекрасномъ Іосифѣ, о Егоріѣ Храбромъ, или какую нибудь былину — отвѣчали: „не знаемъ такихъ“.

Такъ было и въ прошломъ году. Но въ августѣ нынѣшняго года ему удалось таки включить въ свою коллекцію былину про Илью Муромца, исполнявшуюся, вопреки былинному обыкновенію, хоромъ, а не соло, 3 историческія пѣсни и 8 духовныхъ стиховъ. И все это благодаря старушкѣ Аринушкѣ, выдающейся деревенской пѣвицѣ, съ ея 2-мя дочерьми.

17 и 18 февраля 1911 года Аринушка была приглашена для участія въ крестьянскихъ концертахъ, которые были устроенны г. Пятницкимъ въ Маломъ залѣ Благороднаго собранія и которые произвели весьма благопріятное впечатлѣніе на музыкальную Москву. (См. Русскія Вѣдомости, Русское слово, Утро Россіи 18 февраля 1911 г. Истор. Вѣстн. Іюль 1911). Такимъ образомъ нельзя не порадоваться, что моментъ окончательнаго исчезновенія старинной художественной народной мелодіи еще не наступилъ. Пусть-же друзья русской пѣсни, пока еще несовсѣмъ поздно, торопятся усилить свою собирательскую дѣятельность.

Примѣчаніе: а) Крестьяне во всѣхъ трехъ картинахъ выступаютъ въ костюмахъ своихъ губерній: Воронежской, Рязанской, Смоленской.

Къ этому, несовсѣмъ соотвѣтствующему дѣйствительности, пріему пришлось прибѣгнуть ради художественнаго интереса, который представляетъ изъ себя почти вышедшій изъ употребленія старинный русскій костюмъ, образцы котораго въ подлинномъ видѣ удалось достать съ большимъ трудомъ.

б) Духовный стихъ „Кому повѣмъ“ съ сопровожденіемъ лиры, исполняется г. Пятницкимъ и г. Шевченко за неимѣніемъ пѣвцовъ, изъ среды пріѣхавшихъ крестьянъ. (Этотъ стихъ записанъ Д. И. Аракчіевымъ).

в) Пѣсни, былины, духовные стихи, исполняющіеся въ настоящемъ концертѣ, уже приготовлены къ печати.

г) Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ, послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

*) Коникъ — ларь.

**) Сборникъ „12 пѣсенъ Воронежской губ. Текстъ и мелодіи собралъ М. Е. Пятницкій, арранжировалъ для хора съ фортепіано В. В. Пасхаловъ. Москва, 1904 г.“

VI.

Московскій Литературно-Художественный Кружокъ.

Состоится концертъ въ Среду, 13-го Марта 1913 г.

въ пользу О-ва взаимопомощи слушателей университета им. А. Л. Шанявскаго.

Программа Концерта

М. Е. Пятницкаго,

съ крестьянами Рязанской, Смоленской и другихъ губерній.

Исполнены будутъ: духовные стихи, пѣсни: историческія, хороводныя, обрядныя и др., а также и причитанія. Нѣкоторыя пѣсни съ сопровожденіемъ жалеекъ и лиры.

Пѣвцы выступятъ въ сценической обстановкѣ и въ подлинныхъ костюмахъ упомянутыхъ губерній.

I.

Вечеръ за околицей.

1. Горы воробьевскія.
2. Тихій вечеръ, буйный вѣтеръ.
3. Не шатайся, скажимъ, не валяйся.
4. Понапрасну я, дѣвка, страдала...
5. Распостылый мужъ.
6. Изъ-за лѣсику, лѣсу темнава.
7. На горѣ-то калина.
8. Закаталася красная солнушка...
9. Ужъ ты верба, вербица.
10. Купалынька.
11. Что запилъ, загулялъ.
12. Чтой-то звонъ.

II.

Картина: внутренность избы; свадебный обрядъ (дѣвичникъ) Смоленской губ.

Дѣвушки сидятъ за столомъ. На столѣ—елка. Невѣста находится въ противоположномъ углу избы. Дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни (На горѣ стояла елочка; Ни въ саду было, ни въ садикѣ; Разлилася, разлелѣялась вода вешняя). Во время исполненія этой пѣсни входитъ одинъ дружко съ кнутомъ и начинаетъ „выкупать столъ". Затѣмъ входитъ женихъ со сватьями и садятся за столъ. Дружко начинаетъ угощать виномъ вошедшихъ. Поется пѣсня: „Вздреганулися наши сѣни", „За лѣсомъ солнышко качаить" и „Долина широкая". Послѣ угощенія, всѣ идутъ съ невѣстой къ столу. Невѣста даритъ жениха платкомъ, а дружка полотенцемъ. Затѣмъ невѣста цѣлуетъ жениха и садится съ нимъ рядомъ.

Пѣсни этого обряда:

13. На горѣ стояла елочка.
14. Ни въ саду было, ни въ садикѣ.
15. Разлилася, разлелѣялась вода вешняя.
16. Вздреганулися наши сѣни.
17. За лѣсомъ солнышко качаить.
18. Долина широкая.
19. Утушка луговая.

III.

СВАДЬБА.

Дѣвушки, подруги невѣсты, поютъ пѣсню: „Всѣ утушки со волны плывутъ“; во время этой пѣсни невѣста плачетъ (причитаетъ). Входятъ въ избу дружко съ женихомъ. Дружко выкупаетъ у дѣвушекъ невѣсту. Затѣмъ онъ подноситъ вино жениху и невѣстѣ и сажаетъ нареченныхъ за столъ. Поются пѣсни: „Вы, кусты мои ракитовы“. Затѣмъ сваха расчесываетъ волосы жениху и невѣстѣ, въ это время поется пѣсня: „А я кудерки зачесала“. Отецъ и мать благословляютъ хлѣбомъ-солью. Невѣста причитаетъ и выѣзжаетъ къ вѣнцу.

Встрѣчаютъ молодыхъ отъ вѣнца пѣснею: „Выходи, свекровь горбатая“. Потомъ подходятъ къ избѣ. У дверей молодыхъ встрѣчаетъ братъ невѣсты и загораживаетъ дорогу, требуя угощенія. Послѣ угощенія входятъ въ избу. Молодыхъ встрѣчаютъ отецъ и мать. Сажаютъ всѣхъ за столъ и поются величальныя пѣсни: „Тута вяла, тута вяла“, „Веселая бесѣдушка“. Свадьба заканчивается плясовыми пѣснями.

Пѣсни этого обряда:

20. Всѣ утушки со волны плывутъ.
21. Вы, кусты мои ракитовые.
22. А я кудерки зачесала.
23. Выходи, свекровь горбатая.
24. Во чарочки, во серебряной.
25. Тута вяла, тута вяла.
26. Веселая бесѣдушка.
27. Не будите меня молоду.
28. Эхъ, я по лугу гуляла.

Всѣ пѣсни сегодняшнаго концерта записаны М. Е. Пятницкимъ и готовятся къ печати. Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ, послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

Текстъ къ программѣ концерта народной пѣсни *)

М. Е. ПЯТНИЦКАГО

съ крестьянами Смоленской, Рязанской и др. губерній.

I.

Буйный вѣтеръ.

Въ тихій вечеръ буйный вѣтеръ
По садочку повѣвалъ,
Съ древъ листочки, съ травъ цвѣточки
Буйный вѣтеръ обрывалъ,
Зиленъ садикъ усыпалъ,
Мягку травку устилалъ.

Разнесчасная Груняша
Вышла съ грустью въ садъ гулять,
Свово дружка повидать,
И словечка съ нимъ сказать.
Груня по саду гуляла и цвѣточки себѣ рвала,
А нарвамши съ травъ цвѣточковъ вѣнокъ на главу сплела.

Эхъ, да ни шатайся, скажимъ, ни валяйся, пой!

Эхъ, да ни шатайся, скажимъ, не валяйся, пой!
Эхъ, во полюшки травка, эхъ да въ полѣ травка.
Эхъ-да не тоскуй, скажимъ, не горюйся, пой!
Эхъ, по молодцу дѣвка, эхъ да красная дѣвка,
Эхъ, да ни по молодцу, скажимъ, да дѣвка
Тужила, пой, эхъ по сваму она по горю
Эхъ,-да все по горю.
Эхъ, да ни одно ли мнѣ съ красной,
Ну, дѣвченкай, пой, эхъ горе доставалась,
Эхъ, да доставалась.
Эхъ, доставалась мнѣ горя кручина, пой,
Эхъ са милымъ дружечкамъ, эхъ
Да со дружечкомъ,

Эхъ милымъ дружкомъ, сы Ванюшай, пой,
Эхъ на чужой дальней старонки,
Эхъ да на старонки.
Эхъ на чужой, эй на дальней на старанѣ, пой,
Эхъ въ городи Парижи, эхъ да въ Парижи,
Эхъ да въ городи Парижи, пой!
Эхъ гусары стояли, эхъ да ну стояли,
Эхъ да ну стояли немношка нимала, пой!
Эхъ три годочка,
Эхъ да ну годочка...
Эхъ не пили, скажимъ, не ѣли, пой!
Эхъ четыре денечка, эхъ да ну денечка.

По напрасну я дѣвка страдала.

По напрасну я дѣвка, я страдала, эхъ страда...
Вѣчно мучіюсь, мучіюсь я по немъ,
Я по немъ, да я сама пра то знала, эхъ, да я знала...
Что не любитъ миленькій мине.
Онъ мене, эхъ да онъ не любитъ злой мучи...
Эй мучитель да, но чево жъ мнѣ, бѣдной больше ждать?...
Больше ждать, эхъ, да онъ нашелъ себѣ

Другу... у-эхъ, другую, да мене бросилъ, бросилъ, позабылъ...
Ты забудь милый съ даса... эхъ съ дасады...
Побудь со мной одинъ часъ.
Одинъ часъ, эхъ дайте сердцу моему
Наслажде... эхъ... слажденья, да милай красатой...
Красатой твоей милай
Даво... о эхъ, довольна, а любовью твоею никогда...

*) Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

Распостылый мужъ (хороводная).

Что ни бѣлый день заря занималася,
Изъ-подъ той зари солнце разгоралося...
А изъ Питера шлютъ вѣсти нерадостны:
Будто мой милой боленъ сдѣлался,
Лежитъ въ постелюшки ровно три недѣлюшки.
Запросилъ мой мужъ холодной воды со Дунай рѣки.
А я молода по воду пошла ровно три часа:
Перву часъ на гору взошла,
Во второмъ часу воду черпала,
А въ третьемъ часу къ терему пришла.
Высокъ теремъ растворенъ стоитъ,
Все окошечки порастворены,
Распостылый мужъ во гробу лежитъ,
Полотномъ накрытъ.
Отецъ съ матерью въ головахъ стоятъ,
А братъ съ сестрой по бокамъ стоятъ,
Молодая жена во ногахъ стала;
Отецъ съ матерью слезно плачутся,
А братъ съ сестрой заливаются,
Молодая жена стоя думаетъ:
Какъ быть, какъ жить, и какъ по мужу выть—
Мнѣ играть плясать отъ Бога грѣхъ
и отъ людей стыдна,
А выть, тужить—мнѣ слезъ жалка,
Одна слеза закатилася и тая назадъ воротилася,
А распостылый мужъ изъ мертвыхъ всталъ,
Изъ мертвыхъ всталъ, цѣловаться сталъ.

ХОРОВОДНАЯ.

Изъ за лѣсику, лѣсу темнова,
Ой ли, ой люли, лѣ-ѣ-лѣсу темнова.
Изъ за садику, садъ зеленава,
Ой ли, ой люли, садъ зеленава;
Эхъ тутъ шли, прашли, вотъ, два молотца,
Ой ли, ой люли, да вотъ, два молатца.
Эхъ, вотъ, два молатца, оба холосты,
Ой ли, ой люли, оба холосты,
Оба холосты, неженатаи,
Неженатаи, щегляватаи,
Они шли, прашли, становилися,
Становилися, разбранилися.
Выходила къ нимъ красна дѣвица,
Выходила къ нимъ, говорила имъ:
Вы не ссортися, не бранитися,
Вы по совисти разойдитися,
На моемъ платкѣ поконитися—
Ужъ комужъ я изъ васъ, я достануся.
Доставалася красна дѣвица
Парню бравому разудалому,—
Онъ взялъ ее, онъ за рученьку,
Онъ повелъ ее онъ вдоль по кругу,
Становилися близехонька,
Цѣловалися милехонька.

Ужъ ты верба, вербица.

Ужъ ты, верба—вербица,
Я молода.
Ты не стой надъ рѣкой,
Я молода.
Ты не стой надъ рѣкой,
Я молода.
Не шуми надъ водой,
Я молода.
Ужъ ты дѣвка, дѣвица,
Я молода,
Не иди за старого,
Я молода.

II.

НА ДѢВИЧНИКѢ.

На горѣ стояла елочка.

На горѣ стояла елочка, подъ горой нова-свѣтелочка,
Во свѣтелочкѣ огонюшекъ горитъ, подъ окошечкомъ —
Свѣтъ — Дарьюшка сидитъ,
Ее звалъ родной батюшка съ собой:
„Ты пойдемъ, пойдемъ да и Дарьюшка со мной!...“
—Не пойду я, родной батюшка, съ тобой:
„Не пойду я, не послушаю тебя,
„Темной ночью карауловъ нигдѣ нѣтъ,
„Рѣчки быстры, перевозу нигдѣ нѣтъ.

Не въ саду была, не въ садикѣ.

Не въ саду была, не въ садикѣ, не въ зеленомъ виноградникѣ,
Ходилъ гулялъ добрый молодецъ,
Притопталъ траву шелковую, приложилъ цвѣты лазуривы,
Загонялъ стадо гусиное, а другое лебединое.
Онъ загналъ себѣ лебедушку, лебедушку-красну дѣвушку,
Красну дѣвушку да и Дарьюшку:
„Ай, Дарьюшка, ты прими стадо гусиное“...

Разлилася, разлилѣялась по лугамъ вода вешняя.

Разлилася, разлилѣялась по лугамъ вода вешняя,
Отнесло, отлилѣяло дитё милое отъ матушки!
Оставалась родна матушка на сухомъ, крутомъ бережку.
Гуси лебеди вскрикнули, родна матушка расплакалась:
„Воротись, дите милое, дите милое да и Дарьюшка,
Позабыла свои ключи, свои ключи золоты“.

Вздреганулися сѣни какъ сваты-те сѣли,
Не такъ вздреганутся, какъ сваты напьются.

ЗА ЛѢСОМЪ.

(Припѣвъ: „ойли, лели, лялешуньки“)..

За лѣсомъ солнушка качаитъ,
Скотинка по двору гуляитъ,
Иванъ ворона коня братаитъ,
Вышла его матушка, пытаитъ:
— Куда, мое дититка, поѣдишь?
— Поѣду я, матушка, за лясокъ,
„Услышу я Дарьюшкинъ голосокъ,
„Гдѣ моя Дарьюшка гуляитъ!“

Далина широкая.

Далина, далинушка, далина широкая;
По той по долинушкѣ ходилъ, гулялъ молодецъ,
Головушка связана травою-муравкою, травою зеленою;
Завидѣла матушка съ высокаго терема,
Со краснаго окнушка, съ хрустальнаго стёклушка,
—Что ходишь невесело, гуляешь нерадосно?...

Ой утушка луговая, эй луговая.

Ой, утушка луговая, эй, луговая!
Молодушка молодая, эхъ, молодая!
Съ кѣмъ ты ночку ночевала, эхъ ночевала!...
Я ночку ва лѣсочку, эхъ, ва лѣсочку,
Ва лѣсочку, подъ кусточкомъ, эхъ, подъ кусточкомъ;
Тутъ шли, прошли удалые, эхъ, удалые,
Два молодчика молодые, эхъ, молодые;
Вы рукахъ несли по ножѐчку, эхъ, по ножѐчку,
Они срѣзали по дубочку, эхъ, по дубочку,
Они сдѣлали по гудочку, эхъ, по гудочку!

Всѣ утушки.

Всѣ утушки со волны плывутъ,
Одна утушка оставалася, селезѐнюшка дожидалася,
Она плохо убиралася....

Величальныя пѣсни.

Вы кусты мои, вы ракитовы,
И вы, ой люли, вы ракитовы,
А во тѣхъ кустахъ соловѐюшка,
Соловѐюшка съ перепѐлкою,
Соловѐюшка да и (имя).

А я кудерки зачесала.

А я кудерки зачесала,
А я серебромъ усыпала,
А я... мово серебра не стало,
А я въ городъ атаслала,
А ты свашенька молодая,
Перѐденька золотая,
Не сама ты ее вышивала,
А сусѣдушекъ сазывала.

Выходи ты свекровь горбатая.

Выходи ты, свекровь горбатая,
Сувстрѣчай невѣсту богатую,
Выходи свекровь врукатливая,
Сувстрѣчай невѣсту счастливую.

Тута вяла, тута вяла.

Тута вяла, тута вяла
Подкашенная трава.
Тута пьяна—весела
Костина жена.
Мой пьянешунекъ Костюшка пришелъ,
Качается, валяется въ Матрениныхъ ногахъ:
„А Матренушка разуй,
Другъ, Ивановна, разуй“.
„Я бы рада—разула, позабыла, какъ зовутъ“.

Перепелушка.

Перепелушка да и (имя),
Накорми коня со кошелочки,
Ты напой коня со ведерочки,
Наша (имя) не послушала,
Повела коня на синя моря:
Синя морюшка всколыхнулася,
Наша (имя) вздреганулася:
„Ай и какъ мнѣ быть, какъ домой итить,
„У меня свекровь все журливая,
„Все журливая, воркотливая“.

Ужъ я по лугу.

Ужъ я по лугу, я по лугу гуляла,
Я съ камарикамъ, я съ камарикамъ,
Съ камарикамъ плясала.
Мнѣ комарь ножку,
Комарь ножку отдавилъ.
Всѣ суставчики, всѣ суставчики,
Суставчики раздробилъ.

А я матери, я матери кричала:
„Ой подай, подай, мати, косыря.
„И рубить, казнить,
„Рубить, казнить, комаря.
Ой, срублю ему голову,
Покатилась голова
За заднія ворота.

РЫБАЛОВЩИКИ.

Какъ пошли наши, наши рыбаловщички
Рыбушку ловить.
Ни поймали они бѣлой рыбы,
А поймали линя.
Разглидѣли и разсмотрѣли—малое дитё;
Какъ взяли эту дитещу на свои руки,
Понесли дитя малое на дубовый столъ.
Какъ вдарили рыбаловщички въ большой колколъ:

„Собирайтеся дѣвки красныя,—
Будетъ вамъ переборъ.
Которая изъ васъ дѣвка, шельма, сына родила.
На бѣлый свѣтъ не пустила,
А въ рѣку бросила“.
Севодня у насъ для праздничка во всѣ звоны бьютъ,
А прекрасную Настасьюшку подъ Наказъ ведутъ.

Зашумѣла вода

Зашумѣла въ клодезу вода,
Заболѣла у Ванюши голова.
На чужу жену глядя, молоду.
Чужіи жены все бѣлы, румяны,
А мая жена невкарыстна.

На работу она независтна:
Люди въ полѣ, а моя жена дома,
Люди жать, а моя жена спать.
Я бы зналъ, по вѣкъ бы не жинился...

VII.

Большой Залъ Консерваторіи.

2-го Апрѣля 1913 года.

Сборъ поступаетъ въ пользу Пречистенскаго Городского Попечительства о бѣдныхъ на устройство пріюта для дѣтей имени В. Соловьева.

Программа Концерта

М. Е. Пятницкаго,

съ крестьянами Рязанской, Смоленской и другихъ губерній.

Исполнены будутъ: духовные стихи, пѣсни: историческія, хороводныя, обрядныя и др., а также и причитанія. Нѣкоторыя пѣсни съ сопровожденіемъ жалеекъ и лиры.

Пѣвцы выступятъ въ сценической обстановкѣ и въ подлинныхъ костюмахъ упомянутыхъ губерній.

I.

Вечеръ за околицей.

1. Горы воробьевскія.
2. Тихій вечеръ, буйный вѣтеръ.
3. Не шатайся, скажимъ, не валяйся.
4. Понапрасну я, дѣвка, страдала...
5. Распостылый мужъ.
6. Изъ-за лѣсику, лѣсу темнава.
7. На горѣ-то калина.
8. Закаталася красная солнушка...
9. Ужъ ты верба, вербица.
10. Купалынька.
11. Что запилъ, загулялъ.
12. Чтой-то звонъ.

II.

Картина: внутренность избы; свадебный обрядъ (дѣвичникъ) Смоленской губ.

Дѣвушки сидятъ за столомъ. На столѣ—елка. Невѣста находится въ противоположномъ углу избы. Дѣвушки начинаютъ пѣть пѣсни (На горѣ стояла елочка; Ни въ саду было, ни въ садикѣ; Разлилася, разлелѣялась вода вешняя). Во время исполненія послѣдней пѣсни входитъ одинъ дружко съ кнутомъ и начинаетъ „выкупàть столъ“. Затѣмъ входитъ женихъ со сватьями и садятся за столъ. Дружко начинаетъ угощать виномъ вошедшихъ. Поется пѣсня: „Вздреганулися наши сѣни“, „За лѣсомъ солнышко качаить“ и „Долина широкая“. Послѣ угощенія, всѣ идутъ съ невѣстой къ столу. Невѣста даритъ жениха платкомъ, а дружка полотенцемъ. Затѣмъ невѣста цѣлуетъ жениха и садится съ нимъ рядомъ.

Пѣсни этого обряда:

13. На горѣ стояла елочка.
14. Ни въ саду было, ни въ садикѣ.
15. Разлилася, разлелѣялась вода вешняя.
16. Вздреганулися наши сѣни.
17. За лѣсомъ солнышко качаить.
18. Долина широкая.
19. Утушка луговая.

III.

СВАДЬБА.

Дѣвушки, подруги невѣсты, поютъ пѣсню: „Всѣ утушки со волны плывутъ“; во время этой пѣсни невѣста плачетъ (причитаетъ). Входятъ въ избу дружко съ женихомъ. Дружко выкупаетъ у дѣвушекъ невѣсту. Затѣмъ онъ подноситъ вино жениху и невѣстѣ и сажаетъ нареченныхъ за столъ. Поются пѣсни: „Вы, кусты мои ракитовы“. Затѣмъ сваха расчесываетъ волосы жениху и невѣстѣ, въ это время поется пѣсня: „А я кудерки зачесала“. Отецъ и мать благословляютъ хлѣбомъ-солью. Невѣста причитаетъ и выѣзжаетъ къ вѣнцу.

Встрѣчаютъ молодыхъ отъ вѣнца пѣснею: „Выходи, свекровь горбатая“. Потомъ подходятъ къ избѣ. У дверей молодыхъ встрѣчаетъ братъ невѣсты и загораживаетъ дорогу, требуя угощенія. Послѣ угощенія входятъ въ избу. Молодыхъ встрѣчаютъ отецъ и мать. Сажаютъ всѣхъ за столъ и поются величальныя пѣсни: „Тута вяла, тута вяла“, „Веселая бесѣдушка“. Свадьба заканчивается плясовыми пѣснями.

Пѣсни этого обряда:

20. Всѣ утушки со волны плывутъ.
21. Вы, кусты мои ракитовые.
22. А я кудерки зачесала.
23. Выходи, свекровь горбатая.
24. Во чарочки, во серебряной.
25. Тута вяла, тута вяла.
26. Веселая бесѣдушка.
27. Не будите меня молоду.
28. Эхъ, я по лугу гуляла.

Всѣ пѣсни сегодняшнаго концерта записаны М. Е. Пятницкимъ и готовятся къ печати. Для облегченія чтенія пѣсенныхъ текстовъ, послѣдніе печатаются безъ строгаго соблюденія діалектическихъ особенностей.

VIII.

ПРОГРАММА

концерта М. Е. Пятницкаго съ крестьянами Владимірской, Рязанской, Смоленской, Тульской и Воронежской губерній,

для членовъ V Международнаго конгресса по призрѣнію душевно-больныхъ.

26-го Декабря 1914 г.

PROGRAMME

du concert de M-r M. Piatnizki éxécuté par des paysans des gouvernements de Vladimir, de Woroneje, de Riasan, de Smolensk et de Toula en l'honneur

des membres du V Congrés International pour l'assis tance des aliénés.

Ip 8 Ianvier 1914.

I. ОТДѢЛЕНІЕ—PARTI.

1. Горы Воробьевскія	Исп. хоръ крестьянъ Рязанской губ.
2. Спасибо, ну маму синему кувшину	Executé par un choeur de paysans du gouvernement de Riasan.
3. Кому повѣмъ печали моя. Духовный стихъ	Исп. подъ аккомпаним. народнаго музык. инструмента — лиры М. Пятницкій и В. Шевченко. Executé avec accompagnement d' un instrument musical populaire nomme „lire" par MMr. Piatnitzki et Chevtchenko.
4. Что запилъ, загулялъ	Исп. смѣшанный хоръ.
5. Закаталося красное солнышко	Choeur mêlé (hommes et femmes).
6. Ой на горѣ-то калина	Хороводъ.
7. Чтой-то звонъ	Danse et chant populaire executé par un choeur.

II. ОТДѢЛЕНІЕ—PARTI.

8. Ой Морозе, Морозенько	Исп. В. Шевченко подъ аккомпаним. бандуры.
9. Походъ казаковъ— музык. картина	Executé par M-r Chevtchenko avec accompagnement d'un instrument populaire nomme „bandura".
10. Сидѣла Катенька во горенкѣ	Исп. крестьяне Владимірской губ. на деревянныхъ рожкахъ.
11. Лучина лучинушка	Executé par des paysans du gouvernement de Vladimir au moyen de cornets de ûois (instrument populaire).
12. Камаринская	

III. ОТДѢЛЕНІЕ—PARTI.

13. Веселая бесѣдушка (свадебная)	Исп. женскій хоръ крестьянокъ Смоленской губ. Chant de noce executé par un choeur de femmes (gouvern. de Smolensk).
14. Причитанія; проводы рекрута	Исп. крестьянка Смоленской губ. Аринушка.
15. Долина широкая	Deplorations a l'occasion du départ d'un conscrit executé par Arinouchka paysanne de gouvern. de Smolensk.
16. Не будите меня молоду (плясовая)	Исп. крестьяне подъ аккомпан. народнаго инструмента „жалеекъ". Chant de danse avec accompagnement d'un instrument populaire nomme „joleika".

IX.

Малый залъ Московской Консерваторіи.

Въ Субботу, 15-го Февраля 1914 г.,

въ пользу Общества для пособія нуждающимся студентамъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета.

Программа Концерта

М. Е. Пятницкаго

съ крестьянами Рязанской, Смоленской и Тульской губерній.

I.

1. „Горы Воробьевскія“	Исполн. мужской хоръ Рязанской губ.
2. „При долинушкѣ калинушка стоитъ“	Исполн. смѣшанный хоръ.
3. „Понапрасну я, дѣвка“	
4. Духовные стихи:	
1. „Кому повѣмъ печали моя“	Исполн. подъ аккомп. лиры М. Е. Пятницкій, М. А. Шевченко, В. К. Шевченко.
2. „Что мы видѣли? — диву-дивную“ (разставаніе души съ тѣломъ)	
5. „На горѣ-то калина“ (хороводная съ дѣйствами)	Исполн. смѣшанный хоръ.
6. „Чечетка“—Какъ у нашей тещи семеро зятьевъ	Исполн. женскій хоръ Рязанской губ.
7. „Чтой-то звонъ“—плясовая пѣсня Воронежской губ.	Исполн. смѣшанный хоръ.

II.

1. „Закаталося красное солнышко“	Исполн. смѣшанный хоръ.
2. „Лучина, лучинушка“—пѣсня Рязанской губ.	Исполн. крестьянѣ Рязанской губ.
3. „Веселая бесѣдушка“—свадебная пѣсня Смоленской губ.	Исполн. женскій хоръ.
4. Причитанія невѣсты передъ вѣнцомъ	Исполн. крестьянка Смоленской губ.
5. „Долина широкая“—(съ дѣйствомъ)	Исполн. крестьянка Аринушка.
6. „Ночи темныя“	Исполн. смѣшанный хоръ Рязанской губ.
7. „Ой не будите меня молоду“	

Пѣсни всѣ записаны М. Пятницкимъ и готовятся къ печати.

X.

Московскій Политехническій Кружокъ.

Въ Среду, 5-го Марта 1914 г.

Программа Концерта

М. Е. Пятницкаго

съ крестьянами Рязанской, Смоленской и Тульской губерній.

I.

1. „Горы Воробьевскія“	Исполн. мужской хоръ Рязанской губ.
2. „При долинушкѣ калинушка стоитъ“	Исполн. смѣшанный хоръ.
3. „Понапрасну я, дѣвка“	
4. Духовные стихи:	
1. „Кому повѣмъ печали моя“	Исполн. подъ аккомп. лиры М. Е. Пятницкій, М. Я. Шевченко, В. К. Шевченко.
2. „Что мы видѣли? — диву-дивную“ (разставаніе души съ тѣломъ)	
5. „На горѣ-то калина“ (хороводная съ дѣйствами)	Исполн. смѣшанный хоръ.
6. „Чечетка“—Какъ у нашей тещи семеро зятьевъ	Исполн. женскій хоръ Рязанской губ.
7. „Чтой-то звонъ“—плясовая пѣсня Воронежской губ.	Исполн. смѣшанный хоръ.

II.

1. „Закаталося красное солнышко“	Исполн. смѣшанный хоръ.
2. „Лучина, лучинушка“—пѣсня Рязанской губ.	Исполн. крестьяне Рязанской губ.
3. „Веселая бесѣдушка“—свадебная пѣсня Смоленской губ.	Исполн. женскій хоръ.
4. Причитанія невѣсты передъ вѣнцомъ	Исполн. крестьянка Смоленской губ.
5. „Долина широкая“—(съ дѣйствомъ)	Исполн. крестьянка Аринушка.
6. „Ночи темныя“	Исполн. смѣшанный хоръ Рязанской губ.
7. „Ой не будите меня молоду“	

Пѣсни всѣ записаны М. Пятницкимъ и готовятся къ печати.

Рецензіи и замѣтки.

— 17-го и 18-го февраля въ Малой залѣ Дворянскаго собранія состоятся интересные дневные концерты, устраиваемые собирателемъ народныхъ пѣсенъ М. Е. Пятницкимъ. Въ концертахъ этихъ исполнены будутъ народныя пѣсни народными же исполнителями. Нѣкоторыя пѣсни будутъ исполнены на народныхъ же инструментахъ: жалейкахъ, гусляхъ, лирѣ. Всякаго рода элементы новой музыкальной культуры (арранжировки, фортепіанный аккомпаниментъ и т. п.) совершенно устранены изъ программы. Пѣть и играть будутъ исключительно крестьяне и крестьянки главнымъ образомъ Воронежской губерніи, куда г. Пятницкій ѣздилъ минувшимъ лѣтомъ и гдѣ немало еще сохранилось старыхъ хорошихъ пѣсенъ. Судя по фонографическимъ записямъ г. Пятницкаго, среди тамошнихъ пѣвцовъ и пѣвицъ есть дѣйствительно талантливые исполнители (между прочимъ и плакальщицы). Сборъ съ концертовъ пойдетъ въ пользу дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета для устройства дѣтской сельскохозяйственной колоніи.

Русскія Вѣдомости.

Воскресенье, 13-го Февраля 1911 года. № 35.

Этнографическій концертъ.

По случаю 25-лѣтія со дня кончины Н. И. Костомарова, 28-го марта въ залѣ Дворянскаго Собранія Воронежскою Ученою Архивною Комиссіей былъ устроенъ концертъ при участіи М. Е. Пятницкаго, П. М. Меншикова и В. К. Шевченко.

Концертъ состоялъ изъ трехъ отдѣленій: 1-е отд. — былинные напѣвы, 2-е отд. — великорусскія пѣсни и 3-е отд. — пѣсни малорусскія. Былины: „Про князя Владиміра“, запись Тертія Ив. Филиппова, „Про Добрыню Никитича“, записано на Бѣломъ морѣ А. В. Марковымъ, „Кастрюкъ“ и „Гришка Отрепьевъ“, историческія пѣсни, записи Дютша, гармонизованные В. В. Пасхаловымъ. Великорусскія пѣсни по большей части наши, Воронежскія, записанныя исполнителемъ М. Е. Пятницкимъ въ Бобровскомъ уѣздѣ. „Ночки темныя“, „Вѣтры-вѣтерочки“, „Отчево этотъ, вотъ, камень зарождается“, „Ужъ ты, волюшка“, „Загулялъ другъ Ванюша, забылъ про меня“, „Чтой-то звонъ“, — всѣ эти пѣсни съ точностью и большимъ искусствомъ были исполнены какъ однимъ г. Пятницкимъ, такъ и дуэтомъ съ г. Меншиковымъ. Этотъ отдѣлъ нужно признать особенно удачнымъ, и передача великорусскихъ напѣвовъ производила великолѣпное впечатлѣніе. Аккомпанировала В. К. Тернавская.

Все 3-е отдѣленіе было посвящено исключительно малорусскимъ пѣснямъ; исполнялъ ихъ В. К. Шевченко. Аккомпанировалъ себѣ г. Шевченко то на лирѣ, то на бандурѣ. Пѣсни эти — „Дума Морозенко“, записана въ Волынской губ. Н. И. Костомаровымъ, „Про трехъ братівъ Азовьскихъ“ и др. Но особенно удачно вышло исполненіе „Походъ запорожцівъ“ (музыкальная картина); эта музыка безъ словъ замѣчательно художественно была исполнена г. Шевченко.

Вообще вечеръ далъ довольно цѣлостное и въ высшей степени пріятное впечатлѣніе.

Въ антрактахъ игралъ хоръ балалаечниковъ Воронежскаго училища слѣпыхъ.

Д. Б-въ.

Воронежскій Телеграфъ.

Среда, 30-го марта 1911 года. № 72.

Въ Москвѣ состоялось торжественное засѣданіе Музыкально-этнографической Комиссіи по случаю десятилѣтія существованія ея. За время существованія комиссія издала два тома своихъ трудовъ; издается и третій на средства П. Д. Самарина. Докладамъ предшествовала собственно юбилейная часть засѣданія. Были принесены привѣтствія отъ разныхъ обществъ. Закончилось собраніе музыкальными иллюстраціями, среди которыхъ видное мѣсто заняли народныя пѣсни и духовные стихи, записанные М. Е. Пятницкимъ въ Воронежской губ., захватывающіе своей оригинальностью.

Новое Время.

14-го Октября 1911 года. № 12784.

Крестьянскій концертъ.

Вчера въ маломъ залѣ Благороднаго собранія состоялся второй концертъ крестьянъ-великороссовъ, устроенный въ пользу дамскаго благотворительнаго тюремнаго комитета собирателемъ народныхъ пѣсенъ М. Е. Пятницкимъ. Концертъ, въ которомъ исполнителями выступили настоящіе крестьяне изъ глухихъ угловъ великорусскихъ губерній, привлекъ вниманіе широкой публики, которая заполнила Малый залъ Благороднаго собранія. Среди крестьянокъ выдѣлилась своимъ поразительно художественнымъ исполненіемъ народныхъ пѣсенъ крестьянка Аринушка 70 лѣтъ. Нѣкоторые номера программы, состоявшіе почти исключительно изъ мало-извѣстныхъ народныхъ пѣсенъ и недавно записанные М. Е. Пятницкимъ, исполнялись подъ аккомпаниментъ старинныхъ народныхъ инструментовъ: лиры, жалеекъ и гуслей. Крестьяне и крестьянки въ живописныхъ народныхъ костюмахъ съ большимъ увлеченіемъ и непринужденностью вели на сценѣ, изображавшей избу, весенніе, свадебные и масленичные хороводы. Публика горячо привѣтствовала народныхъ пѣвцовъ.

Утро Россіи.

Суббота, 14-го Февраля 1911 года. № 40.

Пѣсни 1812 года.

На-дняхъ вернулся въ Москву М. Е. Пятницкій, командированный Императорскимъ обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, членомъ котораго онъ состоитъ, въ Воронежскую губернію для музыкально-этнографическихъ записей народныхъ пѣсенъ. Собранный М. Е. Пятницкимъ матеріалъ (до 40 народныхъ пѣсенъ) представляетъ большой интересъ какъ со стороны чисто теоретической, такъ и въ смыслѣ изслѣдованія русской народной мелодіи. Записи М. Е. Пятницкій производилъ съ помощью фонографа, который довольно точно передаетъ исполненіе крестьянами различныхъ пѣсенъ. Среди послѣднихъ главное мѣсто занимаютъ обрядовые и духовные стихи. Но особенно любопытны пѣсни, посвященныя Наполеону (Поліёнъ, какъ выговариваютъ крестьяне) и героямъ Отечественной войны. Въ медвѣжьихъ уголкахъ Воронежской губерніи до сихъ поръ народъ въ пѣснѣ вышучиваетъ Наполеона, называя его „вретринай хранцузъ“, или „самовольщикъ и прикащикъ“. М. Е. Пятницкій зимой предполагаетъ устроить рядъ концертовъ, на которыхъ будутъ исполнены пѣсни 1812 года.

Утро Россіи.

Воскресенье, 17-го Августа 1912 года.

Пѣсни крестьянъ.

Очень крупный успѣхъ выпалъ на долю вечера крестьянскихъ пѣсенъ, состоявшагося въ Литературно-художественномъ кружкѣ.

Передъ публикой на фонѣ соотвѣтственныхъ декорацій прошла заправская русская деревня съ ея старинными, еще не опошленными пѣснями, вымирающими нынѣ костюмами, обрядами и присказками.

Участвовало около 30-ти человѣкъ обоего пола, привезенныхъ г. Пятницкимъ изъ Воронежской, Рязанской и Смоленской губерній. Импровизированные исполнители до того входили въ свои роли, что, напримѣръ, женщина, изображавшая невѣсту, во время обрядовыхъ причитаній расплакалась не на шутку.

Большой интересъ представляютъ также былины и духовные стихи, исполненные слѣпыми подъ звуки лиры.

Избалованная кружковская публика отнеслась къ крестьянамъ съ исключительною для нея экспансивностью и много аплодировала.

С. С. М.

Русское Слово.

Четвергъ 26-го Января 1912 г. № 21.

Концертъ М. Е. Пятницкаго.

Вчера въ Литературно-художественномъ кружкѣ состоялся концертъ М. Е. Пятницкаго и его крестьянъ, исполнителей настоящихъ народныхъ пѣсенъ.

Концертъ этотъ давался въ пользу общества взаимопомощи слушателей городского народнаго университета имени Шанявскаго и съ внѣшней стороны прошелъ съ огромнымъ успѣхомъ, — залъ кружка былъ переполненъ.

Интереснъ вышелъ концертъ и по своей программѣ.

Она состояла изъ пѣсенъ, записанныхъ г. Пятницкимъ въ глухихъ уголкахъ Смоленской, Тульской и Рязанской губерній посредствомъ фонографа.

Исполнителями явились крестьяне тѣхъ же мѣстъ, что придавало исполненію особенную цѣнность.

Первое отдѣленіе концерта объединили пѣсни подъ общимъ названіемъ „За околицей“.

Здѣсь было исполнено 12 пѣсенъ.

Затѣмъ вторая часть вечера была посвящена пѣснямъ „Дѣвичника“. Этихъ пѣсенъ было 7.

Вечеръ закончился въ той же декораціи избы, въ которой исполнялись пѣсни „Дѣвичника“, постановкой крестьянской свадьбы со всѣми пѣснями свадебнаго обряда.

Пѣсни были хоровыя и сольныя.

„Свадьба“ закончилась лихой пляской, разнообразными народными танцами, при чемъ послѣдніе исполнялись подъ музыку жалеекъ.

Работа г. Пятницкаго по записи настоящихъ народныхъ пѣсенъ, имѣетъ, несомнѣнно, огромную цѣнность.

Въ этихъ записяхъ русскіе композиторы найдутъ для себя массу интереснаго матеріала.

Концертъ прошелъ съ огромнымъ успѣхомъ. Г. Пятницкому былъ поднесенъ вѣнокъ.

Юрій Сахновскій.

Русское Слово.

Четвергъ, 14 марта 1913 г. № 61.

Намъ пишутъ изъ Москвы: 15 февраля въ маломъ залѣ московской консерваторіи въ пользу общества для пособія нуждающимся студентамъ Имп. Московскаго университета состоялся концертъ М. Е. Пятницкаго, съ крестьянами Смоленской, Рязанской и Тульской губерній. Исполнялись пѣсни бытовыя, бесѣдовыя, обрядовыя; были причитанія и пляски. Пѣніе простыхъ крестьянъ поражало своей стройностью и ритмичностью. Задушевныя народныя мелодіи захватывали слушателей, заставляя поражаться музыкальностью русскаго крестьянина. На ряду съ крестьянами въ концертѣ выступилъ „Ансамбль старинной русской пѣсни М. Е. Пятницкаго“, состоящій изъ двухъ женскихъ голосовъ (оперныхъ артистокъ П. В. Козмовской-Яковлевой и М. А. Охримовичъ) и двухъ мужскихъ голосовъ (М. Е. Пятницкаго и В. К. Шевченка), исполнившій духовные стихи и бытовыя пѣсни подъ аккомпаниментъ стариннаго народнаго инструмента—лиры. Артистовъ, отказавшихся отъ оперныхъ вокальныхъ пріемовъ и посвятившихъ себя изученію и художественному воспроизведенію старинной русской пѣсни, публика принимала весьма тепло, заставляя многократно биссировать. М. Е. Пятницкому былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ отъ комитета о-ва пособія нуждающимся студентамъ. Концертъ имѣлъ опредѣленный успѣхъ и можно только пожалѣть, что г. Пятницкій, не имѣющій необходимыхъ средствъ, лишенъ возможности познакомить и другіе города Россіи съ неподдѣльною пѣснью русскаго крестьянина.

Новое Время.

С.-Петербургъ, 20-го Февраля 1914 г. № 13629.

Концертъ крестьянъ.

Вчера въ залѣ московскаго политехническаго кружка состоялся концертъ крестьянъ Рязанской, Смоленской и Тульской губерній. Устраивалъ концертъ собиратель русскихъ пѣсенъ—М. Е. Пятницкій. Кромѣ хора крестьянъ въ концертѣ приняли участіе самъ г-нъ Пятницкій, малорусскій пѣвецъ и бандуристъ г-нъ Шевченко и пѣвцы любители.

Были исполнены русскія народныя пѣсни. Публики много. Успѣхъ большой. Изъ пѣсенъ особенно понравились: „Тушите лучинушку“ и „Чечетка“ записи М. Е. Пятницкаго, и „Кому повѣмъ печали моя“, записанныя Д. И. Аракчіевымъ.

Крестьянскій хоръ не только пѣлъ, но и далъ намъ образцы русской народной мелодрамы въ „хороводной съ дѣйствами“.

Концертъ затянулся за полночь. По требованію публики было исполнено много номеровъ сверхъ программы.

Не мѣшало бы г.г. поклонникамъ исполнительницъ псевдо-русскихъ пѣсенъ послушать настоящее народное пѣніе.

НОВЬ.

Четвергъ, 6 марта 1914 г. № 44.

Крестьянская пѣсня.

Въ противовѣсъ тѣмъ фабричнымъ частушкамъ, которыми подмѣнили и заслонили подлинную Русскую народную пѣсню, М. Е. Пятницкій задался прекрасною цѣлью—записать на мѣстахъ и издать настоящія простонародныя пѣсни Великорусскія, дабы воскресить и широко распространить среди нашего общества нашу родную народную пѣсню, то безконечно-грустную и заунывную, то лихо-удалую и развеселую. Ради ознакомленія москвичей съ русскою пѣснью, имъ данъ 15 сего Февраля въ Маломъ залѣ Консерваторіи концертъ, исполнителями коего явились настоящіе крестьяне и крестьянки Рязанской, Воронежской и Тульской губерній въ своихъ національныхъ нарядахъ. Ими исполнены были съ большимъ успѣхомъ одноголосыя, хоровыя и плясовыя пѣсни, хороводныя и свадебныя, причитанія невѣсты передъ вѣнцомъ; въ особенности удалась пропѣтая крестьянкой Аринушкой пѣсня съ дѣйствомъ „Долина широкая“, хороводная съ дѣйствами „На горѣ-то калина“, плясовая „Чтой-то звонъ“. Это надо всемѣрно привѣтствовать, вспоминая знаменательно-проникновенное изреченіе Матушки-Екатерины, на предложенный Императрицѣ вопросъ объ Ея мнѣніи о Русском [illegible]. „Не можетъ быть дурнымъ народъ, который все поетъ“.

Голосъ Русскаго.

17 Февраля 1914 года. № 7 (344).

III.

НАРОДНЫЯ ПѢСНИ и ДУХОВНЫЯ СТИХИ

СЪ ПОЯСНЕНІЯМИ

М. Е. ПЯТНИЦКАГО,

записанныя на граммофонныя пластинки и исполненныя *):

1) Хоромъ (мужскимъ) крестьянъ.
2) „ (женскимъ). „
3) „ смѣшаннымъ (мужскимъ и женскимъ) крестьянъ.
4) Ансамблемъ старинной русской пѣсни М. Е. Пятницкаго.

Выпускъ 1-й.

*) Съ Декабря мѣсяца с. г. поступятъ въ продажу у **Роберта Кенцъ**, Москва, Мясницкая 5.

ВЕЛИКОРОССКІЯ.

Духовные стихи.

Что мы видѣли.

Духовный стихъ „разставаніе души съ тѣломъ“ записанъ въ Воронежск. губ.

Что мы видѣли?
—Диво-дивное,
Диво-дивное,
Тѣло мертвое.
Какъ душа-то съ тѣломъ
Разставалася,
Разставалася,
Да прощалася.
Какъ тебѣ-то душа
На судъ Божій идти,
А тебѣ-то тѣло—
Во сыру-мать землю.

Было время, когда жили крестьяне цѣлыми семьями въ 40—50 человѣкъ, жили дружно. Въ такихъ семьяхъ въ воскресные и праздничные дни „старшіе“ пѣли духовные стихи. Теперь объ этомъ осталось одно лишь воспоминаніе.

Эхъ, у царя-то, вишь, было.

Эхъ-у царя-то, вишь, было
Охъ-да у Демьянишща,
Ахъ, у няво-то была царица благовѣрная.
Ахъ, породила она сабѣ да три дочери,
Да четвертаю сына,
Сына да Яюрія.
Да у Яюрія височки,
Они бѣлъ-ковыль трава;
Да бѣлъ ковыль трава,
Да ишто снѣгу бѣлова.

Кому повѣмъ.

Кому повѣмъ
Печали моя,
И кого призову ко рыданію,
Токмо тебѣ,
Увладыко мой!
Кто-бы мнѣ далъ
Источникъ слезъ,
Я-бы возрыдалъ
Слезно день и нощь,
Я-бы угасилъ
Злый геенскій огнь!

ПѢСНИ.

Ужъ, вы горы, вы мои.

Ужъ вы горы, вы мои,
Горы воробьевскія!
Ну чего-же, вы горы,
Горы, вы спородили?
Спородили вы, горы —
Одинъ бѣлъ-горючъ камень.

Отличительная черта русскаго народа: посмотрѣлъ на горы, поетъ о нихъ пѣсню; увидѣлъ жаворонка, — взываетъ къ нему — „ты воспой, жавороночекъ, весной на проталинкѣ“,—говоритъ съ природой, чувствуетъ ее. Кажется, нѣтъ былинки въ мірѣ, которую-бы не воспѣлъ русскій народъ. „Воробьевскія-же горы“ — излюбленная пѣсня. Ее поютъ по всей Руси въ различныхъ варіантахъ. Поютъ эту пѣсню большею частью мужчины (мужицкая пѣсня). Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ, напримѣръ въ Воронежской, поютъ эту пѣсню просто „горы крутыя“ не называя воробьевскими.

На горѣ то калина. Хороводная пѣсня.

На горѣ-то калина,
Подъ горою малина,
Тамъ дѣвченка гуляла,
Калинушку ломала,
Во пучечки вязала,
На дорожку бросала,
Во молодца попала!...
Во молодца, сиротина, попала,
Во молодца, моя радость, попала (припѣвъ).

Умираетъ старинная русская пѣсня. Умираютъ съ нею и дивныя хороводныя дѣйства. Чтобы понять, какая красота уходитъ отъ насъ, нужно поѣхать въ отдаленныя селенія нашей обширной Руси, гдѣ еще мѣстами сохранились памятники старины и послушать все это на мѣстѣ. Образцомъ такой красоты и служитъ настоящая пѣсня. Свойственная русской народной пѣсни грусть и „сердечная тоска“ — проходитъ здѣсь красною нитью, какъ въ мотивѣ, такъ и въ припѣвѣ „сиротина-калина“.

Замѣчательно въ этой пѣснѣ и то, что здѣсь сказался со всею яркостью характеръ русской женщины, ея безпредѣльная любовь, полная мягкой ласки и самоотреченія... „Поцѣлую... и пойду“, больше ничего мнѣ отъ тебя не надо.

Прощай жизнь, радость моя.

Прощай жизнь, радость моя,
Слышу — ѣдешь, милый, отъ мене,
Эхъ, намъ должно съ тобой разстаться,
Эхъ, тебе больше не видать.
Эхъ, темная ноченька, мнѣ не спится,
Самъ не знаю я, вотъ, почему,
Эхъ, сама дѣвица да мнѣ сказала:
За мной, мальчикъ, не гонись,
Если погонишься, мальчикъ, за мною,—
Потеряешь свой спокой.

„Прощай „жизнь“, радость моя...“ Такъ обращается къ своему милому при разставаніи, быть можетъ, на „вѣчную разлуку“ русская дѣвушка. „Намъ должно съ тобой разстаться, тебя больше не видать...“ Хоть и люблю тебя и даже больше прежняго, а „разстаться“ все же „намъ должно“. И что же ея „милый“, ея „жизнь-радость“ угрожаетъ мщеніемъ?!..“ Ничего подобнаго. Безъ единаго намека на упрекъ выслушиваетъ онъ приговоръ. Старается понять это — „намъ должно съ тобой разстаться“.

Въ долгія, темныя ночи онъ не спитъ, думая о своей возлюбленной. Ему теперь понятно стало рѣшеніе „намъ должно съ тобой разстаться“. Она, вѣдь, не обѣщала ему „вѣчности“... Наоборотъ, она даже предупреждала его о возможной разлукѣ: „за мной, „мальчикъ“, не гонись...! ...потеряешь свой спокой...“ И вотъ, вся она чистая, свѣтлая, правдивая, искренняя въ своихъ чувствахъ — встаетъ въ его памяти въ долгія, темныя ночи. Вспоминается каждая минута, проведенная вмѣстѣ съ нею.

Вспомни день майскій, прекрасный...

Все необыкновенно просто. Когда же вдумаешься въ эту простоту — невольно поражаешься ея величіемъ.

— Большое счастье любить, величайшее — сохранить его навсегда.

Эхъ, спасибо, эхъ-да, вотъ, спасибо-ну.

Эхъ, спасибо, эхъ-да, вотъ, спасибо ну,
„Маму́“ синему кувшину, все кувшину,
Эхъ, расточилъ-бы, разогналъ-бы
Всю тоску мою кручину, всю кручину;
Эхъ-да не тоска — не кручина
По сънямъ она гуляетъ, все гуляетъ,
Эхъ-да у „мине“-ли молодца
Жена моя помираетъ, помираетъ.

Для человѣка, мало знающаго бытъ деревенской крестьянской жизни, страннымъ покажется, почему русскій крестьянинъ обращается въ пѣснѣ съ благодарностью къ какому-то синему кувшину. Все это очень просто объясняется: въ старину варили „браженьку“ (брагу) — изъ муки, солода, меду и хмѣля. Напитокъ очень вкусный и въ тоже время очень хмѣльный. Подавалась „браженька“ въ простыхъ глиняныхъ кувшинахъ. Изъ такихъ кувшиновъ пили брагу. „Синій кувшинъ“, а вѣрнѣе, конечно, содержимое въ немъ было источникомъ вдохновенія...

Выпили „браженьки“, заиграла кровь, явилось желаніе высказать и радость и горе, настроеніе въ общемъ создалось такое, что называется, „душа на распашку“—человѣкъ и запѣлъ: „эхъ-да, вотъ, спасибо ну, „маму́“ синему кувшину“...

Полно, полно вамъ ребята (хороводная).

Полно, полно вамъ ребята,
„Чужу пиву“ пити;
Не пора-ли вамъ, ребята,
„Сваво“ наварити,
Мы бы рады наварили.....
. . . . . .
„Болитъ больно сердéчушко,
Мое ретивое“ . . . . . .

Эта хороводная пѣсня поется во всѣхъ деревняхъ центральныхъ губерній Россіи. По смыслу пѣсни парень рѣшаетъ утопиться, такъ какъ „болитъ больно сердéчушко“. Ему теперь не до пива. Къ нему выходитъ изъ хоровода дѣвушка, которая уговариваетъ его не дѣлать этого, потому что онъ загубитъ не только свою душу, но и жизнь дѣвушки, которая его такъ любитъ. Парень поэтому мѣняетъ свое рѣшеніе, обѣщаетъ купить ей шелковый платокъ. Дѣло кончается поцѣлуями въ хороводѣ парня и дѣвушки, которые проводятъ эту сцену. Парень поетъ дѣвушкѣ „куплю шелковый платокъ, а за этотъ за платочекъ поцѣлую разъ пятóчекъ“.

Кому радость, кому горе.

Кому радость, кому горе,
А мнѣ младой — одна грусть — тоска,
Пролетѣла моя младость,
Ой-да прокатили всѣ мои года.

Въ этой пѣснѣ русская женщина плачетъ о своей горькой долѣ. И послушайте, какъ просто она его излагаетъ:

Пролетѣла моя младость,
Прокатили всѣ мои года,
Охъ-да наступаетъ
Она, моя старость,
Словно лютая зима.

Въ постоянныхъ заботахъ, трудѣ: русская женщина-крестьянка несетъ почти всѣ работы наравнѣ съ мужчиною. Если она не пашетъ землю, то боронитъ, если не коситъ, — то жнетъ, вяжетъ снопы, словомъ, во всемъ является помощницею своему мужу. Въ такомъ трудѣ прошла ея младость. Но работа не сокрушила-бы души этой труженицы и если русская женщина заговорила о тоскѣ и грусти — главная причина этому: семейный разладъ... Но она безропотно несетъ свой крестъ и при такихъ тяжелыхъ условіяхъ жизни. Такъ прошла ея младость, а вотъ „наступаетъ она моя старость, какъ холодная зима“...

Ой-да въ полѣ травка погорѣла.

Ой-да въ полѣ травка —
Она погорѣла,
Когда дождичекъ пройдетъ,
Полынь — травка она воздохнетъ.

Какая любовь живетъ въ сердцѣ русской женщины къ природѣ, какъ нѣжно воспѣваетъ она даже „полынь-травку“, которая „воздохнетъ отъ дождичка“... Картины окружающаго ея міра она, какъ-бы, примѣняетъ лично къ себѣ самой:

„Полынь-травка воздохнетъ“.

а вотъ я....

„Ой-да я вздохнула,
„Да я вспомянула
„Про злодѣя, да я своего,
„Ты злодѣй-ли, другъ-Ванюша,
„За что мучаешь меня“...

Въ мелодіи пѣсни слышится долго таившаяся и затѣмъ неудержимо прорвавшаяся грусть, выраженная въ особыхъ подголоскахъ и неожиданныхъ музыкальныхъ выкрикахъ („Э-хы“)...

А я по лугу гуляла.

А я по лугу гуляла,
Съ комарикомъ плясала,
Мнѣ комаръ ножку—
Комаръ ножку отдавилъ,
Суставчики раздробилъ.

У русскаго народа большею частью грустныя пѣсни, но онъ поетъ и веселые. Смѣется иногда отъ души, здоровымъ смѣхомъ... Послушайте этого „Комарика“ въ исполненіи крестьянъ и тогда только вы поймете сколько юмора въ каждомъ словѣ:

„Отрублю ему голову,
„Покатилась голова
„За дальнія ворота...

Слова не требуютъ поясненія. Когда-же вы услышите мелодію, слегка обвѣянную грустью, вы не можете не улыбнуться такому несоотвѣтствію грустной мелодіи съ смѣшнымъ, веселымъ текстомъ. Нужно замѣтить, что подъ эту пѣсню пляшутъ „русскую“.

Ужъ ты, вѐснушка, ты весна.

Ужъ ты вѐснушка, ты весна,
Охъ намъ не въ радость
Ты весна пришла;
Краснымъ дѣвкамъ —
Превеликая сухотà!....

Вотъ какъ встрѣчаетъ русская дѣвушка весну. „Намъ не въ радость ты весна пришла“... Почему-же?

— „Краснымъ дѣвкамъ—превеликая сухота“...

Какой простой отвѣтъ. И какъ эта простота захватываетъ вашу душу, когда вы слышите все это отъ русской дѣвушки, высказывающей всѣ свои завѣтныя желанія, среди окружающей ее деревенской природы, въ звукахъ дивной мелодіи...

Чего, чего не передумаетъ она вечернею зарею прислонившись къ садовому плетню— въ предвидѣніи счастья съ милымъ сердцу... вотъ и сухотà...

Закаталась красное солнушко.

Закаталась красное солнушко
Все за темные лѣса,
Да всѣ пташки пріумолкнули,
Всѣ садились они по мѣстамъ.
Какъ подъ деревомъ, подъ ветлиною,
Тамъ хижина стоитъ;
Какъ во этой хижинѣ,—
Тамъ солдатская вдова живетъ.

Настоящая пѣсня рисуетъ картину русской солдатской службы Николаевскихъ временъ. Срокъ службы былъ двадцатипятилѣтній. Люди поступали на службу молодыми, а приходили стариками. И, конечно, ихъ не узнавали родные, когда они возвращались со службы.

„Какъ нечаянно къ ней (солдатской вдовѣ)
„Постучались два героя подъ окно“.

И эти герои оказались:

„Одинъ герой воззрѣлыхъ лѣтъ“—ея сынъ,
„Другой—какъ бѣлый снѣгъ“—ея мужъ.

Всѣ лучшіе годы человѣческой жизни тратились на военную службу. Отъ мелодіи этой пѣсни вѣетъ особенною грустью.

Полоса моя, полосынька.

Полоса моя, полосынька,
Ой, полоса моя непаханая,
Не пахана, не волочена,
Заросла моя полосынька
Частымъ ельничкомъ, березничкомъ,
Молодымъ, горькимъ осинничкомъ.

Какъ соловей весною ранней поетъ своей подругѣ пѣсни, какъ любимой дѣвушкѣ нашептываетъ грезы о счастьи ея суженый, такъ русскій крестьянинъ обращаетъ свои проникновенныя ласки къ своей полосынькѣ. И немудрено. Полосынька для русскаго крестьянина все. Это — его жизнь, его кормилица. Безъ полосыньки русскій крестьянинъ жить не можетъ. Ему безконечно жаль своей полосыньки, что она не пахана, — заросла она березничкомъ. Словно мать причитаетъ надъ своимъ ребеночкомъ. Заросла полосынька... Почему-же?... — Вѣтерокъ несетъ печальный отвѣтъ: „вашему пахарю моченьки нѣтъ“. А быть можетъ... „по Владиміркѣ пахаря гонять, за широкій, за вольный размахъ“...

Соловей—соловьюшикъ.

Соловей — соловьюшикъ,
Что-жъ ты не веселъ сидишь-то,
Повѣсилъ свою головушку —
Корму не клюешь?...

Много горькаго, тяжелаго вынесъ на своихъ плечахъ русскій народъ. Княжескія междоусобицы, татарское иго и другія историческія событія порабощали въ русскомъ народѣ чувство свободы. Но несмотря на все это, онъ сохранилъ это чувство въ глубинѣ души своей и только въ пѣсняхъ своихъ порою выливалъ всю затаенную скорбь:

„Клевалъ-бы я ваши зернушки,
„Да воленьки нѣтъ,
„Пѣлъ-бы я вамъ ваши пѣсенки,
„Да голосу нѣтъ“...

Эхъ—да, ужъ вы ночи.

Эхъ-да, ужъ вы ночи,
Ночки темныя,
Эхъ-да вечерочки,
Вечерочки развеселые,
Эхъ-да всѣ я ноченьки
Млада „просижвыла“,
Всѣ я думушки
Млада „продумвыла“,
Какъ одна дума
Съ ума „нейдетъ“,
Охъ-да съ ума — разума.

Всѣ я ноченьки млада „просижвыла“, всѣ я думушки млада „продумвыла“.... Такъ исповѣдуетъ свою душу русская женщина. О чемъ эти мучительныя думы, эта скорбь? Что случилось?

—„Я сама, дѣвка, глу́па сдѣлала: (продолжается исповѣдь)
„При бесѣдушкѣ дружка „проиѣвыла“
„Назвала его — „горькимъ пьяницей“.

Развѣ въ этой пѣснѣ не сказывается особенная красота души русской женщины и все ея скромное величіе!

Веселая бесѣдушка.

Веселая бесѣдушка,
Эхъ, гдѣ батюшка пьетъ,
Онъ пьетъ, не пьетъ, родимый мой,
За мной младой шлетъ,
Охъ, а я млада, что младешенька замѣшкалася,—
Что за утками, что за гусями, за лебедями.

Пѣсня записана въ Смоленской губерніи. Поютъ эту пѣсню женщины и, большею частью, на свадьбахъ. Мотивъ пѣсни очень грустный. Дѣвушка крестьянка съ выходомъ въ замужество часто несетъ крестъ мученицы. Она попадаетъ въ тяжелую обстановку семейной жизни: „свекоръ-варчливый, свекрыкропотлива, деверь-злой насмѣшникъ, золовка-смутьянка". А всѣмъ нужно угодить. Вотъ и вспоминается ей „веселая бесѣдушка" родительскаго дома, гдѣ и она была любима, гдѣ и она когда то смотрѣла радостно на окружающій міръ.

И—охъ пошелъ онъ, нашъ королинка.

И—охъ пошелъ онъ, нашъ королинка,
На гуляньице,
Оставилъ онъ жену свою—
На горяванье,
Да самъ пошелъ королинка
На круту гору.

Пѣсня эта записана въ Воронежской губерніи и, очевидно, происхожденіе ея не чисто великорусское. Въ пѣснѣ говорится о королѣ, о его женѣ „Марусенькѣ", которая въ отсутствіи мужа, родивъ ребенка,—умерла. Король же видѣлъ сонъ:

„Онъ спать—не спалъ королинка,
„Привидѣлся сонъ:
„Изъ-подъ правой изъ подъ руки—
„Соколъ вылеталъ,
„Изъ подъ лѣвой изъ-подъ руки—
„Сѣра утица.

Сонъ этотъ отгадала королю ворожея сказавъ, что въ домѣ его неблагополучно. Король поспѣшилъ въ свой замокъ и засталъ жену свою и ребенка лежащими въ гробу. Мелодія этой пѣсни соотвѣтствуетъ тексту, т. е. грустная.

Не будите меня молоду.

Не будите меня молоду,
Ранешенько поутру,
Вы тогда меня взбудите,
Когда солнышко взойдетъ,
Пастухъ выйдетъ на лужекъ,
Заиграетъ во рожекъ,
Хорошо пастухъ играетъ,
Выговариваетъ...

Пѣсня эта рисуетъ веселую картинку деревенской жизни. Какъ пріятно бываетъ, когда среди мрачныхъ тучъ проглянетъ солнышко и лучами своими согрѣетъ душу, такъ радостно слышать среди, большею частью, грустныхъ крестьянскихъ, старинныхъ пѣсенъ — живую картину деревенской жизни:

Выгоняйте, вы скотину
На широкую долину,
На попову луговину.
Гонятъ дѣвки, гонятъ бабы,
Гонятъ малые ребята,
Гонятъ стары-старики,
Міроѣды мужики.
Гонятъ старыя старушки
Міроѣдовы женушки.

Наконецъ, собрали стадо. А послѣ становились они вкругъ.

Одна дѣвка удала
Съ пастушкомъ плясать пошла:
Она пляшетъ, платкомъ машетъ,
Пастушка къ себѣ зоветъ,
Пойди ко мнѣ пастушокъ,
Пойди миленькій дружекъ...

Поется пѣсня вольно, широко.

Тушите лучинушку (свадебная).

Тушите лучинушку,
Ложится спать,
А мнѣ молодешенькѣ
Всю ночку не спать:
Свашеньку мнѣ ждать,
Заутра мою косыньку
На двѣ расплетутъ...

Пѣсня „Тушите лучинушку“ переноситъ слушателя въ далекую старину, когда вмѣсто свѣчей и керосина, жилыя помѣщенія освѣщались только лучиною (мелко-разщепленное дерево, преимущественно береза). Въ то время существовалъ такой обычай: просватанная дѣвушка собирала въ избу своихъ родителей подругъ и вмѣстѣ съ ними шила приданое (дары). Долгіе осенніе вечера и ночи горѣла лучина. Дѣвушки работали и пѣли спеціально пріуроченныя къ этому обычаю — пѣсни. А вотъ, наконецъ, обращается къ своимъ подругамъ и невѣста: „тушите лучинушку“.... Сколько затаенной грусти въ этой чудной мелодіи! Отъ нея вѣетъ такой стариной.....

Гуляла чечетка.

Гуляла чечетка,
Гуляла лебедка
Въ зеленомъ саду. (2 раза).
Поймали чечетку,
Поймали лебедку
Въ зеленомъ саду. (2 раза).
Посадили чечетку,
Посадили лебедку
За рѣшоточку. (2 раза).
Сидѣла чечетка,
Сидѣла лебедка
Ровно семь годовъ. (2 раза).
Нажила себѣ чечетка,
Нажила себѣ лебедка
Ровно семь дочерей. (2 раза).
И Дарью, и Марью, Арину и Марину,
Степаниду, Салманиду,
А седьмую Катерину,
Душу Катеньку....
. . . . . .
. . . . . .
Нажила себѣ чечетка
Ровно семь зятьевъ:
Степана, Романа,
Дементія, Клементія,
Серѣя, Астинѣя,
А седьмаю Алексѣя,
Дурака,—Лешеньку.
Помилуй, сударь, баринъ, (2 раза)
Моихъ семь зятьевъ.....

Пѣсня записана въ Рязанской губерніи. Поется крестьянами стройно, ритмично и главное серьезно, отчего пѣсня принимаетъ еще болѣе комическій (шуточный) характеръ. За то послѣ, когда пѣсня окончена,—всѣ пѣвцы-крестьяне непремѣнно разсмѣются.

Чтой-то звонъ.

Чтой-то звонъ,
Чтой-то звонъ,
Въ нашей колокольнѣ?
Не про насъ-ли, другъ Ванюша,
Все бьютъ-гутарютъ.
Пущщай бьютъ, гутарютъ,
Авось перестануть.
А мы съ тобой, другъ Ванюша,
Въ любви наживемся,
Въ любви, въ любви наживемся,
Да врозь разойдемся,
Не ты ко мнѣ,
Не я къ табѣ
Не будемъ ходити.
Не ты мене,
Не я тебе
Не будемъ любити.
Хорошо было свыкаться
Подъ бѣлой березой,
Тошно, грустно разставаться
Подъ горькай осиной.

Пѣсня записана въ Воронежской губерніи, подъ эту пѣсню пляшутъ „русскую".

А всѣ, кумушки, домой.

А всѣ, кумушки домой,
Всѣ, голубушки домой,
Ай домой, домой, домой, (2 раза)
А я домой не пойду, (2 раза)
Ой не пойду, не пойду, (2 раза)
А я тута ночую, (2 раза)
Ой ночую, ночую. (2 раза)

Пѣсня записана въ Рязанской губерніи, поется обыкновенно, послѣ „веселой бесѣды", когда гости расходятся по домамъ. Поется ритмично и съ необыкновенной удалью.

МАЛОРОССІИСКІЯ.

Духовный стихъ.

Пішла Дѣва Марія.

Пішла Дѣва Марія
На круту гору.

Аллилуіа.

На круту гору
Христа шукати.

Аллилуіа.

Та нейзнашла Христа
Середь жидовья.

Аллилуіа.

Чи ни вы-ли, жиды
Христа распьяли?

Аллилуіа.

— Ні, не мы Дѣва,
Не мы, Святая.

Аллилуіа.

Распьялі Христа
Діды, продіды.

Аллилуіа.

Духовный стихъ записанъ въ Воронежской губерніи въ малорусскомъ селеніи, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города Воронежа и окруженнаго сплошь великорусскими селеніями. Удивительно, какъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій, эта горсточка малороссовъ могла сохранить малороссійскій бытъ и укладъ жизни. Съ какой любовью и проникновеніемъ они поютъ духовные стихи, рождественскіе колядки. Слушаешь ихъ и переносишься мыслью въ далекія времена. Кто былъ геніемъ, положившимъ чудные напѣвы на духовные стихи? — Народъ. И грустно, когда подумаешь, что все это въ „прошломъ“. Были люди въ минувшіе вѣка здоровые душей и тѣломъ, любили природу, жили среди нея, среди луговъ зеленыхъ, степей привольныхъ, и, конечно, великая и щедрая мать природа навѣвала великія мысли и дивныя мелодіи.

Что могутъ дать теперь намъ вѣчно гремящія, шипящія, пропитанныя смрадомъ фабрики? Они убили душу, убили поэзію.

ПѢСНИ.

Купала на Йвана.

Купала на Йвана!..
Та купався Иванъ
Та въ воду впавъ,
Купала ай на Йвана!..
А на Петра хлібъ пекла,
А на Ивана выбирала,
Купала на Йвана!..
Шли дівочки по ягідочки,
А молодиці по полуниці.

Пѣсню эту пѣли въ старину въ Малороссіи. Въ ночь подъ „Ивана Купала“ (24-го Іюня) „дівчата“ и „парубки“ собирались за селомъ, у опушки лѣса, недалеко отъ рѣки. Сюда „парубки“ приносили соломы, хвороста и раскладывали все это на небольшія кучки, разстояніе между которыми приблизительно не болѣе двухъ саженей. Вечеромъ, при заходѣ солнца, зажигали костры. „Дівчата“ становились въ рядъ и пѣли пѣсню „Купала“. Пропѣвши первый куплетъ, онѣ начинали перепрыгивать черезъ костры одна за другой; по окончаніи этого, „дівчата“ возвращались обратно на тоже мѣсто и продолжали пѣть второй куплетъ и вновь перепрыгивать черезъ костры и т. д. до окончанія послѣдняго куплета пѣсни. Въ то время когда „дівчата“ перепрыгиваютъ черезъ костры, „парубки“ въ сторонѣ отъ нихъ поютъ другія украинскія пѣсни. Затѣмъ, молодежь сходится вмѣстѣ. Поютъ пѣсни, танцуютъ малороссійскіе танцы вплоть до „гопака“, а затѣмъ идутъ на рѣку и катаются на лодкахъ. Въ Кіевской губерніи этотъ обычай совершается иначе. Въ ночь подъ „Йвана Купала“ „парубки“ и „дівчата“ срываютъ въ ростъ человѣка вербу и прикрѣпляютъ къ вѣткамъ ея свѣчи. Обвѣшиваютъ вербу вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ, зажигаютъ свѣчи, ходятъ вокругъ вербы и поютъ „Купала на Йвана“! Затѣмъ идутъ къ рѣкѣ. „Парубки“ во время шествія на рѣку стараются срывать вѣнки съ вербы, но имъ это не удается, такъ какъ „дівчата“ оберегаютъ вербу и не допускаютъ до нея. Сопровождается все это шутками, весельемъ безпредѣльнымъ.... Наконецъ, приходятъ къ рѣкѣ. Поютъ „Купала на Йвана“, и погружаютъ вербу съ вѣнками въ воду.

Затѣмъ, отправляются въ лѣсъ искать цвѣтокъ папоротника, который по народному повѣрію, будто-бы цвѣтетъ въ двѣнадцать часовъ въ ночь подъ „Ивана Купала“. Кто найдетъ этотъ цвѣтокъ, тотъ будетъ счастливъ.

Та туманъ яромъ.

Та туманъ яромъ,
Морізъ долиною,
Та не по правді,
Та козаченько
Живе съ дивчиною.
Та по тімъ боці,
Та Дунай річкі
Цйгане стояли,
Та між тими,
Та цйганами
Цйганка-воріжка.
Та до тієї цйганочки
Протоптана доріжка.

Петрівочка—мала нічка.

Петрівочка—мала нічка
Не выспалась, моя дівочка.
До череди вигоняла,
На пеньки ноги позбивала,
Вже корови пішли въ діброви,
А телята пасуть хлопъята.

Эту пѣсню „дівчата“ поютъ въ Петровъ постъ во время полки огородовъ.

Ой, знати, знати.

Ой, знати, знати,
Хто кого любе,
Стисне до серденька,
Шей приголубе.
Ой, знати, знати
Въ кого е дочки
Втоптані стежечки
Черезъ садочки.
Ой, знати, знати
Хто не женатій:
Білее личенько,
Якъ въ паненяті.
Ой, знати, знати
Хто оженився:
Скорчився, зморщився,
Шей зажурився.

„Ансамбль народной пѣсни М. Е. Пятницкаго“.

1) П. В. Козмовская, 2) М. А. Шевченко, 3) Р. А. Кондра, 4) М. Е. Пятницкій, 5) В. К. Шевченко.

МОСК. БИБЛИОТЕКА ОБЛ.

„Когда жъ дождичекъ пройдетъ,
Полынь-травка она воздохнетъ...“

„Отчего же этотъ,
вотъ, камень,
Камень зараж=
дается?..“

„Отчего же, вотъ,
эта волга,
Волга разли=
вается?..“

„Кому повѣмъ печали моя,
И кого призову къ рыданію,
Токмо тебѣ увладыко мой!..“

Изданіе 1914 года.

Типо-Литографія Ж. Шейбель, Москва, Мясницкая.